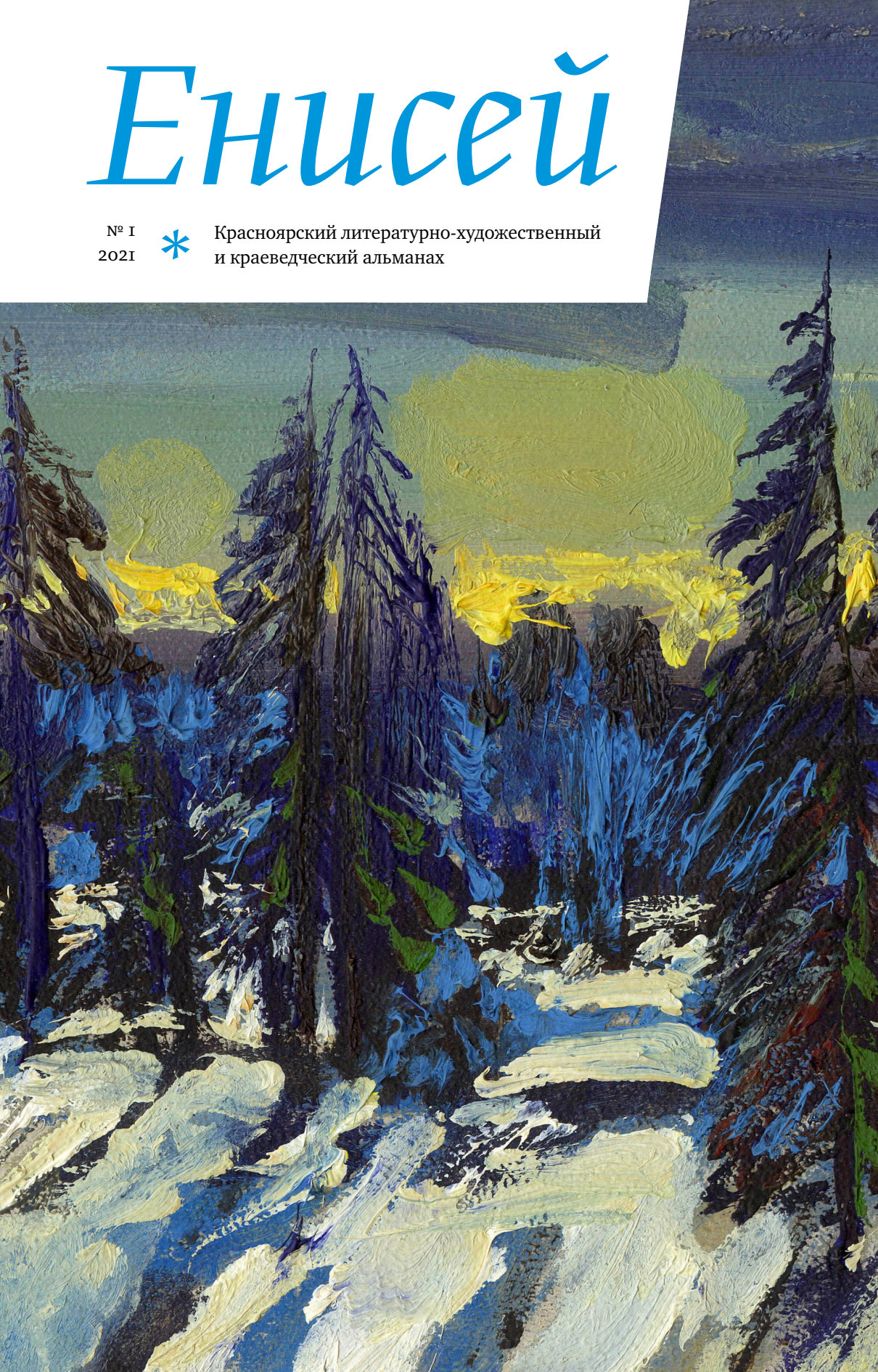

Енисей

№ I
2021

Красноярский литературно-художественный
и краеведческий альманах

Енисей

№1
2021

Красноярский литературно-художественный
и краеведческий альманах

Михаил Тарковский главный редактор

заместители
главного редактора:

Александр Ёлтышев по прозе

Сергей Кузнечихин по поэзии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр Астраханцев прозаик, член Союза
российских писателей

Леонид Бердников краевед, председатель
историко-патриотического
общества «Краевед»

Иван Булава прозаик, первый секретарь
Сибирского представительства
Союза писателей России и Белоруссии

Марина Москалюк доктор искусствоведения, профессор,
ректор ФГБОУ ВО «Сибирский
государственный институт искусств
имени Дмитрия Хворостовского»

Михаил Северьянов заведующий кафедрой истории
России Гуманитарного института
ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет»,
доктор исторических наук,
профессор

Красноярск
«Знак»

ББК 84 (2 Рус = Рос)

Е 63

Альманах выходит благодаря
финансовой поддержке министерства
культуры Красноярского края.

Мнение редакции может
не совпадать с мнением авторов.

Редакция не вступает в переписку.
Тексты не рецензируются.

В оформлении обложки
использованы фрагменты картин
Владимира Фуфачёва «Тайга» и «Вершины».

Адрес редакции:
г. Красноярск, пр. Мира, д. 3,
Дом искусств

Вёрстка: Олег Наумов
Корректор: Андрей Леонтьев

Подписано в печать: 25.06.2021

Тираж: 500 экз.

Формат: 70 × 100 / 16

Объём: 17,23 усл. печ. л.

Отпечатано в ООО «Знак»:
660028, г. Красноярск, ул. Телевизорная, 1, стр. 21
тел.: 8 (391) 290-00-90, znak24.ru

ISBN 978-5-6044837-6-3

Содержание

ЮБИЛЕЙ

Владимир Нестеренко

Жизненные истории 5

Михаил Гундарин

Солнце всходит и заходит 18

ПРОЗА

Виктор Самуйлов

Обугленный мираж 34

Владимир Максимов

Ненаписанный рассказ 54

Николай Тимченко

Нескладный Михей 65

Владимир Ярош

Крёстный отец 77

ПОЭЗИЯ

Дарья Верясова

Потому что он — всегда... 82

Николай Ерёмин 86

Елена Крюкова

Иркутский рынок 91

Дмитрий Кадочников 98

Александр Левченко 102

Борис Углицких

Стихи из книжки

«Сели звери в экипаж» 108

КЕЖЕМСКИЕ БАЙКИ

Альбина Мамаева

Что-то с памятью... 112

Пётр Усольцев

Заугольиш 123

ПУБЛИЦИСТИКА

Марат Валеев

Эвенкийская жизнь 126

КРИТИКА

Юрий Татаренко

Молодость. Поэзия. Сибирь 154

РУССКАЯ БАЛТИЯ

Чемпионат мира по русской поэзии 163

Елена Уварова

Свекровь 164

Елена Скачко

Клавкина высота 165

Петра Калугина

Скажи ему 166

Инга Даугавиете

Остаться в живых 167

КРАЕВЕДЕНИЕ

Анатолий Вершинский

Сонеты земляка 169

Ольга Немежикова

Предлетье 174

ВОСПОМИНАНИЕ

Любовь Карзникова

Живущий посередине мира 200

Авторы 207

Владимир Нестеренко

Жизненные истории

Слёзы в долг

Виктор не помнит, когда последний раз плакал. Не по родным людям, ушедшим в мир иной, а за себя, от обиды и своего бессилия. Скорее всего, плакал горючими пацаном. Причины бывали разные. Чаще от кулаков мальчишек старшей группы детского дома. А тут его, сорокалетнего, прорвало...

Стоял промозглый октябрь. Он и его напарник Генка Бугров хлестались безвылазно на хлебоуборке. Сначала молотили хлеб на деляне Бугрова, затем перешли, припозднившись, на ниву Виктора. Комбайн у Генки часто ломался, подолгу стоял красной огромной кочкой на поле, и эта волюнка больно бередила душу Бабашина, сеяла недоверие к напарнику.

Пшеница у Виктора по чистому пару хорошо уродила, сыпалась в бункера двух комбайнов золотым потоком, и сердце пело: долг перед банком за «Кировца» уж точно погасит, и угроза его потери отпадёт, как примороженный осенний лист. Но сроки платежа поджимали. Виктор, измотав на кулак нервы, сумел-таки добиться некоторой отсрочки, так как урожай хорош, но пока на корню. На поле приезжали две фифочки из банка, убедились, что у Виктора Бабашина действительно богатая нива: неделя-другая — и обозначенную горящую сумму потушит хлебный поток.

Не вышло! Тяжело болела жена, простудилась зимой на дойке коров у частника, этой осенью добавила простуды, и её разбил полиартрит. Лежала в постели беспомощной колодиной. Здоровыми остались только голова, звонкий голос и сознание. Виктор мотался на мотоцикле с поля домой и обратно, чтобы приготовить пищу, хоть раз в сутки накормить жену горячим да поесть самому. И на полевом бездорожье мотоцикл занесло, скорее, зазевался, и седок залетел под свою же машину, идущую на ниву.

Виктор, казалось, услышал хруст кости правого бедра и голени. Мать твою!.. В глазах от боли сначала потемнело, потом заплясали жгучие искры. Дико заорал. Хлеб-то, хлеб, такой хлебушко уйдёт под снег! Северянин дул второй день, нагнал серые лохматые тучи, которые пока не мочили пшеницу, а лишь ранним утром пробно брызнули крупой. Правда, в стороне от его деляны. Однако угроза налицо. Повлажнело, молотить раньше обеда не придётся. А надо торопиться, смахнуть в бункера зерно с последних гектаров поля.

Потом сушить и везти на элеватор. И дёрнула же нелёгкая его поехать домой к больной жене! Он не мог не поехать, разбитая недугом жена нуждалась в его постоянной опеке. Три, а то и четыре часа быть рядом, окунуться в запущенное домашнее хозяйство — большое дело. А дом неухоженный, как и он сам, особенно с сентября, когда жену приковало к постели. Двадцать лет с ней живёт душа в душу. Она тоже детдомовская. Не только любовь цепко держит тёплые отношения, но теперь больше привычка, постоянное ощущение крепкого и надёжного плеча друга. В радостях и в горестях. Всё на двоих. Важнейшей семейной скрепкой — сын. Сейчас — матрос Тихоокеанского флота, которого с нетерпением ждали домой, чтобы вместе заниматься земледелием и брать рекордные урожаи. Для этого всё есть: желание, земля, техника.

Прибежал Бугров. Охнул, а в глазах испуга нет, а что-то другое, неуловимое. Инквизиторское злорадство и даже радость. Так потом ему толковал шофёр грузовика:

— Змею гремучую греешь на груди, придавишь, она тебе ядом ответит.

— Я никого не давлю, всем руку протягиваю.

— Тебе так кажется. Удачей придавливаешь.

— Да какая удача? Трактор — конечно, удача. Я её выстрадал. Только неполная она. Ссуда зубастая грызёт за горло.

— Вот она все твои дела — в пепел.

Генка помог Виктору вместе с водителем забраться в кабину грузовика, и его отвезли в больницу. Жатва встала. Геннадий без хозяина молотить хлеб наотрез отказался, сославшись на малый опыт. И загипсованный Бабашин обозвал его предателем.

Не только взгляд водителя на Бугрова помог увидеть это предательство. Виктор и сам вспоминал: искренне Генка испугался или фальшиво? Тогда ему не до оценки было. Но тоже уловил какую-то неестественную искристость в глазах. Сначала не придавал значения, а теперь и ему кажется: вроде бы искры радости полыхнули. Никогда не думал о людях плохо и не мог допустить, что ему могут сотворить зло.

Свои сомнения высказал Гале, когда через двое суток его привезли из больницы домой по слёзной просьбе. За Галей присматривала старуха-соседка. Ворчливая и сердитая на весь белый свет, особенно на новые порядки. От неё доставалось и Виктору-фермеру, и Гале, батрачившей на чужом дворе. Что же ей делать (без работы сидеть не могла — уход за своим хозяйством никогда не шёл в счёт, как обыденное дело), коль колхоз разграбили и разорили тёмные личности? — Я предупреждала тебя насчёт порядочности Бугровых, просила не связываться с ними. Ты отмолчался.

— Генка мне казался добрым малым, такой простецкий. Душа нараспашку.

— Это у тебя нараспашку. Присмотрись, брат у него — настоящий бандит-барыга.

— Так то брат...

Среднего роста, крепкий в кости, Виктор выглядел добродушным увальнем с широкой солнечной улыбкой, мягкими и светлыми глазами. Его никто не видел унывающим, а от оптимизма и планов на будущее иные зажигались сами, хотя верилось в успех при конкретных обстоятельствах слабо. Бабашин верил в себя, в свои неуёмные силы стремительного и где-то бесшабашного человека.

— В любом случае надо бороться и жить,— толковал он,— верить в себя. Помощь от президента фермеру хоть и жидкая, но пошла, вот её и используй на все сто. Главное — не бойсь!

Виктор получил льготную ссуду, купил новый самосвал и «Кировец», с прицелом на аренду залежи в сотню гектаров для себя и для сына. Остальной набор техники хоть и не новый, но имелся.

«Кировец» для него стал бедой и выручкой, будущим семейным благополучием с широкой перспективой трудиться на себя. В ту весну новый трактор получал долго, с волокитой из-за пропоротого заднего колеса. Пока его заменили, прошло две недели. Так что сеять хлеб крепко запоздал, зато отлично подготовил свои земли для следующего года. И хоть как-то заработать — перепахал пары соседям. Но это были крохи, которых только-только хватало загасить расписанную по месяцам ссуду. На житьё-бытьё занял у Бугрова. Тот с отдачей долга не торопил: мол, следующей весной посеешь мне в первую очередь, а затем вместе уберём мой и твой урожай.

Виктор сдержал слово. Хотя так не бывает, сначала надо бы управиться с севом у себя, тогда со свободными руками браться за всё остальное. Не с его уступчивым характером! Со своим простодушием он ни в ком не видел хищников или любителей не класть охулки на руку, как не делал этого сам, хотя право каждого — не упускать своей выгоды. Тайная интрижка развивалась за его спиной, низкая и подлая. Бугрова он знал плохо. Недавно человек появился в селе, плотничал и не мечтал никогда стать хлеборобом. Настоял старший брат. Он, можно сказать, вырастил Генку при пьющей матери, потерявшей мужа-милиционера в одной из горячих точек страны.

Подоплёка такова: фермерам дают ссуду на приобретение техники, семян. На неё можно купить грузовую иномарку, скупать у простодырых сельчан мясо и перепродавать на рынке. Дело выгодное. Геннадий согласился, с трудом оформил своё предпринимательство, получил землю, первоначальную ссуду. И почти всю отдал брату, тот быстро пустил её в оборот. Генка землёй почти не занимался, ссылаясь на то, что на выданную ссуду можно было купить то, что купил, да лёгкий колёсный трактор с плугом. Нанимал на пахоту, сев и жатву соседей по дяляне. Так он перебивался два года, вошёл во вкус и дело бросать не собирался, ибо жуликоватый брат не разрешал, отмывая через фермерство мясные деньги. Тут в поле зрения братьев попал Виктор Бабашин, добившийся ссуды для могучего

трактора. Бугров, глядя на него и по настойчивому совету брата, тоже попытался забросить удочки в банк через районное сельхозуправление. Но ему отказали. Была негласная установка: крупные ссуды выдавать только специалистам. Бабашин работал агрономом в обанкротившемся колхозе, Бугров — плотник. Генку заело; обрастая зелёной завистью, распознав мягкий нрав Виктора, решил его использовать на полную катушку.

Деляны фермеров находились далеко друг от друга, но, как говорится, земля слухом полнится. Слышал про Бабашина разное, познакомился и склонил Виктора за нормальную оплату поработать у него на севе. Тот в это время мытарился с получением ссуды, покупкой трактора и заменой спущенного заднего колеса. И так увяз в этой волоките, что рад был случайному заработку, ежедневно названивая на базу, справляясь о колесе. «Кировец» получил только тридцатого мая, и с севом, как говорится, поезд ушёл.

На первый взгляд, с трактором — дело обычное, новое колесо получить с завода не так-то просто. Но перед выездом из базы отпускающий продавец поинтересовался:

— Тебе знаком Бугров?

— Я у него нынче подрабатывал на севе. А что?

— Знакомец мой, мясом меня снабжает первосортным по дешёвке.

— Так это старший брат Генки Бугрова, у которого я работал.

— Хорошо платит?

— Нормально. Даже сулился в долг дать денег. Добряк.

— Ну-ну,— усмехнулся в усы продавец, на что Виктор не обратил внимания.— Бывай здоров!

Бабашин перегнал трактор и принялся его обслуживать, сожалея об упущенной весне и севе. Унывать шибко не стал: с таким богатырём он — кум королю, перепашет пары всем, кто нуждается, в августе зачернит их,— и в первую очередь получил заявку от Бугрова. Дал окрылённую телеграмму сыну, проходящему курс молодого матроса на острове Русском, чтобы порадовался важнейшему приобретению и жил мечтой работать на тракторе.

В тот плаксивый день к Виктору приехали снова две фифочки из банка, чтобы выяснить, что случилось с Бабашиным. Он как раз шёл на костылях по дорожке в стоящий на огороде сортир. Увидев банковских женщин, резко повернулся к ним и упал. Grimаса боли исказила лицо. Старшая фифочка, вместо того чтобы броситься поднимать человека, проронила:

— Так это правда, что вы в гипсе? Как же с гашением ссуды?

— Галина Михайловна, разве не ясно: он — банкрот! Трактор придётся продавать нам.

— Что вы на это скажете, господин Бабашин? — обратилась старшая к лежащему беспомощным придавленным жуком Виктору.

— Какой я вам господин?! — дико взревел фермер.— Я — работяга!

— Батюшки, да он не понимает человеческого обращения! Идёмте, Галина, тут всё ясно. Провести нас ему не удастся!

Фифочки повернулись в оскорбительной трясучке, удалились так же внезапно, как и появились.

Виктор попытался подняться, но не смог. И тут его накрыл слёзный паралич. Он бурно заревел, и обильные солёные слёзы хлынули потоком, омывая щёки, заливая рот. Он даже стал захлёбываться ими, судорожно хватал воздух. Заколотил кулаком по дорожке из досок. Ревел громко, надрывно, словно сообщая о своей горькой досаде, призывая свидетелей, которые могли бы подтвердить то, что его жизнь пошла вразнос. Но кому подтвердить: суду или Богу? Что подтвердить: что бездушный монстр — банк — уничтожает его, как злой разбойник на большой дороге? Банк — это кирпич, в нём нет ничего живого. Эти фифочки — тоже ходячие кирпичи, заполняющие внутренность монстра. Кто его создал? Бабашин прекрасно знал, как его дед ровно век назад, как переселенец из Тамбовской губернии, приобрёл «Кировца» — пардон, ломового жеребца на государеву ссуду, с началом гашения (пока не встанет на ноги!) аж через пять лет в равных долях в течение десяти лет. На вторую ссуду в этот же год купил корову-кормилицу на тех же условиях! А твёрдо встал на ноги, продавая хлеб и мясо, — казна вовсе загасила его долг.

Бабашин орал неистово, иступлённо. Перепуганная, пришла соседка-старуха и увидела, что распластанный фермер весь мокрый и сходил под себя. Старушка обругала всех хранителей-крестителей таким отборным слогом, что Виктор умолк. Старушка принесла ведро тёплой воды и принялась обмывать бедолагу, как покойника, а потом затащила его в дом и едва не замертво свалилась от усталости, а скорее от гнева на существующие нечеловеческие порядки временщиков.

Бабашинский трактор — будущее семейное благополучие — банк выставил на продажу по остаточной цене. Купил его, на удивление многих, Бугров-старший. Генка оформил аренду залежи в сто гектаров.

РОГА В ЗЕМЛЮ

Склад готовых изделий станочного цеха — приземистый, длинный, с дневным освещением. На верхотуре мостовой кран. Он почти бесшумно катается по пролёту, щёлкая пускателями. Пол бетонный, от него тянет прохладой, желанной в знойное лето. Голоса работников летят далеко и звонко в пустующем помещении, поскольку изделия не залёживаются и заказчики быстро отгружают свой товар. Несколько человек управляют с делами нормально, выкраивают время для чаепития. Правда, в последнее время стало строго: не чай сюда пришли гонять, а работать в поте лица. В эту злополучную минуту, когда контролёр-приёмщица Надя заваривала чай в кружках, в склад влетел разъярённый начальник Когтев, словно голодный волкодав, у которого отобрали мясную кость.

— Где тут колёса Юрана? — грозно уставился он на приёмщицу, жену этого самого Юрана.

— Что случилось, Дмитрий Сергеевич? — испуганная рассерженным видом начальника, Надя побледнела.

— Не твоё дело! Где колёса?!

— Как это не моё? Я всё-таки ношу его фамилию.

— Ах да, я и забыл о вашей связке.

— Что значит — связке? Подбирайте выражения! — возмутилась Надя.

Она была одета в синий сплошной комбинезон, на голове пышная причёска каштановых волос, на слегка тронutom загаром лице яркие глаза. Испуг в них сменился на гневный блеск. За соседним столом раздался смешок бухгалтера склада.

— Так где, пардон, колёса вашего мужа? — сбавил горячие обороты Когтев. — Хочу убедиться в том браке, о котором мне только что сообщили.

— Они упакованы для отправки в торговую сеть, — спокойным тоном, взяв себя в руки, сказала приёмщица. — На всех стоит его именное клеймо.

— Прикажете грузчику вскрыть упаковку, проверю лично. Там должно быть сорок штук. Половина с браком без клейма.

— Иван, вскрой упаковку Юрана. Когтев сомневается в качестве, — Надежда усмехнулась и громко сказала: — Если вы не обнаружите в этой упаковке хоть одно колесо без клейма, я огрею вас сумкой по голове, чтобы не пили соломинкой кровь моего мужа.

— Что ты себе позволяешь? — взъярился Когтев.

— Пока ничего, но если что — опозорю на всю Ивановскую. Я — баба-ветеран, в горячем цехе пенсию заработала без всяких эксцессов, а вы норовите мне под дых заехать. Иван, долго тебя ждать?

— Всё готово, пусть смотрит.

Когтев хотел пригрозить Надежде, что вылетит с завода как пробка, но передумал: с ветеранами шутки плохи, — и вместе с приёмщицей прошёл к раскрытой упаковке. Стал придирчиво осматривать колёса: на каждом стояло личное клеймо токаря.

— Кто же вам так набрехал, Дмитрий Сергеевич? С юности на заводе работаем, и никогда на Юрана никто не катил бочку.

Когтев не ответил, зло щёлкнул жевательной резинкой и исчез со склада, как привидение.

«Не вышло докопаться. Кто же ему накапал на Костю? — озадачилась Надя. — Убрался посрамлённый. Может, теперь оставит Костю в покое?»

У Надежды пропало настроение. Она редко общается с начальником цеха, но слышала о нём дурное. Злыдень, если кого невзлюбил — доконает придирками, сожрёт с потрохами и вышвырнет за ворота, как негодную тряпку. И готов статус безработного. Как бы действительно не пришлось применить сумку! Насколько это безрассудная мысль,

Надя не могла дать себе отчёт. Но то, что она возненавидела этого человека, вставшего на жизненном пути бетонной стеной, и обойти её непросто, понимала.

От одного вида Когтева она морщилась. У него противная привычка звучно жевать жвачку, нижняя челюсть ходит как у коровы и вызывает у Нади презрительный смех. Он жуёт резинку, а ей кажется — зажёвывает руку Кости. Зацепил и не отпускает. Недаром у него тайная кликуха — Бульдог. Говорят, бульдог, ухватив жертву за шкуру, двигая челюстями, подбирается к горлу и душит. Надя содрогнулась от пригрезившейся ей кошмарной сцены. Ой, надо умолять Костю, чтоб не грызся с Бульдогом, у начальника зубы крепче.

— Ты ему глазки строй, заигрывай, — услышала Надя голос бухгалтераши. — Ключет — поставь условие.

— С этим скорпионом, с этим бульдогом? Я как увижу его жующую рожу с коровьей челюстью — меня тошнит. Взялся же он на нашу голову.

В широком пролёте токарно-расточного цеха, где в шахматном порядке громоздились едва ли не под потолок гиганты с программным управлением, карусельные и строгальные станки со станинами в несколько метров, собрались рабочие двух смен. В цехе пахло окалиной, охлаждающей эмульсией, машинным маслом; из литейки через галерею тянуло сочным смрадом жидкого металла при разливе в формы. И первая порция приходилась карусельщикам и токарям, чьи станки находились возле разинутой пасти галереи с незакрывающимися никогда дверями.

Люди теснились толпой, одни — уставшие и безразличные ко всяким сборищам, отстоявшие у пультов двенадцать часов, другие — сменщики, свежие, но такие же инертные, как и первые. Стоять им ночь напролёт с коротюсеньким перерывом на обед, и не дай Бог удобно присесть, давая ногам отдых, ибо надзор телекамерами и погонщиками-мастерами ведётся пристальный. Хотя чего торчать свечкой? Программа запущена, станок грызёт заготовку методично по порядку операций. Наблюдай — и все дела. Если у тебя два или три станка, сходи, глянь на их работу. Постой там свечкой, а присесть ни-ни.

Костя Юран приспособил под мягкое место кусок кошмы и часто давит верстак, вертит вправо и влево головой, приподняв подбородок, изображая стойку и вылавливая Когтева, чтобы быстро встать на обе кости. Его статная фигура за долгие годы труда в этом цехе потяжелела, в чёрных кудрях заблестел снежок. Он имеет именное клеймо, и, пожалуй, от этого независимый характер проявляется чётче. Его вдумчивые и цепкие карие глаза, высокий лоб с наметившейся сеткой морщин, строчка тёмных усиков и твёрдый не улыбчивый рот подчёркивали ум. Сейчас он стоял в центре толпы своих товарищей

и терпеливо ждал явления нового начальника цеха народу. Прежняя семейственность ИТР поменялась с приходом нового гендиректора после серии грязных интриг как на местном уровне, так и на столичном.

— Я вам царь и бог! Все производственные и бытовые вопросы — через меня! — сказал несколько развязно полный лысеющий Когтев, примерно одного возраста с Юраном, поймав цепким взглядом чубатосатого красавца, стоявшего в центре станочников, как бы доминирующего над окружением своим опрятным и спокойным видом.

«Ага, мужик с норовом, у его соседей у кого беспокойная, у кого заискивающая улыбка, вон у того сухопарого с сивушным носом — покорная, и губы скручены в трубочку, и головой кивает, как лошадь в жару», — прикинул в уме Когтев.

— Вопросы есть?

Производственные вопросы никого не волновали, пусть их решает начальство, а вот бытовых — в мешок не затолкаешь!

— По личным делам отпрашиваться устно или по заяве? — спросил сухопарый, с сивушным носом, карусельщик.

— Никаких устных, только по заявлению за свой счёт.

— Понятно, примем к сведению, — согласился тот.

— Новая метла по-новому метёт, — пояснил кто-то.

— В пуржистые и морозные дни добираться сложно. Будут ли заводские автобусы?

— Это проблема личная, на порог цеха и за порог — минута в минуту. Завод переходит на режим экономии. Автобусов — в обрез.

— Козла забивать не возбраняется? — снова подал голос сухопарый.

— Стёпа, не задавай глупых вопросов, — сказал Юран негромко, — спроси лучше: можно ли за смену хоть пару раз присесть у станка?

— Только любителям, нарушающим трудовое законодательство, за счёт его оклада, — услышав каверзную реплику чубатого, быстро отреагировал Когтев.

В пролёте повисла гнетущая тишина, слышалось лишь шипение воздуха в конце цеха, где стояли компрессоры.

— Полагаю, вопросы исчерпаны. Разойдись!

— Какой у начальника слух! — восхитился Степан с сивушным носом.

— И зоркий характер, — подчеркнул Юран, — муху уест.

Они шли принимать душ, взбодрить уставшее тело струями контрастной воды, затем, переодевшись в чистое платье, добираться до дому — кто на своём авто, кто на городской маршрутке.

— Как ты считаешь, гроза новый начальник или покладистый? — спросил Степан.

— Царём он может быть, но не богом, — неохотно ответил Костя карусельщику. — Тоже мне властелин нашёлся.

— Костя, ты хоть и начитанный мужик, тебя любо-дорого слушать, спец первоклассный, а глупо себя ведёшь.

— В чём?

— Нарушаешь главную заповедь, — усмехаясь, молвил карусельщик. — Никогда ни с кем не обсуждай своего начальника. Даже с женой. Они ж бабы языкастые, могут разнести подругам твой трёп, а то и в отместку за плохую ночку. Можно только с родителями. Страх за сына будет держать рот на замке.

— Иными словами, ты на меня донесёшь после очередного бодуна? Что ж, инквизиция всегда живёт в разных вариациях.

— Я не донесу, ты мне не конкурент, а вот твой напарник и кое-кто из зависти могут.

— Я себя в обиду не дам.

— Как? Парткомов давно нет. Профсоюзов тоже. Жаловаться некому.

— Жаловаться не собираюсь. Я не пью, как ты, не прогуливаю, имею именное клеймо, работаю на трёх станках — мой ученик-сменщик на одном. Вот моя защита. Учти, не только моя зарплата шапку носит, труд для меня — удовольствие.

— И тебе никогда не бывает страшно оказаться за воротами?

— Бывает, но в конторе знают мне цену.

— Новый цеховой — не знает. Я с ним в молодости сталкивался: бульдог. Злопамятен.

Конфликт с Когтевым возник на пустом месте. Юран получил заказ сразу на все три станка, что бывает нередко, запустил их в течение часа, резцы запели свою длинную монотонную песню. Стояла июньская жара, вентиляция слабо освежала нагретый воздух, у Кости пересохло в горле. Удовлетворённый работой станков, он достал из тумбочки сумку, извлёк термос с кофе и принялся с наслаждением отхлёбывать парующий напиток, прижавшись пятой точкой к верстаку. — Юран, почему сидишь и пьёшь кофе? — услышал он сквозь гул станков нелепый вопрос.

Он повернулся: сбоку стоял Когтев. Гримаса негодования на лице начальника цеха удивила токаря.

— Это моё рабочее место, захотел пить, вот и пью. Не бежать же мне за газировкой в конец цеха при трёх работающих станках?! Вон какая «дура» на третьем вертится!

— Не умничай. В сидячей позе можешь задремать, ты обязан стоять!

— Да вот ноги не казённые.

— Ты нарушаешь порядок, так сказать, наш внутренний устав.

— Сегодня в твоё отсутствие, Дмитрий Сергеевич, по просьбе главного инженера я рассчитал программу и выполняю срочный валютный заказ на третьем станке. Это тоже не по уставу. Потому и присел не по уставу.

— Продолжаешь умничать, — скривил губы в кислой мине Когтев.

— Ничего подобного, обычный баш на баш.

— Что за баш на баш? — вскричал Когтев. — Ты лучше скажи: уложишься за смену с заказом?

— Если бы ждал программиста, только завтра к вечеру. А так прихвачу часок и поставлю точку! Главный инженер очень просил.

«Опора у него есть,— подумал Когтев,— но ворон ворону глаз не выклюнет».

Когтев оставил Юрана и полетел к карусельщику Степану, который слышал, как начальник на ходу взбадривает криком станочников:

— Не сидеть! Не сидеть!

— Дмитрий Сергеевич, что ты всё бегаешь и бегаешь по цеху? Не надоело тебе?

— Ещё как!

— А ты не бегай, сиди в кабинете, перебирай бумаги, береги себя. Процесс запущен, идёт без сбоя.

— Это тебе так кажется, а мне нет. Генеральный спрашивает: почему у вас станочники сидят на работе? И написал приказ, запрещающий сидеть.

— Ты знаешь, какую кликуху тебе дали после этого приказа?

— Какую? — поморщился Когтев.

— А не обидишься?

— Не бойся.

— Унтер Не Сидеть!

— При чём тут унтер?

— У одного писателя, запомнювал, Чехонтия, рассказуха называется «Унтер Пришибеев».

— Кто же у нас такой остролов?

— Есть начитанные люди, а я книгу в руках не держал со школы.

— Я догадываюсь кто.

— Так, значит, обиделся?

— Не бери в голову: ты покладистый.

Два дня спустя Юран в обеденный получасовой перерыв ходил на стоянку и подкачивал приспущенные колёса на своём «Ниссане»; провозился долго, припоздал на пятнадцать минут. Его встретил у станков Когтев. Постукивая пальцем по часам, со змеиным шипением выдал:

— Запишу опоздание!

— Тогда запиши мне часовую переработку на заказе главного инженера, на которую я закрыл глаза,— резко потребовал Юран.

— Ишь ты, какой лукавец! — бросил брезгливо Когтев и полетел на другой участок контролировать порядок.

Подошёл Степан-карусельщик.

— Зря ты с ним бодаешься, Костя, у него рога крепче.

— Я мастера предупредил: авось задержусь,— он меня услышал. Всегда первый ко мне бежит, коль вечеровать надо по двойной. Никогда не отказываю.

— А этому?

— Мне лишняя копейка карман не потянет. Скажи, почему у тебя всё с рук сходит? Ты же порой на ногах едва стоишь с бодуна, а он тебя гладит.

— Язык мой — друг мой, а у тебя враг. Огрызаешься.

— Я не огрызаюсь, а ставлю человека на место. Унижаться не собираюсь. Я здесь уже пятнадцать лет и начальников полдюжины пережил.

— Я-то голову ломал, почему Когтев о тебе заботится. «Степан, не тни волюнку, — просит меня, — поторопись, Юран без работы стоит». Кран сломался — он электрикам тоже самое талдычит: «Поторопитесь, Юран без работы». Ни о ком так не печётся, как о тебе. А всё потому, что наступаешь ему на мозоль самолюбия.

Благополучие человека во все времена зависело от той работы, которую он выполнял. Она всегда определяла его образ жизни, являясь тем изумрудом, который у профессионала имеется для продажи ювелиру. Однако степень мастерства не всегда являлась козырным тузом. Покладистость увеличивала статус мастерства и наоборот. Юран прекрасно понимал это, но заглядывать Когтеву в рот не хотел.

Его мастерство позволяло артачиться едва ли не по любому замечанию в свой адрес. Часто на повышенных тонах. Не мальчишка же — мастер высокой квалификации, раньше о таких говорили: золотой фонд. Неуёмный Когтев целыми днями крутится по участкам цеха, контролируя работу станочников, и не дай Бог, если какой-то двигатель молотит вхолостую.

— Не там экономию ищет, — говорил Юран мужикам.

— А где надо?

— Я знаю, но не скажу, чтоб вы на меня потом не дулись.

— То-то, если Когтева нет весь день, ты умудряешься и задание выполнить, и бить баклуши пару часов. Как у тебя получается?

— Замнём для ясности, коль такие наблюдательные, — усмехнулся Юран.

На трёх станках почти три десятка электродвигателей. Задание дано на одиннадцать часов работы. Мастерство и опыт Юрана, а он уж много раз пробовал, позволяют выполнить программу за восемь часов, и станки — стоп! Экономия энергии солидная. Токарь об этом помалкивал. Рацпредложения сейчас не в ходу, а мог бы подать и получить разовую премию, но тогда стали бы гнать в шею других, на что способен не каждый.

— Мы же на окладах. Зачем мне слушать матюги от соседей? — резонно объясняет мне ситуацию токарь. — Меня толкнут стружку таскать или грузить-разгружать в эти часы. Так пусть станок грызёт заготовку по программе, без моей корректировки. Все мы приходим сюда зарабатывать. Отдайте мне наличкой половину за сбережённую энергию — я буду стараться где угодно. Не отдадут. Потому молчу!

— Но это же по большому счёту непатриотично! — как-то невпопад возразил я.

Костя презрительно расхохотался.

— Ты знаешь, какая чистая прибыль у хозяина?

— Нет, конечно.

— Два с половиной миллиарда рублей. Он готов дать работягам самое малое второй оклад. Это всего тридцать три миллиона на завод. А не дают!

— Кто?

— Мэрия и олигархи. Каждому придётся поднимать планку зарплаты. Енисей как тѣк, так и течѣт, турбины как крутились на ГЭС, так и вертятся, а нам с тобой за бытовую электроэнергию поднимают ежегодно тарифы, а зарплата мѣртвая. И моя патриотическая экономия на моторах — смешная и даже вредная. Этот чѣртов Когтев однажды спрашивает: «Верно ли, ты можешь дать экономию энергии на своих станках?» Представляешь, словно царь пытается Ивана о коньке-горбунке. «Нет, — говорю. — С чего ты взял, Дмитрий Сергеевич?» — «Догадался. Как меня в цехе нет, ты по два, а то и по три часа баклуши бьѣшь. Заказ выполнен, моторы отключены. Как это понимать?» — «Чур меня, чур! — отвечаю. — Это ж ни в сказке сказать, ни пером описать. Как можно? Программа расписана на все одиннадцать часов». Когтев погрозил мне перстом и ушѣл. Кто-то из соседей накапал. Назавтра хронометраж устроил. Торчал с экономистами возле меня целый день. Но остался с носом. Я работал строго по программе. Тогда он устроил за мной слежку. В течение месяца находился в цехе всю смену, хотя его рабочий день заканчивается в семнадцать часов. Даже в ночную смену приезжал с внезапной проверкой.

— Я слышал байку о столкновении Когтева с твоей женой.

— Выеденного яйца не стоит. Хотя с Надей мы едва не поссорились из-за того, что я не позволяю Когтеву сесть на меня и ноги свесить. «Ладно, — заявила она, — в таком случае я когда-нибудь точно зайду в контору и на глазах у всех огрею этого хама по голове сумкой да в теленовости сообщу». — «Не вздумай, — стал я убеждать жену. — Могут обвинить в хулиганстве». — «Пусть обвиняют, я не могу смотреть, как над любимым человеком издеваются». — «Спасибо, родная, — сказал я ей, — я постараюсь, чтоб до этого не дошло».

Недавно Юрану посчастливилось торжествовать. Вновь поступил сложный валютный заказ, привезли поковки. Заказчик крепко обнадѣжил: «Если в течение недели освоите, я вас завалю».

Ситуация складывалась интересная. Обычно такие вопросы решал главный инженер завода, но он попал с вирусом в больницу. Юран находился в отпуске. Когтев, поскольку на него директор всё свесил, заметал икру, отозвал токаря, спросил:

— Костя, как можно выполнить заказ в течение недели?

— Легко, — ответил тот, прочитав чертежи. — Программиста напряги. На ходу будет моя корректировка.

— А ты не преувеличиваешь?

— Нет, если ты, Дмитрий Сергеевич, вмешиваться не будешь, а только наблюдать.

Заказ оказался сложнее, чем сразу показалось Юрану. День убили на составление программы и выполнение первой операции. А их насчитывалось три десятка. Первая проба не пошла, ошибся программист, пришлось, как и говорил токарь, по ходу корректировать программу. Но не техническая часть нас больше интересует. Когтева словно подменили. Он вежливо ворковал, под руку не лез, как бывало, увидел, наконец, в токаре незаурядного мастера, дважды в этот день, чтобы снять напряжёнку, приносил Юрану горячий кофе и бутерброды и тут же составил ему компанию.

Карусельщик Степан завистливо поглядывал на рождённую спайку начальника и токаря.

— Гляди, что творит с людьми миллионный заказ,— говорил он соседу-строгальщику.— Голубки, да и только!

— Не говори. Рубль обломает любого капиталиста. Посмотрим, как будет стелить Сергеевич после заказа. Думаю, грызня останется.

— Пожалуй, как говорит Юран, поиск горошины под перинами у принцессы Когтев продолжит. Это его хобби.

Степан попал в точку. Надзор за Юраном усилился. Ладно, решил Костя, посмотрим, насколько он смел.

— Дмитрий Сергеевич, ты меня окончательно достал,— собрав нервы в кулак, сказал спокойно Костя при очередной стычке.— Ты знаешь, что такое находиться в состоянии аффекта? По глазам вижу — знаешь. Так вот, однажды я хвачу ключом по твоей тылке.

Когтев вроде онемел, даже выплюнул жвачку.

— Послушай запись нашей с тобой грызни,— Юран включил запись в телефоне.— Твой голос доминирует. Это будет моей защитой.

— Тебя посадят! — дико взревел Когтев.

— Посмотрим, но ты-то жить не будешь. Тебя отсюда унесут ногами вперёд. Я отсижу пару лет и выйду, а то и условно дадут. Но я всё забуду, если ты станешь человеком.

Когтев осознал угрозу, пытался выхватить телефон. Юран это предвидел и тут же спрятал его в карман. Когтев стал озираться по сторонам, но их никто не слышал. Ближайший сосед, Степан, находился в отгуле. На лице Когтева показалась испарина, словно его обдали струёй воды. Он резко повернулся и ушёл в контору.

Юран ждал разбирательства у главного инженера. Оно состоялось, после чего Косте предложили подать заявление об уходе. Он отказался. Тогда его нагрузили ещё одним станком и обязали обучить своему ремеслу очередного ученика.

Михаил Гундарин

Солнце всходит и заходит

Первое подполье

Не публиковавшиеся фрагменты из книги, запечатлевшей непарадную биографию знаменитого красноярца, лауреата многих литературных премий, президента русского ПЕН-центра Евгения Попова. Писатель показан в контексте всего, что происходило в стране с момента его рождения, 1946 года. Много страниц посвящено Красноярску, в котором Попов регулярно бывает и очень его любит. В предлагаемых главах — Красноярск 1950-х и 1960-х, его историческая часть, его обитатели с их проблемами и забавами.

«Юности» можно, можно и нам

Мы говорим о создании подпольного журнала с провокационным для того времени названием «Гиршфельдовцы». Своего рода раскACHE перед изданием неподцензурных альманахов, альманахов, по-настоящему вошедших в историю русской литературы, — «Метрополь» и «Каталог».

Несмотря на свою крайнюю малотиражность, этот проект имел в Красноярске серьёзный резонанс. Нет, не среди аудитории (тираж восемь экземпляров вряд ли позволял на такое рассчитывать), но среди комсомольского начальства и даже КГБ. Да что там — если бы дело с подпольщиками получило всесоюзную огласку, если бы им решили воспользоваться для целей «усиления и предотвращения» соответствующие органы, нашему герою светило бы путешествие «из Сибири в Сибирь». А такое вполне могло быть — партия как раз стала обращать внимание на распоясавшуюся интеллигенцию. Рисковали ребята!

Однако с точки зрения самих организаторов речь шла отнюдь не о создании подрывной литературы. Их идеалом был журнал «Юность», а их проект — попыткой изобразить нечто подобное на местном материале. И, так сказать, с сибирским задором.

Наш герой полагал журнал «Юность» (первый номер вышел в 1955 году) идеальным источником для чтения современной литературы. К которой он, покинув круг семейной библиотеки, стал тянуться в старших классах по-настоящему.

И опять же — спасибо родителям, которые тратили на журналы свои небольшие, в общем, зарплаты. На «Юность» (сорок копеек, между прочим, новыми деньгами) в семье подписывались с первого номера.

И на «Новый мир» (а он уже семьдесят копеек!). И на другие журналы, на которые подписаться-то было сложно (помогало то, что мать героя работала в горно, имела, так сказать, привилегии). Наш герой всё это прилежно изучал, и, например, «Новый мир» нравился ему с политической точки зрения — вспомним, что как раз тогда здесь был опубликован «Один день Ивана Денисовича». Но сугубо политического нашему герою было недостаточно. Аксёнов и компания, по его нынешнему признанию, «говорили с нами нашим языком». Тем более политики, в широком смысле, в «Юности» также хватало. Да само существование «Юности» во главе с опытейшим Валентином Катаевым, в совершенстве превзошедшим советскую науку лавирования «на грани дозволенного», было политикой. Катаеву наш герой потом пошлёт свои рассказы — и, к своему удивлению, даже получит ответ, не отписку.

Вот как Евгений Попов вспоминает легендарное время журнала сегодня (в «Юности» образца 2020 года, конечно):

«Кто только не печатался тогда в „Юности“! Кроме патентованных „звёзд“ (Аксёнов, Ахмадулина, Вознесенский, Гладilin, Горин, Евтушенко, Мориц, Ан. Кузнецов, Сулейменов, Л. Тимофеев), здесь кого только не было из порядочных литературных людей: А. Гербер, Ахматова, Губанов, Евгения Гинзбург, Носов со своим „Незнайкой“, Славкин, Розовский, Бродского чуть было не напечатали, да сорвалось „по не зависящим ни от кого обстоятельствам“.

Печатались и личности, ныне начисто забытые, но имена которых одно время знала вся просвещённая страна. Ещё в 1958 году Катаев прозорливо углядел в одном из двух „комсомольских“ рассказов никому не известного молодого врача Аксёнова великолепную фразу „стоячие воды канала были похожи на запылённую крышку рояля“ — и решил Аксёнова печатать. Именно тогда в „Юности“ появились „Факелы и дороги“ и „Полторы врачебных единицы“, прошедшие, прямо нужно сказать, почти незамеченными. Зато в одно прекрасное утро 1960 года молодой врач проснулся знаменитым.

В „Юности“ был опубликован его роман „Коллеги“, который прочитала „вся страна“. Примечательно, что в 1994 году роман был жёстко и жестоко определён автором как „вполне конформистская вещь“. А тогда, в 60-м, захлопали крыльями „сталинские соколы“, им ответили „прогрессисты“, завязались столь любимые тогда „о, эти яростные споры“, был снят фильм о „новом поколении, продолжающем революционные традиции отцов“...

На следующий год грянул „Звёздный билет“, стоивший Валентину Катаеву редакторского кресла, но сделавший Аксёнова реальным кумиром поколения 60-х, оттеснившим в общественном сознании родоначальника новой исповедальной прозы Анатолия Гладиллина, двадцатилетнего автора романа „Хроника времён Виктора Подгурского“. Сотни злобных статей и читательских писем, опубликованных в различных советских изданиях, стали откликом на „Звёздный билет“.

„Развязность, разухабистость и самонадеянность...“, „Комсомол для них даже не существует“. Аксёнов удостоился мерзкой карикатуры в партийном сатирическом журнале „Крокодил“, на знаменитой встрече Хрущёва с интеллигенцией царь Никита предлагал Вознесенскому высылку из СССР, а Аксёнову орал: „Что? Мстите за смерть своего отца?“...

То есть Иван Бунин родил Валентина Катаева, Валентин Катаев родил „Юность“, „Юность“ родила современную русскую литературу, а хороша она или плоха, ясно станет через столетие.

„Юность“ всколыхнула тогда всю страну, и уверен, что будь тогдашние начальники страны поумнее, они бы сумели использовать возрастную тягу молодёжи к честности, справедливости и *нормальной* жизни, где художников не считают дикарями, писателей не душат цензурой, а джаз не считают „музыкой толстых“. Практически эти начальники сами вырастили на свою голову „диссидентов“ (посмотрите биографию каждого из них!), поссорились с молодёжью, интеллигенцией, „технарями“, сами же и разрушили свой же Советский Союз, который спокойно мог бы просуществовать ещё лет 300, медленно эволюционируя в сторону Разума и Счастья. Не на это ли намекали авторы тех лет, судя по пропущенным цензурой фразам и мыслям, публикуемым тогда в „Юности“? Дескать, не разрушится, товарищи, ваша любимая коммунистическая власть, если не лезть *тотально* в душу каждому человеку, которого вы считаете советским».

Наш герой до сих пор не устаёт удивляться преображению Катаева, возглавившего новый журнал: «В смысле, что он как бы теперь и не орденосеиц вовсе, и не автор книг „Сын полка“ и „За власть Советов“, а какая-то такая модернистская личность, вроде выпущенных им в свет посредством „Юности“ „шестидесятников“: проза — Аксёнов, Гладилин, Кузнецов (Анатолий, а не Феликс, разумеется), поэзия — Евтушенко, Вознесенский и др.» (эссе «Катаев»).

В описываемое же время, не имея, понятно, возможности для оценки журнала в целом и не слишком раздумывая о собственно политических материях, наш герой в «Юности» «находил всё» (как гораздо позже его герой-пьяница «в дикалоне»). Это не преувеличение. Ведь роль «Юности» в конце пятидесятых нельзя назвать чисто литературной. Дело даже не в новаторской по тем временам графике в качестве иллюстраций к произведениям и работ молодых художников на цветных вкладках. По мнению современного исследователя Ирины Каспэ (здесь и далее мы во многом опираемся на её яркую статью «„Мы живём в эпоху осмысления жизни“»: конструирование поколения „шестидесятников“ в журнале „Юность“»), «на страницах журнала активно конструировались образы „советской юности“ и „поколения шестидесятников“... результат спонтанного поиска, периодически оказывавшегося на грани дозволенного». Полагаем, наш герой практически сразу определил, что его место — в этом

поколении, хотя — так уже получилось — и в «младшей группе». Естественно, творческая эволюция Евгения Попова в дальнейшем увела его от «шестидесятников» достаточно далеко. В чём-то он стал занимать противоположные позиции (и в части эстетики, и в части «политики»). В любом случае ему приходилось не раз вступать в творческие дискуссии с представителями «шестидесятников». И не очень прав он, когда приписывает себя к «опоздавшим шестидесятикам». Тут известный случай, когда, по Юрию Тынянову, «литературное наследство» переходит не от отца к сыну, а куда более сложными путями.

Но в конце пятидесятых иных вариантов не было — «Юность» принималась нашим героем и эстетически, и идеологически. Собственно говоря, политика журнала и стремилась охватить разные стороны жизни страны, её самого молодого поколения. Поэтому, полагаем, старшекласснику могло даже польстить, когда его прямо объявляют «новым поколением», тем самым «шестидесятником», о которых в 1955 году, когда было опубликовано нижеследующее послание, и речи не было. Итак, представим, читает наш герой следующее: «Читатель, ты будущий „шестидесятник“ двадцатого столетия. Это твоей деятельностью, твоей вездесущей мыслью, творческим трудом и подвигом, твоим и твоих друзей и сверстников, будут в значительной степени окрашены шестидесятые годы нашего века. Подумай о том, что ты внесёшь в шестидесятые, какими ты их сделаешь!» Сказано сильно. Доверие вызывает.

Понятно, что всё это было существенно ограничено советскими нормами и правилами. Исследователь Джулиана Фюрст замечает: «Молодёжная политика была зажата между противоречивыми требованиями — генерировать энтузиазм и спонтанность и поддерживать контроль и идеологическую чистоту». Одна из этих границ — постоянное требование тогдашней молодёжной политики партии, комсомола и контролируемых ими изданий: отсутствие всяческого намёка на конфликт поколений. Отцы не хотели, чтобы им «предъявили» в любой, пусть даже самой мягкой, форме сделанное во время правления Сталина.

Читателям «Юности» эта установка преподносится и как персональный наказ Хрущёва («У нас не было и нет никаких противоречий между молодым и старшим поколением. Молод тот, кто стоит на позициях передовых идей»), и как коллективное мнение ЦК КПСС («Только реакционные клеветники могли выдумать легенду о противоборстве поколений, чтобы под эту легенду подвести противопоставление современной советской молодёжи поколениям отцов и дедов, то есть поколениям первостроителей социализма»), и как позиция самого журнала, публикующего, например, статьи Митчелла Уилсона и Виктора Розова о межпоколенческих отношениях в США и СССР соответственно под общей шапкой «Пропасть или эстафета?».

Между тем даже в «ранней» «Юности» (1955–1963) не было поколенческого «монолита». В тогдашней «Юности» можно выделить тех, кто был по отношению к старшекласснику Попову в роли «старшего товарища», уже по социальному опыту и литературной известности. Это, так сказать, классические «шестидесятники» (Аксёнов, Евтушенко, Вознесенский и др.). Но были и те, кто относился условно к тому же поколению, что и наш герой, будучи старше его лет на пять-семь. Благо журнал постоянно говорил именно об этом «срезе», искал в нём героев публицистики и прозы.

Современные исследователи вообще считают, что журнал был адресован молодёжи четырнадцати — восемнадцати лет, учащимся старших классов или вчерашним школьникам. Среди литературных произведений очень заметны поэтому были приключенческие романы, травелоги, фантастика, даже сказки; в публицистике явно преобладают сюжеты из школьной жизни.

Как справедливо отмечает Ирина Каспэ, важной составляющей редакционной политики «Юности» было предоставление площадки молодым поэтам, прозаикам, литературным критикам, журналистам, художникам. Хорошо известны специализированные номера, почти целиком собранные из произведений дебютантов. Это что касается творческой активности.

Нашему герою, помимо «серьёзных» вещей, вроде того же «Звёздного билета», чрезвычайно нравился отдел сатиры и юмора, так называемый «Зелёный портфель». Острые материалы, публиковавшиеся там, постоянно шли «на грани фола», нередко их критиковала совсем уж правоверная партийная печать, но зато вещи «крайне левых» (по меркам «Юности», конечно) Марка Розовского или Виктора Славкина запоминались на раз. Тот же рассказ Розовского «Бабизм-ягизм в наши дни», переживший натурально несколько поколений — и всё ещё понятный аудитории спустя шестьдесят лет после написания! Розовский старше нашего героя на девять лет, он-то, что называется, классический «шестидесятник». Приведём небольшой текст полностью, чтобы, так сказать, обозначить политико-эстетические пристрастия нашего героя в то время.

«Был обычный урок литературы. Ученики должны были писать сочинение на тему: „Образ бабы-яги — уходящей бабы прошедшего времени„.

Учитель продиктовал план. Пункт за пунктом. Одно за другим. Всё как обычно.

ПЛАН

1. Вступление. Историческая обстановка в те ещё годы.
11. Главная часть. Показ бабы-яги — яркой представительницы тёмных сил.

Черты бабы-яги:

1. Положительные:

- а) смелость;
- б) связь с народом;
- в) вера в будущее.

2. Отрицательные:

- а) трусость;
- б) эгоизм;
- в) пессимизм;
- г) костяная нога.

III. Заключение. Бабизм-ягизм в наши дни.

Итак, учитель дал план, и теперь ученики по плану начали писать сочинение. И написали. Надо сказать, это было обычное сочинение.

„Замечательное произведение — сказка о бабе-яге — является замечательным образцом нашей замечательной литературы. Тяжёлое положение крестьянства в мрачную, беспросветную эпоху, которая характеризовалась беспощадным, страшным, мрачным, беспросветным угнетением, было невыносимо беспросветно, мрачно, страшно и беспощадно.

„Товарищ, верь! Взойдёт она!“ — писал великий русский поэт Пушкин.

И в это время особенно звонко прозвучал светлый голос неизвестного автора сказки о бабе-яге, которая навсегда вошла в сокровищницу литературы, у которой всегда были произведения замечательного жанра, который всегда был любим народом, которого никогда не остановит на пути, по которому он всегда идёт навстречу будущему, которое всегда обязательно приходит на смену прошлому, которое никогда не смогло задуть его голос, который всегда был светлый и звонкий. „Кому на Руси жить хорошо?“ — спрашивал знаменитый русский поэт Некрасов и сам же отвечал:

„А наши топоры
Лежали до поры“.

В образе бабы-яги — типичной представительницы загнивающего старшего поколения — воплощены лучшие черты отрицательного героя в начале первой половины конца. . .надцатого века. Бабе-яге противопоставлен светлый образ Иванушки-дурачка, в котором сделана яркая попытка показа нового, молодого в борьбе со старым, отжившим, одряхлевшим. Нет, Иванушка-дурачок — это не Онегин. Он не лишний человек! Он любит труд и родную землю. Если приглядеться, он совсем не дурачок, а умный.

„В человеке всё должно быть прекрасно“, — писал известный русский писатель Чехов. Задолго до него эти же слова повторил способный английский поэт Шекспир. Создавая незабываемый образ злодея Яго

в одноимённой трагедии „Отелло“, он, несомненно, испытал благотворное влияние со стороны неизвестного автора сказки о бабе-яге.

Иванушка-дурачок только строит из себя дурачка. На самом деле оказывается в дурачках не он, а баба-яга.

„Чуден Днепр при тихой погоде“, — писала сквозь смех и слёзы гордость нашей литературы Гоголь.

В галерее женских образов баба-яга занимает особое место. Вспомним хотя бы Анну Каренину.

„Всё смешалось в доме Облонских“, — писало светило разума Лев Толстой.

Язык бабы-яги — простой, чистый, короткий, могучий, не шершавый.

В наше время бабизм-ягизм играет большое значение и имеет большую роль. Иванушка-дурачок стал нарицательным, а баба-яга безвозвратно ушла в далёкое прошлое“.

Обычное сочинение, как обычно, не очень соответствовало теме и не слишком было написано по плану. Однако учитель остался доволен. Он поставил за сочинение соответствующую отметку. Какую именно? Обычную».

Формально — что тогда, что сейчас — это была сатира на усреднённое, заштампованное, чересчур «обычное» школьное образование. И, повторим, в эпоху ЕГЭ, этого тотального бабизма-ЕГЭизма, сатира актуальна ещё как! Но тогда все понимали, что не в учителях и не в педагогических штампах дело... уж очень, видите ли, само выражение «бабизм-ягизм» напоминало глядящее с миллионов плакатов известное сочетание на «м» и «л»... Этот скетч был опубликован в «Юности» в 1962 году, как раз тогда, когда юные краснорыццы осуществляли свой подпольный проект.

Отметим: «Юность» постоянно призывала к активности и во внелитературной, социальной области. Как отмечает Ирина Каспэ, читателю «Юности» регулярно и очень экспансивно сообщают, что в нём чрезвычайно нуждаются и что именно его очень ждут:

Расти поскорее, дружище,
учись поскорее, дружище,
ты нужен стране позарез!

Или в прозе: «Дорогой читатель „Юности“! Ты тоже можешь встать рядом с моими новыми друзьями — заводскими рабочими. Приезжай! Тебя очень ждут здесь, в Сибири!» (Некой двусмысленности, высмеянной уже через несколько лет в «Бриллиантовой руке»: «На Колыму? Уж лучше вы к нам», — в подобных фразах никто решительно не замечал.)

Важно, что такого рода «мобилизация» преподносилась не как призыв к самозабвенной жертве, а, напротив, как совет жить «полной

жизнью» — насыщенной впечатлениями и обязательно интересной. Это наш герой, как и его ровесники, считывал сквозь все «мобилизационные» призывы, которые, как всякий советский человек, пропускал мимо ушей (хотя бы потому, что видел на примере «великой стройки» вокруг себя, скажем так, неоднозначность происходящего).

Но — а если не на стройку, не на целину? Полагаем, нашему герою не могли не прийтись по вкусу следующие выражения, адресованные именно его ровесникам: «Они сами принимают решения и не боятся брать на себя ответственности»; «Никто не может сделать молодых взрослыми, кроме них самих»; «Вас никто не возьмёт за ручку и не поведёт к обетованной земле». Ирония судьбы в том, что предпоследнее высказывание принадлежит будущему гонителю Евгения Попова и вообще всякой «отклоняющейся от партийных норм» литературы Феликсу Кузнецову, а насчёт обетованной земли то ли с умыслом, то ли «на голубом глазу» написал будущий невозвращенец, автор «Бабьего Яра» Анатолий Кузнецов.

Ну а мы можем рассматривать эти и подобные им призывы как обращённые непосредственно к группе создателей подпольного альманаха. Мол, держайте! Делайте! Они и взялись в далёком Красноярске за дело... Более или менее искренне полагая, что действуют в рамках разрешённой литературной модели (ну, может, находясь на крайне левой её части).

Евгений Попов называет своё поколение поколением аксёновского «Звёздного билета», прямо связывая эту «образцовую» публикацию «Юности» со своим журнальным подпольем:

«Кто-то из нас, родившихся сразу же после войны, был уже тогда более продвинутым, кому-то, если он, конечно, не врёт, раскрыла глаза лишь „перестройка“, но „Звёздный билет“ тогда прочитали, смею утверждать, все, хотя и сделали из этого совершенно разные выводы, зачастую полярные. Вдохновлённые таким чтением, а также песней на слова Г. Шпаликова „На меня надвигается по реке битый лёд“ из фильма „Коллеги“, мы с товарищами выпустили в городе К., стоящем до сих пор на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан, три номера машинописного журнала со стихами, прозой, статьями и эпиграфом из Б. Окуджавы „А мы рукой на прошлое враньё“» (из эссе о Василии Аксёнове «Мой старший брат»).

В общем, с одной стороны, организаторами подпольного издания двигала нереализованная социальная активность (не на стройку же им было для её реализации идти?). С другой стороны, как это ни удивительно, наш герой питал в отношении своего проекта в некотором смысле карьерные планы. Он хотел стать частью привлекающей его литературной среды. Чем, к концу концов, он хуже тех, кто и публикуется, и организует посредством «Юности» современный литературный процесс? В общем, публикация в «Юности» вполне входила в «пакет» советского карьериста того времени. Не обязательно

писателя — вспомним хотя бы героя соловьёвской «Ассы» мафиози Крымова в исполнении Говорухина, который в своём активе как раз такую, юношескую во всех смыслах, публикацию имел.

Но то публикация в престижном издании, а вот взять и залудить целый самиздатовский, не разрешённый в принципе орган печати — не правда ли, оригинальный способ делать литературную карьеру?

ГОВОРИТ ЕВГЕНИЙ ПОПОВ

Я политикой никогда не занимался и так называемым «диссидентом» не был. Всё разворачивалось по писательской логике жизни в СССР. Вот смотрите. Сталин помер, правящие большевики объявляют, что он был подлец и мерзавец. Ну, мы и поверили, поколение «опоздавших шестидесятников». Это же «ты сказал», как в Евангелии. А тут ещё и журнал «Юность» с новой эстетикой и скромными сюжетами на тему «Не согласен я с таким названием „оттепель“». Но тут ведь пытливый молодой человек начинает задумываться. Хорошо, если Сталин такое говно, то кто же тогда ваш Ленин?

Но это чуть позже. А пока литературные кутята, каковыми мы тогда были, решили, начитавшись «Юности», помочь обновлению Родины в Красноярске. Не зная, что это называется «самиздат» и что за это в Москве уже начинают сажать. Мы же ничего плохого не делаем! Тексты графоманско-умеренные, за исключением Эдуарда Русакова, даже по первым вещам которого было видно, что это настоящий, профессиональный писатель. Мы — школьники из школы №20, хулиганистые, но «начитанные» школьники во главе со старшим товарищем, студентом, приятелем моей сестры.

Пишущей машинки ни у кого из нас не было, да мы и печатать не умели. Какие-то стихи отпечатали в гороно, у моей мамы. Потом нашли сочувствующую. Машинистку-студентку. Тогда, кстати, поговаривали, что вот только-только отменили регистрацию пишущих машинок в МВД. Не знаю, правда это была или миф — про регистрацию. Кстати, все четверо создателей самиздатского альманаха «Гиршфельдовцы» (!) были русскими ребятами и детьми офицеров МВД. Кроме Русакова, отец которого пропал без вести на фронте. Среди авторов были студенты, школьники, моя сестра, сочинявшая стихи под псевдонимом Нота Ната. Русаков был Эд Чахлый. Я — Евгений Квестарь (поп-обжора из популярной у нас тогда книги Тадеуша Квятковского «Семь смертных грехов»).

Успели выпустить три номера, пока нас не прикрыли. Сейчас два номера в Красноярском литературном музее, а один безвозвратно утерян. И хорошо. Мне его сейчас стыдно было бы показывать, настолько это было слабо. Играли в богему, печатали восемь экземпляров (две закладки по четыре копии), писали для важности: 18 экз. Но «против властей» не бунтовали. Эпиграфы к нашим номерам были такие: «Свежести, свежести! Хочется свежести» (Евг. Евтушенко); «В век

разума и атома мы — акушеры нового. Нам эта участь адова по нраву и по норову» (А. Вознесенский); «А мы рукой на прошлое враньё, а мы с надеждой в будущее, в свет» (Б. Окуджава).

ПОЧТИ КАК НАСТОЯЩИЕ

Секрет таинственного названия «Гиршфельдовцы» мы раскроем в конце этой главы. Пока заметим, что только оно одно должно было вызвать ярость начальства. Ну и много чего ещё, конечно,— например, фраза нашего героя в статье о «Звёздном билете»: «Пропитанный духом лжи и угодничества сталинский режим сделал своё чёрное дело». Напомним, как раз конфликт поколений был вещью совершенно недопустимой (за что досталось и авторам фильма «Застава Ильича»).

Но, полагаем, особо никто в содержание всё же не вчитывался. Не было приказа раздувать громкое дело. Хватало самого факта — брошенного вызова, покушения на основы и тому подобного. Тем более что именно в начале шестидесятых появилось как само слово «самиздат», так и, собственно, явление широкого неподцензурного распространения литературных и общественно-политических текстов. То есть Есенина переписывали-перепечатывали всегда. Равно как и прочие запрещённые в СССР литературные произведения. Но периодические самиздат-журналы — это явление уже описываемого времени.

Как пишет Ю. А. Русина в работе «Журналы самиздата 1960–1970-х гг.», чаще всего первым самиздатским журналом называют «Синтаксис» Александра Гинзбурга, три выпуска которого вышли в 1960 году. Имеются многочисленные свидетельства существования машинописных журналов, прежде всего в университетской среде (причём по всей стране). Современный исследователь справедливо отмечает, что самиздатские журналы начала 1960-х годов умирали на втором-третьем выпуске и редко выходили из круга знакомых автора.

Конечно, расцвет «настоящего» самиздата был впереди. В записке КГБ при Совете Министров СССР от 21 декабря 1970 года отмечалось: «...самиздат за последние годы претерпел качественные изменения. Если пять лет назад отмечалось хождение по рукам... идейно порочных художественных произведений, то в настоящее время всё большее распространение получают документы программно-политического характера. За период с 1965 года появилось свыше 400 различных исследований и статей по экономическим, политическим и философским вопросам, в которых с разных сторон критикуется исторический опыт социалистического строительства в Советском Союзе, ревизуется внешняя и внутренняя политика КПСС, выдвигаются различного рода программы оппозиционной деятельности».

Как говорится, упаси Бог — ничего такого в невинном проекте юных краснорядцев не было. С такого рода — подрывным по-настоящему — самиздатом наш герой тесно столкнётся уже в Москве. И, например, передаст на историческую родину «Архипелаг ГУЛАГ». Но это уже

другая эпоха, в которую самиздат тесно соединится с «тамиздатом», и главным фактором станет именно неподцензурность.

А этот самодеятельный журнал притворялся журналом настоящим. Тут и проза, и поэзия, и публицистика, и даже — в одном из номеров — диалог с читателем. Понятно даже, каким журналом — «Юностью». Прямо как в «Юности», обложка была украшена графикой. Причём вполне себе модернистской. На первом номере — мальчик с воздушным шаром. Второй номер — пятерня: намазали кому-то руку, и он отпечатал. На третьем номере художник сделал литографию по работе Пикассо.

Что интересно — миниатюры, которые тогда, будучи ещё школьником, писал наш герой, вполне могли бы появиться в «Юности» настоящей. Но и хорошо, что не появились, — они были вот именно что рядовыми представителями той «молодёжной прозы», которую журнал как бы окормлял. В «молодёжных прозаиках», увы, многие засиделись до седины. Нашего героя эта участь, по счастью, миновала — по внешним причинам. То есть ему попросту везло.

Вот пример таких текстов — рассказ «Встреча с Кипплингом». Приводим его полностью (он был опубликован лишь в составе романа с газетой «Прекрасность жизни»). Естественно, никакого Кипплинга наш герой к тому времени не читал (разве что «Маугли»), знал только цитируемую песню-речёвку.

ВСТРЕЧА С КИПЛИНГОМ

— Да. Но вы послушайте... Кипплинг.

— А при чём здесь Кипплинг? Кипплинг — это жара, зной, пот, а сейчас прозрачно, прозрачно, как у Блока.

— Кипплинг — это лиловый красноярский мороз, это скрип холодных полуботинок по снегу, — погрузнев, сказал собеседник.

Я с сомнением посмотрел на него.

— Сейчас мне двадцать, — продолжил собеседник, — а в семнадцать лет я узнал Кипплинга и стихи.

Я ждал. Он немного подумал:

— Нас было четверо. Один сейчас в Байкальске, двое в городе К., а я здесь.

И он развёл руками.

— Тогда мы бродили по улицам, курили и иной раз распивали пол-литра в подворотне. У нас не было девушек, но мы не стеснялись их. Просто нам и так было хорошо.

Однажды пришёл Славка и сказал, что теперь мы будем ходить в театр. Мы поверили и пошли по таинственному двору среди размалёванных фанерных декораций, битого стекла и ржавых водопроводных труб.

Потом мы лезли по лестнице. У меня не было перчаток, и потные руки прилипали к железу. Мы оказались на небольшой площадке, и Славка сказал: — А теперь — тихо!

Он открыл какую-то дверь, и изнутри тёплой волной ударил воздух.

Мы осторожно прошли по решётчатому настилу. Внизу была светлая сцена, прожекторы и тёмный, загадочный блеск зрительного зала. Мы спустились чуть ниже, на деревянный балкон, нашли какие-то ящики и сели.

Нам было страшно. Мы забыли, что рядом прожекторы, свет которых слепит так, что никто не заметит чёрные изящные фигурки.

С тех пор мы пристрастились к театру. Он не разочаровал нас, хотя и дал несколько горьких уроков. Мы видели, как актёр, который только что умирал с прекрасной улыбкой на губах, пьёт пиво и ест бутерброды с красными языками колбасы, как раненый красноармеец рассказывает женщине анекдот.

И вот пришёл Киплинг. Зал молчал, зал ждал его, зал ждал взрыва, бури, но полились медные холодные слова:

День — ночь.

Ночь — день.

Мы идём по Африке.

И тут он поднял голову. Он смотрел, не шурясь, в прожекторы и видел нас. Наши лица, растерянные, поражённые. Он видел, и голос его креп. Он шёл по пустыне, он видел караваны и отравленные колодцы, он видел нас и сухую тропическую смерть в пробковом шлеме.

Потом чудо кончилось.

Мы не выдержали, мы аплодировали, мы что-то кричали. Вовка уронил кусок стекла. Стекло разбилось с победным звоном. Прибежал пожарник. — Пшли отсюда, с-кины дети!

Мы не огрызались, мы махнули артисту, и он помахал нам. Мы исчезли в провале люка и карабкались по холодной лестнице.

Мы не смотрели друг другу в глаза.

Потом мы расстались на месяц. Это нужно осмыслить одному, в затерянности огромного мира, в лесу, который дышит паровозными гудками, на скамейке пустого сквера, на мотоцикле, летящем со скоростью звука.

Потом мы встретились, и знаете, какая это была встреча.

Он умолк, а я и не ждал продолжения, у таких историй нет продолжения. — Хорошо, — сказал я.

Поразительным образом в лирический строй этой миниатюры впадают интонации, присущие «классическим» рассказам Евгения Попова. С оглядкой уже на рассказы, допустим, из неизданного сборника «Плешивый амур», сама миниатюра выглядит довольно комично. Но этот эффект наш герой пока просчитывать не умел. А вот уже через несколько лет — научится, и лирическое станет лишь мотивом, оттеняющим комическое на контрасте.

А что касается журнала — сегодня всякий может убедиться в его литературных достоинствах лично, обратившись в Красноярский литературный музей (где хранятся уцелевшие экземпляры). Кстати, музей располагается в красивом, хорошо отреставрированном особняке в стиле сибирского деревянного модерна.

Ну а тогда для выпускающей группы журнала дела пахли не музеем, а совсем иными казёнными местами.

ГОВОРIT ЕВГЕНИЙ ПОПОВ

— Попов, вас завтра вызывают в горком комсомола, — сказала мне директор школы. И добавила: — Хотя там свою ерунду не болтайте!

В горкоме было полно каких-то баб и «бетонщиков Красноярской ГЭС». Секретарь горкома был Слава, карьеру, как я потом узнал, не сделал. Громить нас было не за что, но нашлось за что. Например, за рифму в стихах Яна Аникина (плотника всё той же ГЭС) «Гагарина — татарина». Главным криминалом были статья Русакова «Заклинатель трав» о поэзии Бориса Пастернака, который к тому времени уже помер и его за это простили большевики, и моя статья под названием «Культ личности и „Звёздный билет“».

— Мы, товарищи, были на фестивале молодёжи и студентов в Хельсинках, — говорили бетонщики, — так нам этого Пастернака в номера подсавывали, «Доктора Живаго». Так мы им, извините, дамы, задницу подтирали. А эти вспомнили, да ещё портретик изобразили.

Короче говоря, постановили всех авторов исключить из комсомола, а главного редактора (я был его заместителем) исключить из института тоже. Там я получил первые литературные уроки. Автор по случайно запомнившейся мне фамилии Камыдо, студент, старше меня, школьника, лет на пять, сказал, что это я его вовлёк. Скандал был на весь город ещё и потому, что среди авторов был фотограф Саша Морозов, мой одноклассник, а потом и однокурсник, геолог, инвалид-психохроник, а тогда сын председателя крайисполкома, по нынешнему — губернатора. Мирные фотографии аполитичного замёрзшего Байкала были у него опубликованы в журнале, не более того... Но всё равно — самиздат!

Мне-то всё равно было, я из горкома вышел весёлый и тут же где-то выпил портвейну, потому что я в комсомоле ни до, ни после не состоял. Но я рано радовался. В школе мне дали такую характеристику, что с ней сразу нужно было в какой-нибудь стройбат поступать, а не в институт, куда тогда требовали характеристику.

Ещё детали. С редактором Валеркой (я его фамилию называть не желаю) мы как-то после этого вскорости разошлись. Из института его не выгнали, а скорее наоборот — получил хорошую должность на строящемся комбинате и вскоре сделал неплохую карьеру по линии досок и фанеры. В партию тогда же вступил, партия тогда была одна, называлась КПСС. Я ни на что не намекаю, но подозреваю, кто ему помог найти правильную дорогу жизни.

Ещё — одного из авторов, эстета и, возможно, гомосексуалиста, посадили. Не за декадентские стишки, а за разглашение государственной тайны. Он был студентом, практиковался на секретном заводе, в самолёте встретил товарища по цеху и немного поговорил

с ним о работе. Мне было шестнадцать лет. Меня вызвал в местное КГБ — запомнил на всю жизнь фамилию! — капитан Пирожков. Меня вели по двору. Я шёл в жёлтых вельветовых, протёртых почти до дыр брюках. На меня с сочувствием смотрели строители — расконвоированные ээки.

КАК ПРИОБРЕСТИ ДРУГА НА ВСЮ ЖИЗНЬ

В КГБ у нашего героя спросили, чем он дальше собирается заняться в жизни. Попов ответил, что хочет повариться в рабочем котле и, закончив школу, станет работать на заводе. (Публицисты журнала «Юность» были бы довольны таким ответом!) После чего тихо уехал на поезде в Москву и поступил в Московский геологоразведочный институт имени С. Орджоникидзе. В известном смысле, тоже котёл... и даже рабочий. С точки зрения писателя, уж во всяком случае.

Для большинства участников альманаха это был первый и единственный «заскок» в литературу. Для двоих — всё только начиналось: и литература, и самиздат, и беседы с компетентными органами. Один, само собой, наш герой, а второй — Эдуард Русаков, его близкий друг на протяжении почти шестидесяти лет. Попов и Русаков познакомились именно в процессе работы над альманахом. Как это, наверное, было и будет во все времена: кто-то сказал, что у него есть знакомый парень, он тоже пишет, встреча — и юношеская дружба, продлившаяся десятилетия.

Русаков был старше нашего героя на четыре года, уже учился в мединституте (и потом много лет проработал врачом-психиатром — а заодно «поработал» прототипом многих героев Евгения Попова). Активно писал ещё в школе. Правда, из «раннего» уцелела только приключенческая повесть «Конец голубого креста», иллюстрированная автором и подаренная некогда тётушке. Все прочие детские сочинения Русаков, по его же словам, уничтожил в десятом классе в приступе юношеской депрессии.

Наш герой вспоминает обстоятельства первой встречи: «Эдик был одет значительно лучше меня, он был единственный сын. У него было модное пальто. Мы с ним разговорились, мы люди абсолютно разные, как и сейчас, хоть и ближайшие друзья. Я прочитал его рассказы и понял, что это замечательная проза, это нужно к нам в журнал немедленно. Он неплохо рисовал и перерисовал портрет Пастернака. Потом мы разговорились о книжках. Потом стали ходить друг к другу в гости. Мы были в разных социальных классах. Он жил в коммунальной квартире в доме для инженерно-технических работников, с мамой — экономистом на железной дороге (отец пропал без вести на войне). У них в квартире была ванна! А у нас никаких удобств, сортир на дворе... У нас на завтрак жареная колбаса, квашеная капуста, у Эдика такого не было, а его мама угощала нас какао и бутербродами с сыром».

Зафиксируем эти подробности для будущих историков русской литературы. А если собственно о литературе, то Эдик в момент встречи был «начитаннее» героя. Ну, само собой, сразу занялся его образованием. Дал «Записки из подполья», «Бобок», поразившие подростка Попова. Подарил пластинку — запись спектакля «Идиот», где Мышкина гениально играл Смоктуновский. От него наш герой узнал про Юрия Олешу. Он подарил «Треугольную грушу» Вознесенского с надписью: «Наше дело левое, мы победим». Они вместе читали все толстые журналы. Русаков писал в то время много и жадно — тоже подавая пример своему младшему другу, который всё как-то примеривался к сочинительству.

О последствиях своего участия в подпольном альманахе много лет спустя сам Эдуард вспоминал так: «В газете „Красноярский рабочий“ была опубликована статья о том, что надо растить молодых борцов за коммунизм. В ней автор упомянул и меня: мол, нашёл и у нас безусый щелкопёр, пишущий упаднические стишата. Была там и цитата из моего юношеского декадентского стихотворения. В конце заметки ставился вопрос ребром: где воспитывался этот моральный урод, куда смотрели комсомольская организация и товарищи по институту?! У меня двойственное отношение к публикации: с одной стороны, обидно, с другой — радостно, всё-таки моё стихотворение в газете напечатали... Хотели исключить из мединститута, но не исключили».

Вот так они рвались тогда в литературу! В том же интервью Эдуард Русаков предельно чётко выразил собственную позицию тех, да и последующих лет (думаем, её в целом разделял и наш герой): «Никакой антисоветчины у меня не было. Я же не идиот, понимал: если хочешь быть антисоветчиком, иди в подполье, в диссиденты. А я хотел не бороться с властью, а чтобы меня издавали. Тем не менее их (рассказы. — М. Г.) не пропускали: не было в них оптимизма, света. Но я же не виноват, что жизнь такая».

Оставшись в Красноярске, Русаков постепенно попал в «публикующиеся» писатели, издался сначала в своём городе, потом, в 1981 году, и в Москве. Все эти годы Попов и Русаков самым активным образом общались — продолжают общаться и сегодня.

Наш герой посвятил своему герою немало проникновенных и справедливых слов. Вот, например: «Русаков, на мой взгляд, один из лучших ныне живущих беллетристов. В его прозе видны следы ученичества у Чехова, Достоевского, Кафки и, например, Мамина-Сибиряка или Шишкова. Он сейчас самая заметная писательская персона в Красноярске... Доколе у нас на Руси писатели мирового уровня, скромно живущие и вершащие своё посильное дело в так называемой провинции и далёкие от разномастных тусовок, будут всего лишь „широко известны в узких кругах“ столицы и филологического зарубежья, тогда как имена литераторов, прямо скажем, говённых

весьма часто скрипят на зубах литературной общественности, как песок, подсыпанный кулаками в колхозный хлеб?»

Ну и, наконец, откуда такое название — «Гиршфельдовцы»? Какой Гиршфельд имелся в виду? Георг — немецкий драматург, прозаик и сценарист? Людвиг Маврикий — польский медик, анатом, профессор Варшавского университета, доктор медицины? А может быть, Магнус — немецкий врач еврейского происхождения, сексолог, исследователь человеческой сексуальности, в частности гомосексуальности, и защитник прав сексуальных меньшинств?

Нет, всё это не в стиле юных красноярских самсебяздателей. Мы, узнав, были поражены. Итак...

ГОВОРИТ ЕВГЕНИЙ ПОПОВ

Название журнала объяснялось просто. В ресторане «Север» мы встретили дивного «откинувшегося» зэка Бориса Исааковича Гиршфельда. Он повыпивал с нами, занял у нас денег, которые, естественно, в указанный срок не отдал. Через неделю мы обнаружили его сидящим в домашних тапочках всё в том же «Севере» у раскрытого окошка. Было жаркое лето. Мы велели ему собираться и повели его на блатную речку Качу, угрожая страшными карами. Он спокойно слушал нас, а когда зашёл в ворота низенького дома, где квартировал, то тут же выскочил оттуда с топором и гнал нас, хохочущих, до самого проспекта Мира через улицу Ады Лебедевой, Марковского, Перенсона и проспект Ленина. Ну как в честь такого замечательного человека было не назвать журнал?

Виктор Самуйлов

Обугленный мираж

Случилось это со мной или с кем-то другим, значения не имеет. Да и случилось ли? Может, это и не случай, может, это закономерность... а точнее, а проще, без умствования,— это жизнь. Отмеряна она кем-то «от и до». Взаимоотношения с жизнью и с судьбой (а это не одно и то же) у человека сложно складываются. Мне удобнее отталкиваться в своих размышлениях от понятия «жизнь». Её можно, в отличие от судьбы, осознать сейчас, в какой-то мере определить её развитие. Судьбу большинству из нас предугадать невозможно. Лезешь познавать? Ну что ж — это, наверное, судьба. Нет! Живёшь одним днём... Это тоже судьба.

Что же такое жизнь? Не знаю. Может, то, что мы можем подправить? С судьбой нам не совладать, но и жизнь ведь нелегко поддаётся. Остаётся одна радость — рассуждать!

Семёну Кузовкову судьба предоставила шанс, возможность многое переосмыслить в своей жизни, спросить себя о многом и ответить... Длинные, тягостные зимние дни и ночи, трескучие морозы, вой метели, одиночество. Много ли это? Может, и нет, но другого он не заработал, это все его приобретения, это его жизнь. И то, что случилось с ним, можно отнести к разряду пошлого и циничного, и не щадил себя Кузовков. Не юля, отвечал: старый, сладострастный развратник ты, нет тебе оправдания ни перед Богом, ни перед собой, ни перед людьми...

Додумывался до разного. Не раз и не два приходила в голову мысль закончить жизнь добровольно, хоть и грех. Но он-то не верующий, прав ли, виноват ли — там это уже никакого значения иметь не будет. Муки совести, боль сердца — всё исчезнет в небытие...

...Семён узнал о трагедии в посёлке, лишь вернувшись из отпуска. Оглушённый известием, растерянно тискал в руках коробочку с серебряными серёжками. Вот... хотел порадовать... Как же... Лапушка... Гутя! Не верилось... Какая-то путаница, тем более девчонка должна быть далеко, на Енисее, и под пули пьяного придурка никак не должна попасть. Нет, не она! Лапе пятнадцать лет, а говорят, что самой младшей семнадцать было, и Леной звали... Нет, не может быть...

В городе задерживаться не стал, хоть и на вахту через неделю. Собрался, упросил начальство и продуктовым рейсом через полтора часа был в вахтовом посёлке.

Рюкзак тянул плечи, мела в лицо позёмка, Семён, не замечая, шагал к себе в общагу, вглядываясь во встречающих, стараясь подгадать хорошего знакомого, расспросить. Как назло, народ спешил к вертолёту, базовский да строители. Так и домчался до барачного низкого разляпистого строения, уже занесённого снегом почти под крышу. Обстучав унты, рванул примёрзшую дверь, протопал в конец коридора. Ключ выскакивал из замочной скважины, вывёртывался из дрожащих пальцев. Наконец щёлкнул замок — раз, другой. Вошёл в комнату, рюкзак поставил у порога, сел на койку. Теперь почему-то Семён уже не сомневался: нет Лапули. Сердце гулко било в виски, в груди ломило. Он, пошатываясь, встал, открыл форточку, приоткрыл дверь, посмотрел на телефон... руки огрузили — не поднять. Набрал номер.

— Саш! Что случилось?..

— Привет! Вернулся? Как отдохнул?

— Да не крути...

— Васька из седьмой бригады... Может, крыша съехала, может, за обиды какие, ты ж знаешь, как к нему относились.

— Короче...

— ...Ходил, стрелял, семь человек положил и твою девуку...

— Где он?..

— Сгорел вместе с вагончиком, застрелился вроде, а вроде омоновцы подстрелили и шашку бросили... отстреливался долго...

— Похоронили?

— Да уж две недели прошло... Семён!

— Ну чего?

— Ты особенно не переживай. Сам пойми, тебе почти пятьдесят, а ей пятнадцать, баловство это. Чего б ты с ней делал? Тебя не было, так она с молодыми вовсю... Все они такие...

— Заткнись... — Семён бросил трубку.

Какие они, он, наверное, не хуже Сашки знает. Тридцать лет в тундре, по вахтам, пятнадцать лет на точке. И столько лет семью эту знает и помнит, как Лапуля родилась. Сотню давал на пропой ещё теми деньгами. Хотя оленеводы в тогдашние времена, советские, жили не в пример нынешнему. Всё у них имелось. Сейчас семья Лапули нищая, побираются по посёлку: оленей нет... ничего нет. Семён, чем мог, помогал. Помогал... Вздохнув, поставил рюкзак на табуретку, развязал горлышко, достал бутылку водки, стукнул об стол, долго на неё смотрел, скривившись губами и правой щекой. Поднялся, вышел в коридор, выглянул на улицу, потом ступил на тяжело скрипнувшее крылечко. Ветер, бесясь, кружил между домами, поднимал тучами и то швырял снег в лицо, то сыпал осторожной порошью сверху; набило его в ворот рубахи, запорошило волосы, залепило глаза. Стоял, не замечая ни холодных струек, сбегавших по груди, ни вмиг оледеневшего лица и задубевших рук.

Как будто и отпуска не было. Три дня назад бродил по Ривьере. В море купался, птичек по утрам слушал; накрошит с вечера хлеба на балкон, чтоб и первые лучики солнца, и пичужки чвыкали... Двадцать дней как в раю, а глупое старое сердце сюда рвалось, в морозы, в метель, которая сейчас начинает раскручивать свои космы... к Лапуле. Лежит по утрам Семён, тянется могучим кряжистым телом... эх, Лапулю бы сюда! Чего девка видела? Дальше Дудинки и мира для неё нет. Паразит всё же он... мог ведь Лапулю свозить на юга. Забо-ялся пересудов да разговоров. К матери заехать нужно было, потом к бывшей жене, сыну.

Скрипнул зубами, пнул ногой дверь и чуть не бегом помчался в комнату. Распаковал рюкзак, включил холодильник, не спеша разделся, скинул унты, верхнюю одежду, натянул спортивный костюм, тёплые вязанные носки: купил несколько пар на юге. Осмотрелся, достал нож, вывалил на стол кучу кульков и пакетов, часть убрал в холодильник, нарезал колбаски, свежих помидорчиков, хлеба, накинуд на дверь крючок. Дёрнул зачем-то за ручку... Присел к столу, включил телевизор, приглушил звук. Налил до краёв стакан водки: «Пусть земля тебе будет пухом, Лапуля...» Выпил, остро чувствуя и вкус, и запах водки. Тяжело задышал, пустым взглядом уставился за окно. Уже крепко мело, стучал тугими порывами в стенку ветер. В открытую форточку забрасывало снеговой крошкой...

Под сердцем пустота и боль... Кажется, вчера они сидели у него в домике на точке. Семён уронил голову на стол...

...Забегали к соседу на огонёк, а сосед в десяти километрах; встретил, отряхнул веником снег, повесил малицы в холодном коридоре, чтоб не намокли, оленью волосю с кофточек сами стряхнули. Окоченели, продрогли. Младшенькая, Гутя, щёчки приморозила, трёт их украдкой. Гале хоть бы что, может, постарше... Плутоватые глазёнки насмешливо стреляют из-под густющих ресниц. Шестнадцать лет даме, кровушка уже бурлит. Где уж морозу с ней справиться? Щёки только нарумянил да шального блеска в тёмный зрачок прибавил.

Посадил их повыше, на небольшой приступок, к газовому камину, чаю принёс, вареньем угостил, хлеба и масла побольше, колбаски несколько колесок отрезал: угощай, не скупись — помощницы. Галя через три минуты, подхватив табуретку, распаренно прыгнула вниз: — Фу... жарко!

Отогрелись быстро, бисеринки пота выступили на смуглой коже Гали. У Гути капля влаги повисла на носу, щёлкнула её на пол, даже и не взглянув на хозяина. Семён хмыкнул: чего стесняться? Дед старый. Присмирели, сидят, в телевизор уставились. Скучно в чуме, прибежали за магнитофоном. Десяток километров против хиус-ветра, и минус тридцать семь — мороз, отмахали на крепких ножонках, даже не запыхались. Наверняка младшенькая, Лапа, так зовёт её Кузовков,

сбила сестрёнку на этот поход, тянет её сюда... как мёдом намазано. Но и старшая... красивая дивчина, темновата по нашим меркам. Но боевита... не дай Бог. Росточка небольшого, разворотиста — огонь! Вот достанется кому-то счастье! Мужика ей такого, чтоб... ух!

Кузовков смотрел на сестёр, те сосредоточенно таращились на экран телевизора. Обвал чувств навалился на него с приходом этих милых существ. Смотришь на них — такие они чистые, как утренние росинки: прозрачные, ясные. И жизнь вот такая ж, глядя на эту нежность, красоту, должна их приветить. Ну а как по-другому?.. Такая чистота, такая девственность, эх, Боженькины чада! Так-то оно так, да вот не так. И не подумашь, что безобразная обыденность идёт с этими девчонками плечом к плечу. И такого, как сейчас, видимого вроде, ждущего их совершенства отношений, чувств в жизни им не встретить. Тем более в этом диком краю, в наше гиблое, непутёвое время. Что их манит сюда? Прогресса им хочется, цивилизации... Э-хе-хе, девочки. Тут, наоборот, не знаешь, куда от этого благополучия смыться... И вам бы от него подальше...

Семён ушёл на кухню, поставил чайник на плиту, долго смотрел в завьюженную даль. По реке ровным туманным накатом тянуло позёмку, похоже, как валки сухого сена поворачиваются, лениво сплывая к темнеющему на той далёкой стороне лесу. Луна во всю огромную оранжевую рожу зловеще, усмешно взидала на этот заснеженный, угрюмый и грозный мир. «Ну что лыбишься? Да, одиноко тут, тоскую!..»

Прошёл в комнату.

— Давайте-ка, девчонки, по чайку!.. Взбодримся, а то, смотрю, дремать начали. Фильм сейчас начнётся, старый, но хороший.

Галя подскочила, застоенно метнулась на кухню:

— Не страшный, интересный?

— Кому как... «Тени исчезают в полдень». Слыхали?

Семён задумчиво и долго смотрит на Галю. Та чувствует тяжёлый мужской взгляд: затихла, застыла. Щёки пунцовеют, агатовые глазёнки напряжённо хмурятся. Эх! Девка! Чертовка! Разбередила душу на старости лет! Да... не бес в ребро... не бес! Полста через два года Кузовкову. Быльём поросло, затянуло плесенью, пылью покрылось прошлое, молодость, любовь... Вздохнул, стал смотреть на Гутю.

...Кузовков поднял голову от стола, непонимающе огляделся, налил водки, выпил и уже не отводил взгляда от беснующейся за окном снеговой круговерти.

Лет с десяти Лапка начала бегать к нему на точку. Сверкнёт глазёнками, как тот горноста́й, быстрая, ладненькая. Но всё молча; чего попросишь — оглянуться не успеешь, на одной ноге повернулась. Галя, старше на три года сестрёнки, тоже похаживала. Но эта девка уже

заматерелая, хоть и тринадцать лет всего было. Сейчас вот сколько ей? Ага, если Лапуле пятнадцать, то Гале восемнадцать, всё прошла. Семён разбросал по столу огромные ручищи...

Лапке доходило тринадцать. Сидели они на валежине, на бугорке, ветерком гнус отгоняло. Морошку собирали. Устал Семён, раскоряжился, руки в жилах, как корни, на колени бросил. Лапка у бока примостилась. Семён вроде задремал, чувствует, ползёт что-то по кисти. Хотел тряхнуть, приоткрыл глаз — девчушка пальцем по жилам водит. Посмотрел, пальцами двинул... да... клещи, крюки. Пятнадцать лет на трубаче, ничем не отмыть... А когда трясти всего начало и приглож крепко, ушёл на точку в линейные слесари, осмотрщиком. Точка содержалась кое-как: топились углём печка, шуруешь целыми днями в топке. Сейчас газовый котёл, но и печурку оставил, подкидывает иногда дровишек. Газовые генераторы двенадцать вольт гонят, девчонки подросли, телик чуть не каждый день бегут смотреть. Всё веселей стало...

Семён поёжился, налил с полстакана, перекрестился, тяжело дохнув, выпил.

Стойбище у этой семьи километрах в пяти кочевало, так кругом вахтового посёлка и крутились. Батя у них большой любитель выпить: рыбка, охота — всё на продажу за бутылку тащит. Пока совхоз был, как-то ещё струнили его. А потом раздали семьям оленей, в два года и спустили всё. Пропили, порастеряли, дикаря пошло видимо-невидимо, за ним волки. Оружие кто пропил, кто по пьяни потерял, а где и украли пришлые. Да и боеприпасы денег хороших стоят. Вот и забегали девчонки подкормиться к Кузовкову. Вспоминал как-то свою первую любовь. Так мило и тревожно на душе стало; кажется, в прошлую зиму девчонки у него сидели. Галя, бой-девка, жаром пышет, щёки здоровьем пунцовеют. Так посмотреть — ну дети, чуть выше пояса Семёну. А баба внутри играет, да ещё как... силища какая... А что делать? Север, тут раскачиваться нет времени, лето короткое, ночь на всю зиму...

Кто-то постучал в дверь. Прислушался... опять постучали... уже настойчивее. Серdito двинул бровями, но встал со стула, отключил: Галя стоит, вся какая-то серая, лицо в чирьях.

— Чего тебе?

А та бутылку узрела.

— Выпить хочу!

— Шла б ты домой...

— Наши в посёлке все.

— Пьют, поди.

— Пьют! Налей!

— Ну заходи, — посторонился, — раздевайся.

Та помялась, но малицу скинула. Длинная мятая юбка с прилипшим оленьим волосом, кофта без пуговиц, свитерок прикрывает тщедушное тельце. Совсем дошла девка. Налил чуть на доньшке.

— Жадный какой! Лей больше!

Плеснул ещё, зло глядя в бегучие глаза. «Лучше б тебя... тьфу!.. тьфу!» Быстро, незаметно перекрестился. Галя выпила, схватила колбасу, хлеб.

— Есть хочешь?

Кивнула головой.

— Сейчас суп приготовлю, сиди.

— Нет! Мне ещё выпить дай!

— Дам. Пока не поешь, ничего не получишь!

Девчонка послушно затихла, вожаденно зыря на бутылку. Расспрашивать её Семёну ни о чём не хотелось.

— Я вчера только из Усть-Порта пришла. Не успела на похороны.

— Чего в чирьях вся?

— Не знаю, простыла.

— Простыла она! Ложишься под всех подряд!

— Не твоё дело. Как хочу, так и живу. Лапки твоей нет — с кем спать будешь?

Кузовков сдавил зубы:

— Только не с тобой.

— А чего ж так? Я учёная, всё умею.

— Заткнись, дура!

Галя шмыгнула носом:

— Заткнулась. Жрать захочешь...

— Да понятно всё, только соображать и себя уважать хоть маленько надо.

— Ты умный какой! Думаешь, Лапка с тобой по любви спала? Ха! На хрена ты ей, старый, нужен?.. Она тоже есть хотела...

Семён молча помешивал варево.

— Тебе-то что?

— Подарки привёз?

Кузовков насупленно порылся в сумке, вытащил коробочку с серёжками, бросил на стол, потом выложил тёплую вязаную кофточку — там же, где и носки, купил, на базаре в Сочи. Галя жадно схватила коробочку, подскочила к зеркалу, примерила серёжки, крутнулась туда-сюда:

— Пойдёт!

Сбросила кофту без пуговиц, натянула обновку. Фигурка её ладненько обтянулась. «Ничего девка — отмыть, подкормить...» Кузовков налил супа, достал ещё бутылку, плеснул Гале, себе побольше.

— Пей!

Та ойкнула, замахала руками:

—Крепкая водка. Лапке хорошо, никаких теперь забот... —стрельнула тёмным зрачком.— Там ни старых, ни молодых.

Семён выпил, тяжело откинулся на кровать. Одолевала дрёма, за окном уже выло во всю мощь.

—Закрой форточку.

—Налей ещё!

—Наливай и метись отсюда.

Галя закрыла форточку, налила себе, выпила.

—Никуда я не пойду. Метель, у тебя две кровати и полбутылки, пересплю.

—Спи, чёрт с тобой.

Кузовков проваливался в дремотную мглу. Сквозь дрёму слышал, как устраивалась на соседней койке Галя, крутилась, противно взвизгивали пружины. «Вот чёртово веретено... А всё ж почему так? Почему так судьбой положено? Этой жить, мучиться. Той лежать... Эх! Взвалил ты на девку себя... или на себя девку... Тяжёл крест... но Бог не даёт боле того, что можешь снести. Лапуля не снесла...» А он?

...Надорвал как-то поясницу Семён, пластом лежал, Лапуля взялась мазь ему «тигровую» втирать. Ручонки маленькие, жаркие, и трёт, и трёт без устали. «Ну, всё! Всё! Уже здоров!» —взмолился Кузовков. Чувствует, нравится девке его чутунное тело оглаживать. Самого в озноб бросило... Сильная девчонка была, помогала Семёну сети ставить. Постоянно по хозяйству, требовались вторые руки. И по ягоды они ходили, и по грибы. Смотрел иногда Семён на внешне бесстрастное лицо и понять не мог, что, чем он притягивает девчонку. Уж ей и за четырнадцать далеко, приодеваться стала, да ещё вкус, оказывается, какой... всё так ловко и пригоже на ней.

А вот он в городе или, как в этот раз, в отпуске, а сердце, как у мальчишки, винтом в груди ходит. Кровь лицо палит. И стыдно до смерти... девку хотеть начал. Прямо по-мужички. Придёт она, туда-сюда шмыг, лепёшки ли печёт, рыбу жарит, а Семён её всю видит, голенькую, ладненькую, груди небольшие, крепкие. Переносил Лапку через ручей, прижалась, за шею обхватила, глаза закрыла... Кузовков уже и сто метров несёт, и двести, так и в домик занёс. Положил на кровать, а она его не отпускает... Осторожен он был с Лапой, рука-то у него — в стан девчонки, не рука — бревно. Не девчонка Лапуля была, но опыта никакого. А какой опыт Семёну? Ласка, нежность всё огромное тело заполонило...

Навряд ли кто догадывался об их отношениях. Хотя у вахтовиков, да и в посёлке, этим никого не удивишь. Лишь Сашке, закадычному другу, пожаловался в великой растерянности и страхе. Тот хмыкнул лишь: —Нашёл о чём страдать. Не ты, так другой. У них это просто. Природа, батенька. Зреют они ой-ёй-ёй как быстро, а век у них — тютю! Не журишь... покайся, помолись...

Как ни каялся, ни молился, а Лапочки нет. Семён сел на кровать, налил себе почти стакан, зло глянул на спящую Галю. Не хотел признаваться, не хотел... Оттопырив мизинец, брезгливо выпил водку, куснул ладонь. А ведь он в душе доволен таким исходом... Доволен. Взять девку с собой на родину? Ну куда её пристроить? Жить с ней как с женой?.. Нелепица! Замуж отдать? Сердце не позволит... Ну что тогда? Тут не оторваться. Любому, кто бы поперёк стал, голову, как курёнку, открутил.

Кузовков подошёл к зеркалу. Набрякшие подглазья, опустившиеся щёки, зрачки расширенные, белки глаз в красных витых прожилках. Пригладил волосы... зверь... зверюга!.. посмотрел на Галю, та со страхом следила за ним.

— Спи!

Семён схватил шубу, бросился на койку, укрылся с головой, жадно вдыхая прелый овечий дух...

Не сбросить прожитого, не забыть... Но жизнь ведь не кончилась. А тогда, два года назад, когда девки отогревались чайком у него на точке, волновалось его одубелое сердце, тревожилось...

Пунцовые блики заполошно метались по комнате: то скакнут на лица девчонок, скользнут по стенам, юркнут в темноту углов. И опять чередой, ломаными теньями, исчезают в ярко-красном жерле печки... Как много-много лет назад... вечность! Ещё год — к уже пролетевшим с того времени тридцати. Лапуля чёрненькая, крохотная, та — яркая блондинка. Высокая, стройная. Сколько прошло... ни разу не вспомнил, а всё к одному... ответ надо держать. Что ж тогда случилось? Смалодушничал? Или обида? Или судьба?

Держа кружку в руке, прилёг на топчан. Отхлебнул немного — показался чай на вкус той водички из прозрачного бочажка, прикорнувшего среди корней огромной берёзы. Тихий, глянцеvато-коричневый, если небрежно, походя скользнёшь взглядом по нему. Несколько желтых листочков обмякли на зеркальной глади. Изморозь осевшей боком паутины среди стеблей подмаренника. Паут, так звала бабушка, бестолково снуёт по сети, то ли ремонтирует, то ли просто от здоровья по снасти шастает...

...То лето не совсем удачное получилось. Сёмка закончил десятилетку. Благополучно сдал экзамены в школе, успешно провалился в институт. Догуливал теперь последние сенокосные дни. С понедельника начиналась его трудовая деятельность на местной фабрике деревообрабатывающего комбината. В их семейном невеликом хозяйстве имелаь пятнистая добродушная корова Роза.

— Пока лоботрясничает, приучайся к делу, — так прокомментировала мать безуспешную попытку Семёна вырваться в самостоятельность от родительской опеки.

Эх! Сенокосная пора! Вспоминал Кузовков её с умилением. Как ни тяжела и однообразна эта работа, по жаре, по оводам, и не ко времени — на речку бы с удочкой... но одно из самых милых сердцу воспоминаний тех, кто бывал на сенокосе. И всё оттого, что на природе или даже в самой гуще, в нутре её надрываешься, жилы тянешь.

Сёмка сидит у ствола берёзы, смотрит в воду. Видно отраженье облаков: ватно-белые, переменчивые в голубой выси, на холодном зеркале бочажка они — как дымчатые, застывшие мазки. Потом вдруг увидишь опрокинутую вершину дерева, косматую бездонную поросль. Затем всё это как бы блёкнет, растворяется в прозрачной глубине, и видишь тёмное, сплошь устланное листвою и мелкими сучками и веточками дно водоёмчика. Жучок арбузным семечком, быстро семена лапками, скакнул из-под листка, другой вертикально вверх стрельнул, и так же стремительно, как испугавшись, зарылся в плотный кожистый ворох листьев. Сколько всякой живности, оказывается! Брр... Кузовков передёрнулся.

...Сенокосное место им нарезали хорошее. Трава с увала в болотину сочная, душистая. Далековато до дома, километров двадцать. Потому и хорош покос, что далеко, что дорога, не приведи Господи, лесная, разбитая ещё по слякоти, с поломанными, раскошенными в щепу в лежнёвках брёвнами, в размытых талой водою глубоких колеях. В первый день, окинув всё это богатство взглядом, Семён от страха прижмурил глаза. Вот уж красота! Огромное покосное поле в окружении непролазной чащобы. Нехоженный вековой лес: ёлки, осина, берёза в два обхвата, макушки в небеса. По пригорку травка ровненькая, жиденькая, а в низину — по пояс перемешана разными цветами, да такими сочными, яркими, что и задохнуться от вида, духа пряного недолго. Пчёлы, шмели гудят. Птицы на разные голоса заливаются. Потом привыкаешь к этому, а поначалу удивительно ново и волнительно, чуть не в обморок. Но это вот сейчас всё давнее так видится, а что в то время понимал Кузовков?.. Трава и есть трава — зелёная, цветочки всякие... Окосят — обвянет, обсохнет — корова всё это с удовольствием скушает, Сёма молочком выпьет. Непросто это молочко достаться.

Погода в то лето подфартила, свёдрилась, неделю солнечная, ясноглазая. С трёх одонков — себе один. Такой договор с совхозом. Их Розе двух на зиму хватает. Вот и старались на шесть. Одонок, или стог, — огромная копна с шестом для опоры посредине. В субботний день — последний выставлять. Устали все — насмерть. Сёмка нервничал, мечтал к вечеру на речку вместе с подружкой сбегать, пыль, пот смыть. Потом на танцы. Но народ, как назло, отдыхал подолгу: притомились, да и уж главное, без чего хозяйства путёвого нет, к завершению подвели. Валяются в теньке, жар полуденный пережидают. Парень приставал к матери, пугал возможностью дождя, обилием домашних дел. Та только добродушно посмеивалась. Не

понимал, пенёк, что и для них, как для него сейчас, нет поры милей для души, сердца, чем эти недолгие летние сенокосные дни.

...Ух... Кажется, вслух застонал Кузовков. Так явственно, осязаемо почувствовал на губах вкус холодной, с приправой травяного настоя, воды. Лес вокруг поляны что-то грустно шепчет своими высокими вершинами. Голос ели немного хриловат, это от поскрипывания друг о друга тугих терпких хвоинок. Осина с тревожной грустиной шумит, шумит... всё жалуется на свою невостребованную красу. Берёзка веселее переговаривается, щебечет, вдруг смехом разбежится, тронутая порывом ветра. Дубы по увалу натужно шелестят своей сердитой бородатой лепной листвой. И запахи! Густые, вязущие, щекочут ноздри...

...Сёмка, не выдержав бесцельного лежания, спустился, прошёл к дальним кустам. Набрал букетик цветов. Бабушка, мать учили его разбираться в травках, отмахивался: «Зачем мне?... Не ботаник...» Дурак, о чём теперь горевать. Всё помнится теперь: вот цветок, былинка сухая, под ветерком вроде даже звон слышится. Так и называется — звонец. Цветок нежненький, зеленовато-жёлтого оттенка. Сёмка нагнул, руку протянул, подумал, рвать не стал. Говорят, жёлтый цвет — это цвет измены, разлуки. Высмотрел ярко-малиновые бутоны мытника болотного, прибавил белых мутовок подмаренника. Прошёл вдоль леса, поднялся повыше, нарвал цветков грачёвки: цветки лиловой густой краски, венчиками вверх. Покрутил букет туда-сюда, пооткусывал длинные стебли, сплёвывая горькую слюну. Осмотрелся. Опять спустился к болотине. Густо пересыпал букет незабудкой. Голубенькие цветочки завеселили взгляд. Ну вот! Пряча собранные цветы за спиной, подошёл к поднимавшимся из травы, потягивающимся родственникам.

Голенастые сумеречные тени полезли на поляну. Из болотистой чащобы волнами накатывала сырость. Семён молча кидал навильник за навильником. «К танцам бы успеть...» Когда начали обирать одонок, мать махнула ему:

— Забирай велосипед и отправляйся. Только иди по тому следу, как сюда добирались.

Сумничал. Присмотрел тропку, которая уходила по взгорку в нужную сторону, ныряя в стену леса. «Вот по ней и пойду!» Час, а то и больше плутал Кузовков по лесу. С тоской посматривал на солнечный ответ в высоких макушках. Ноги налились свинцовой тяжестью, велосипед мешал шагу, цепляясь педалями за каждый куст, кочку. Руль из рук выворачивается. Бросить бы его, но уж очень нужная вещь в хозяйстве. Наконец выбрался на дорогу, потащился по ней: пересохшая грязь, глина больно била босые пятки, — вся в глубоких колдобинах, изрытая тракторными тележками, не позволяла и метра

проехать. Иногда удавалось по обочине прокатиться под горку, рискуя упасть и покалечиться.

Совсем под закат солнца просёлок с пригорка вниз вильнул в сторону, в громаду подступивших к обочине елей. Плотно, даже на взгорок, лезла из дальней чащобы сырость стылым туманчиком бугрилась по полям. Семён зябко поёжился: распарился, блуждая по лесным тропкам, — из одежды на нём только узенькие плавки. Хотел остановиться, надеть брюки и рубашку, поленился. Дорога подравнялась, и велосипед споро катил вниз. Впереди услышал мык коров. Как раз им время... Сёмка немного притормозил и выкатился из-за поворота. Заняв весь просёлок, натужно сопя, брело коровье стадо. Раздутые бочонком бока бурёнок грузно тащились в пыльном облаке, в такт им колыхалось распёртое молоком вымя.

Семён заехал в присохшую лужу посреди дороги, остановился, опасливо поглядывая на рогатых зорек да машиек. Когда стадо почти прошло, он вылез из лужи, сел на велосипед, поднял глаза. В чуть поблёкшем от пыли розоватом отсвете скрывшегося за горизонтом солнца плыла над дорогой, как видение, девушка. Сёмка бесцеремонно, нахально уставился на неё, не веря, что шоколадного цвета фигура в красном купальнике принадлежит живому существу. Странно и необычно её появление среди слюнявых, сонных коровьих туш, на раздрызганной пыльной дороге, на фоне мрачного вечернего сумрака, зябко выступившего из тёмной зелени вплотную подступившего леса. И не идёт — плывёт, забросив руки на палку, которая лежит у неё на плечах, подчёркивая изящество соблазнительно стройной фигуры. Белокурые волосы. Короткая стрижка. Лицо задумчиво, отрешённо и расслаблено. Существо проплыло мимо остолбеневшего Сёмки, ни взглядом, ни жестом не обратив внимания на парня. Семён с минуту смотрел пустыми глазами на то место, где увидел девушку, потом оглянулся, уронив велосипед на обочину. Та, опершись рукой о палку, стояла, глядя в него удивлённо и растерянно. Задиристо тряхнула головой, повернулась и, опять забросив руки на палку, пошла вслед за коровами, чуть покачивая гибкой сильной спиной, невесомо исчезая в пыльной туманной мгле...

Сёмка стоял долго. Кровь мощными толчками прилила к лицу. Оно пылало, горело. Стоял, обмерев сердцем, застыв всеми членами. Очнувшись, поднял велосипед и как во сне побрёл домой. Где-то в глубине его тела затихало что-то незнакомое, но даже сейчас чуть болючее и чуть кусачее.

До дома добрался по тёмному. Следом за ним появились отчим и мать. Семён успел сполоснуться в бане, истопленной к их приходу бабусей, и отпаривал брюки, сумрачно и сурово. Мать заглянула в комнату:

— Что нос повесил, жених?

— Ничего не повесил, нормально всё.

— Девку видел свою?

— Видел.

— Никак поругались?

Сын досадливо тряхнул брюками.

— Вот прилипла, — добавил. — Я говорю, всё нормально. Иди, не мешай.

Марина, девчонка Кузовкова, встретила его у входа в клуб, капризно надув губки:

— Я целый день тебя прождала. Бессовестный ты, Сёмка. Обещал!..

— Извини, не виноват, поздно закончили. К танцам только и успел.

Танцую с Мариной, изредка посматривал на входную дверь. Чушь! Не придёт! Далеко очень. Да и что он ей скажет? Ему семнадцать лет, она на пять старше. В сельском клубе в давние времена видел девушку. Малолетками путались они тогда под ногами у взрослых, зыряка глазёнками на девчат, подрасти хотелось, и эту замечал: красивая, броская. Потом исчезла. У них всегда так: десять классов закончили — и бегут чада в города. Кто куда, кому как повезёт. Институт, техникум, ГПТУ — лишь бы в цивилизацию.

Время шло. Встреча не забылась. Тревожное чувство водило взглядом Семёна, где бы он ни бывал: в поездках в город, на вокзале, в магазинах. И когда увидел её на новогоднем вечере в Доме культуры, не удивился. Ошалело, оборвавшись, застучало сердце, кровь прилила к лицу. Он долго следил за белокурой головкой. Танцевала девушка с подружкой, с которой Семён был знаком: работала продавцом в совхозном магазине. Вроде парней нет? Одни пришли? Неловко перед Мариной, но ведь совсем соплюшка, по малости лет родители даже на вечер не пустили, с родственниками встречают праздник, родни у них... Ну а если откровенно, Сёмка сразу и забыл о ней.

До конца вечера оставалось с полчаса, когда решился пригласить белокурую дивчину. Та удивлённо вскинула на парня огромные голубые глаза на пол-лица. Сёмка онемел. Чуть прищурила их, глянула на подружку, та благосклонно кивнула: «Иди». Парень благодарил небо, что столько народа и такая толкотня. А то бы он застыл соляным столбом, не в силах двинуть ни ногой, ни рукой. Но то с одной стороны подвинут, то с другой — вроде танцуешь. Все заготовленные заранее слова вылетели из головы. Танец закончился, проводил девушку к подружке, в сторонке подождал следующего танца. Накрутил себя, подготовил, спросил, срываясь на фальцет:

— Мы случайно с тобой не знакомы?

Она с некоторым удивлением посмотрела на Семёна:

— Мы с вами? Нет, не знакомы.

Парень совсем смешался. Что это она говорит, при чём здесь «вы»?.. Кузовков поёжился. От деревня, от стыд! Старше, моложе — всех на «ты». Всё же не остановился:

— Ну, мы встречались, я тебя видел.

Девушка сожалеюще вздохнула:

— И где ж мы изволили встретиться?

— Ну... я на велосипеде ехал. А ты... а вы...

Сёмка смешался. Вдруг понял: этой «даме» то видение вроде как и не к лицу. «Может, ошибся?» — испуганно подумал он. Не вяжется городской облик, тонкий запах духов с далёким образом. Пыль, коровьи лепёшки громко шлёпаются о накатанную иссохшую глину.

— Ну, не ехал, а в луже стоял.

Семён обрадовался:

— Вы помните?

— Узнала...

Он почувствовал, как тело девушки легко прильнуло к нему:

— Как зовут, рыцарь из пыли?

— Сёмка! Семён. А вы?

— Люда! Не «выкать», — подняла на него глаза. — Полгода уж знакомы.

Следующий танец объявили «белый». Приглашали девушки. К Сёмке Люда не подошла. Последними словами ругал себя. Ну почему не осмелел раньше? Ну как теперь? Вечер закончился, в провожатые напроситься он так и не решился. Быстро одевшись, дождал девушек у входа. Пыхтя от досады и унижения, метров двести плёлся позади. Всё же догнал подруг.

— Можно провожу вас?

Валя радостно воскликнула:

— Да ради Бога! Сами хотели попросить. Только ведь испугаешься в такую даль тащиться.

— Не испугаюсь, — обрадовался Семён.

— Ой, какой весёлый провожатый, только молчаливый очень, — через некоторое время воскликнула Валя. — Если будешь молчать, домой отошлём.

— Я не молчу...

— Правда? Ой! А я уши сегодня не помыла. Если б не так страшно идти, мы бы тебя к мамке обязательно отправили.

Сёмка обиделся:

— При чём тут мамка? Я работаю!

— Правда? Уже не школьник?! И целоваться, наверное, умеешь?! — заливалась смехом Валя, толкнула парня плечом.

Семён поскользнулся и кувыркнулся в сугроб. Девушки помогли ему выбраться. Он толкнул Валю, Люда его, до самой их деревни, падая в снег, хохоча, распугивали звонкую морозную тишину криками и шутовской вознёй. У околицы Люда одёрнула подругу:

— Тише, перебудишь всех!

— Всё, всё, молчу! Ну, покедова, мне направо, вам налево...

Деревенька в пять домов в глухом, отдалённом месте. К огородам подступила тёмная стена леса. Тихо, ни звука. Ни пёс не гавкнет, не стукнет кто дверью...

— Сёма, как домой пойдёшь? Один?..

— Дойду, ничего, дорогу знаю...

Люда, покусывая губу, смотрела на него, потом вздохнув, улыбнулась:

— Зайдём, погреемся, — показала на небольшую покосившуюся избушку. — Бабушка жила, мне по наследству досталась. Рядом мамин дом. Ну, пойдём, а то совсем околеет.

Семён начал подрагивать, знобко ёжиться. Они поднялись на покосившееся крылечко. Люда возилась с замком. Сёмка осмотрелся: висел одинокий фонарь на покосившемся столбе у дальнего крепкого пятистенка; в его зыбком свете виделись заснеженная улица, черные бревенчатые постройки, заборы, кособоко торчавшие из наметов снега. Видна синеватая, темнеющая нитка тропки к колодезному, домиком, сруб, — всё это, и чёрное, и белое, искрится в синеватой зыбкой изморози ажурным миражом.

— Заходи!

Они вошли в дом. Пахло мышами, какой-то трухлявостью, плесенью, нежильём. Люда включила свет. Оказалось, в этом «нежилье» так всё приглядно. Чистенькая, с половичком, горница. Белёная, в полдома, русская осадистая, как квашня, печка. Люда сострадательно посмотрела на посиневшего, вздрагивающего от озноба Семёна.

— Садись, вот сюда садись!

Подвинула табурет. Скинула пальто, тревожно коснулась ладонями обтягивающего бордового платья. Вот тут парня по-настоящему затрясло, он даже заклацал зубами.

— Мальчик мой, ты что, заболел?

— Нет, нет.

— Иди вот сюда, сядь возле топки. Растоплю — в минуту согреешься. Хорошая у бабули печка, жаркая, топкая, — она поставила маленький стульчик. — Садись.

Сама присела на корточки, чиркнула спичкой. Открыла дверцу плиты, сложенная бумага и сухая лучина вспыхнули ярким быстрым пламенем. Чуть подождала, прихлопнула дверцу. Ровно, с подвывом, загудело пламя.

— Посиди!

Она убежала в комнату. Хлопнула дверца буфета, зазвенела посуда. Крикнула:

— Тут всё есть — и выпивка, и закуска. Новый год как-никак!

Осторожно пятясь, вошла на кухню, в руках держала табуретку. Повернулась, поставила на застланный белой салфеткой стол графинчик, две стопки, в тарелочке конфеты, печенье, апельсины.

— Есть, наверное, хочешь? Сейчас колбаски принесу.

Уже в дверях обернулась:

— Холодец будешь? Правда, чесночный очень... свинина.

— Нет, нет! — Семён замотал головой.

Люда выключила свет. Пламя в плите бушевало, потрескивали дрова. Так же, как и сейчас, неуловимые блики сквозь дырочки в дверце играли на их лицах. Испуганные тени чередой метались по комнате, пытаясь спрятаться в тёмных углах.

— Ну! Как хозяйка и с учётом возраста, командую я! — она наполнила стопочки. — Бери! Ой! Разольёшь! С Новым годом, Сёмочка!

Выпили. Люда глубоко вздохнула, посмотрела на Семёна долгим беспомощным взглядом. Вдруг схватила его лицо горячими руками, прильнула к его губам своими. Целовала иступлённо, как в омут бросалась. Да... парня никто так не целовал. У них с Мариной всё как положено, как учили, губы в губы... и кто первый задохнётся. А тут... и приятно, и страшно!

— Мальчик мой! Что я делаю?! Ведь знала, что придём сюда. Что обязательно встречу тебя. Полгода ждала этого мига... Отпуск взяла, летела как в горячке. Уговорила Вальшу. Тебя сразу увидела — сердце как в омут. Ругаю, ругаю себя... ничего не могу. Чуть с ума не сошла. Наваждение, колдовство...

Она уронила голову на грудь Семёна. Тепло её тела, а может, выпитое, а может, жар плиты согрели парня...

А всё же... Кузовков стеснённо посмотрел на девчонок, крикнул. Н-да... Эх-ха...

...Ах, какие у Люды руки, пальцы. Она перебирала его волосы, невольно касалась ими его шеи, груди.

— Что ж ты дрожишь, мальчик мой? Давай ещё по чуть-чуть выпьем. И кушай питерские деликатесы. Всё приготовила! Знала, что будешь вот так дрожать, знала, что будем сидеть в темноте у плиты. Знаю всё, что будет с нами... — помолчала, — на неделю вперёд...

— Ну а потом?

Подняла рюмку:

— Что дальше, как — знать никому не нужно...

Они много и бессвязно говорили, целовались, потом забрались на печку. Пахло горячей пылью, кирпичом, овчиной, палёными валенками...

Кузовков поводил носом... пахнет! Каждый предмет, явление имеют жизнь и все соответствующие атрибуты — запах, цвет, только различать уметь нужно.

Та ночь имела и цвет, и запах — свой, тревожный, больной. Рвала эта ночь в клочья сердце молодого парня, терзала душу стальными когтями неминуемой утраты. Теперь он знает: так бывает — предчувствие неотвратимой беды... разлуки.

Да, они любили друг друга... А как иначе?! Молодые, горячие. Но всё это происходило так, что не запомнил он вот такого долгожданного, вожделенного для здорового парня действия. Не запомнил, и всё!

Помнит запах тела Люды, запах волос, вкус губ, кожи у пульсирующей на шее жилки. Взгляд... тоскующий. Голос помнит...

— Сёма! Домой пора!

— Никуда не пора. Выходной. На работу завтра.

— Мама будет беспокоиться.

— Будет, конечно. Но ведь Новый год!

— Тогда поспим, Сёмочка, давай поспим хоть чуть-чуть.

Уснул Семён быстро и незаметно. Провалился в пахучую ласковую дрему. Кто-то сильно стукнул в дверь.

— Ой! Это Валя!

Проснулись испуганно, одновременно. Людмила скользнула из-под одеяла, смуглое тело мелькнуло в проёме двери. О чём-то там, за длинной, до самого пола, цветастой занавеской, зашептались, хихикая и фыркая. Семён чувствовал себя неуютно: лежит голый, шепчутся, смеются, может, над ним... Глупости... Хлопнула дверь. Люда, осторожно ступая по полу, прикрывшись халатиком, подошла к кровати:

— Мальчик мой, вставать пора! Приглашают в гости.

— Не хочется.

— Ну и хорошо! — она откинула простыню, юркнула к нему. — Полежим немного, понежимся. На стол соберут, и пойдём.

Почему же так? Да, много... много привалило несмыслёнышу, не понимал ни зги — не по мозгам, малолеток ведь, а сердечко-то как трепыхалось! Стук, стук — больно, тревожно. Эх! Любить надо по-мужски, по-жеребачьи, не оглядываясь и вперёд не забегая. Как говаривала тётка: «Дают — бери, есть время — возьми ещё, успеваешь — и ещё прибавь!» Впрок не налюбишься! Это да! Ну а сторожиться...

Поспели они к песням. Такая грустная идиллия, привычная, вечная. Четыре бабки и кавалер — Валин отец, дядя Максим, — голосисто, протяжно выводили: «Ой, мороз, мороз...» Хороша песня! К месту! Женщины в слезах, дядька рыдает горше, чем они. Увидели входящих Люду с Семёном, обрадовались. Больше всех дядя Максим.

— Ну, слава Богу! Нашего полку прибыло! Садись, Сёмка! Давай-ка по штрафной!

Тётя Нюра, его супруга, средних лет женщина, подвижная, голосистая, сердито прикрикнула на него:

— А тебе какая штрафная? А нуть... Ишь, обрадовался!

— А такая! Я с вами тут три часа маюсь.

Мать Люды, усталая, с непроходящей печалью в глубоких больших глазах, посмотрев на вошедших, подтолкнула их к столу:

— Садитесь! Голодные, поди. Ешьте, остыло всё.

Хоть деревня и отдалённая, но в округе, в общем, все знакомы, если не впрямую, то понаслышке. Сёмка не раз бывал тут от школы на копке картошки, у тёти Нюры даже столовались. Поначалу Семён чувствовал себя не очень уютно. Но дядька Максим, всё же отвоевав себе стопку самогонки, отеснил женщин от гостя. Подходящего

собеседника для него в этой комнате не предвиделось, и он навалился на столь удачно подвернувшегося парня.

— Ты это... Сёмка! Ты в армии служил? Не... вижу. Сопля, значит! Ты не обижайся. Я человек заслуженный. Японскую прошёл прям до края! В китов на Сахалине стрелял.

Тётя Нюра, вроде занятая разговорами с товарками, чутко реагировала на диалог мужа:

— Хватит, не жужжи, японец хренов!

Обратилась к Семёну:

— Не обращай внимания. Балаболка! В китов он стрелял... Садись к нам.

Дядя Максим сбылчился, пригладил пятернёй раскрасневшееся носатое лицо:

— Не мешай! Женщина! Молодёжь... наше светлое будущее. Я это... должен смену себе готовить.

— Ой, уморил! Смену готовить собрался. Всё! Кончился праздник! Навоз иди чистить.

Дядя Максим согласно кивнул:

— Идём, Семён!

— Оставь мальчика, баламут!

— Замолчи, старуха, — повысил голос дядька. — Ты не слухай её. Это она к японкам ревнует. Пощупал я их там... Эх! Скажу тебе! — глянул на тётю Нюру, та демонстративно повернулась к нему крепкой, налитой здоровой силой спиной. — Да... куры щипаные, намалёванные, наштукатуренные. В материале, аршинов на двадцать, замотаны. Ни юбки не задрать, ни под кофту залезть. Одна морока! И не захочешь... упадётся всё, пока разболокаешь!

Тётя Нюра сердито повернулась к ним:

— Постыдись, старый осёл! Что парню рассказываешь?

— А что! Что он с Людкой под одеялом, в считалки играет?

— Дурак! — напустились уже все женщины на дядю Максима. — Марш домой!

— Всё! Всё! Молчу. По рюмашке — и можно на печку. Не обращай внимания, Сёмка! Они, дуры, в своей деревне с малолетства. Жизни не видали. Людка у тебя, конечно, краля. Да...

Договорить он не успел. Жена схватила дядьку за шиворот и потащила его во двор. Тот, заплетаясь подшитыми валенками, возмущённо махал руками:

— Отпусти! Отчепись!

— Я тя дома отпущу! Уймись, паразит! Как выпьет — несёт что ни попадя! — сказала она, виновато глянув на Семёна.

Хлопнула дверь в сенцах. Заскрипел снег под окнами. В комнате наступила неловкая тишина.

— Ну, что притихли? Эх! Дядька Максим! Такую компанию развалил... — Люда встала, включила радиолу, поставила пластинку. — Мужчина у нас есть, будем танцевать.

Не забыть слов этой песни Кузовкову никогда: «Падает снег. Ты не придёшь сегодня вечером, падает снег...» А как выбросить из памяти глаза женщин, наполненных слезами и неизмеримой тоской?..

Накрепко обнявшись, не замечая никого и ничего, Семён и Люда танцевали. Женщины устало и обречённо сидели, изредка бросая короткие печальные взгляды на них, говорили о чём-то своём, вечном, неразрешимом. Неожиданно выключился свет, поднялась суматоха. Все как будто обрадовались, бросились на поиски лампы. Трёхлинейку водрузили посреди стола...

Незабываемый вечер! По молодости Сёмка особенно не вникал в происходящее, да многого и не понимал, хотя, конечно, чувствовал вокруг странную жалость, непонятное сочувствие. Старые, по всему, молодость свою вспоминают. Как он сейчас. Вон как девчонкам неуютно с ним, стариком. И они с Людой ёжились, досадовали, мечтая остаться вдвоём. Пока старушки... Какие старушки?! Ты ж сейчас им ровесник, ну, чуть-чуть моложе. А такими дремучими, надоедливymi они ему казались тогда...

...Пока женщины убрали со стола, мыли посуду, они с Людой, махнув Вале рукой на прощанье, шмыгнули за дверь.

Три ночи провёл Семён с Людмилой в старом доме. Трое суток пролетели как сон, прекрасный, неожиданный! Ещё и работать приходилось, и в первую смену. Люда поутру с трудом вытаскивала его за околицу. Три километра мчался в предвкушении вечера. В цехе, как заведённый, катал брёвна, доски таскал. Разговаривал, обедал. Всё это было, было и прошло. Потом он летел по заснеженной дороге, задыхаясь в нетерпении, отсчитывая повороты, не замечая красоты зимнего леса. Вдоль дороги шеренги сосен, шапками снега придавлены разлапистые кроны. Кустарник — как белые копёшки тут, там у чернелых стволов. Ивняк в белой изморози топорщится непролазной чащобой по низинам. Ещё взгорок, поворот — и одинокий огонёк у крайней избы. Его ждут! Сердце подступает к горлу. С минуту стоит Семён у покосившегося заплота, переводит дыхание. Что же происходило с тобой в то далёкое время? Не вспоминал. Ну а теперь-то ответить сможешь? Люда, Люда. Люда... Как слова нескончаемой песни звучало её имя в голове Семёна. Любовь? Наваждение? Злой рок? Или урок?

Они встречались на пороге старого дома, бросаясь в объятия друг другу до самого утра. Они любили мучительно и страстно. Безутешная обречённость чувствовалась в поцелуях и ласках Люды. А Сёмка? Да что он... здоровый парнюга, разве поймёшь, где настоящее чувство, а где... Сейчас-то можно сказать. Ну, дай Бог, если сумел в чём-то утешить молодую, может, и не испытавшую счастья, женщину. Хотя кто знает? Не ему судить. Любовь такая разная. Нежаркая бывает, долгая,

робким огоньком тлеет: уютно, тепло. Другая опалит в несколько дней жарким пламенем, одни головешки, скрюченные, чёрные, в холодном очаге застыли. И пойми: сам ты в своей плоти обуглился, или только душа пеплом засыпана.

В субботу, по морозному ветерку, под утро проводила Люда Семёна. С километр шла, прижавшись к нему, зябко поёживаясь. Задержала у огромной сосны, одиноко подступившей к дороге. Осторожно, мягко поцеловала:

— Ну, иди, мой мальчик, иди!

Семён спешил, на ходу крикнул:

— Сегодня танцы, не забудь! Как договорились, буду ждать!

Ветер донёс её голос. Он растерянno остановился. Одинокaя фигура растаяла в темноте далёкого леса. «Жди или не жди?..» Послышалось, конечно: «Жди!»... На танцы, в тревоге, Семён примчался за полчаса. Топтался. Мёрз у входа, вглядываясь в подходившую молодёжь. Прошла Марина. Кивнул ей издалека, поздоровался, досадливо передёрнул плечами. «Не до неё... потом объясню». Час простоял, на второй пошло. Двинулся потихоньку в том направлении, откуда можно было ждать появления Люды. Шёл и шёл, всматриваясь в темноту, вздрагивая от всякой нелепой тени. Так и до её дома добрёл. Деревенька уже спала.

Ни в доме матери, ни в доме Люды света он не увидел. Посмотрел следы у калитки: старые, припорошённые позёмкой. Обречённо топтался у крыльца. Не мог поверить, что всё! Он уже и планы кое-какие, по своему умишку, начал строить. Расписаться никто не запретит, он работает, жить есть где. Ну, если дело в армии, так ничего, два года можно и потерпеть. Почему ж так? Где Люда? Услышал осторожный скрип снега под лёгкими, несмелыми шагами. Рванулcя навстречу. — Сема, не мёрзни, зайдй, погрейся! — накинув шубейку, стояла тётя Вера, мама Люды.

Поплёлся за ней.

— Раздевайся, садись. Выпей рюмочку. Замёрз, поди?

Семён сидел, опустив голову. Глухое безразличие овладело им. Ну и пусть...

— Уехала Люда. Сын у неё... болен... Муж. Они любят её, да и как по-другому? Прости, Сёмочка,— уголком платка вытерла слёзы, всхлипнула.— Разве ж я счастья дочке, кровиночке, не хочу? На всё согласна. Если она... мы ж видим. Сёма! — подняла голову ему рукой.— Ты молодой, сильный, найдёшь свою судьбу...

А он от обиды слов не находил. Слёзы подступили к горлу.

— Бросила... уехала, даже не попрощалась...

Тётя Вера взяла его за руку:

— Она любит тебя. Она, сынок, любовь... говорят... эгоизм. Нет! Сынок! Как мне больно. Она самое дорогое, любовь, под ноги бросила и растоптала. Ради тебя. Молодого. Чтоб жил, чтоб всё у тебя по времени, по-людски получилось...

...«По-людски!» Он повернул голову к девчонкам. Почти тридцать лет обгорелой головешкой душа покоилась. Так вот опалила Люда его своей жалостливой любовью. Чтоб жил! Чтоб по-людски всё!.. Только-только зарделись угольки, пепел осыпался, тепло появилось спокойное, ровное...

...Тётя Вера наклонилась, заглянула ему в глаза:

— Решила, как отрубил: «Не имею права... жизнь ему коверкать!» — она наполнила рюмки. — Не казись. Знать, судьба у вас такая. С ней не поспоришь!

Семён выпил. Боялся расплакаться. Неловко попрощался, опрометью выскочил за дверь. Шёл, не разбирая дороги, захлёбываясь слезами. Неделью ходил как потерянный, похудел, осунулся. Потемнели подглазья. Калёным железом боль жгла всё его существо. Мать искося посматривала на сына, как бы невзначай бросила:

— Перемелется, мука останется!..

...Семён с трудом поднялся, подошёл к кровати. Галя, сжавшись комочком, сжатые в кулачки ладошки подложила под щеку. Брови то озабоченно хмурились, то расходились в светлой радости. И тут же она вздрагивала, вытягивалась, замирала в страхе. Кузовков, покачав головой, накинул на неё тёплый ватник, подоткнул его, стараясь не потревожить хрупкого сна девушки. Чуть придержал руку на её плече, и та притихла, личико порозовело, губы разошлись, брови выгнулись, веки затрепетали. Галя приподнялась. Семён придавил её к кровати. — Спи, свиристелка, не брошу...

Бесконечная нить бесконечных причин
Изжигает меня в хруст чадающих лучин.
Разоткав по углам и любовь, и порок,
И душевную боль, и мятущийся рок...

Но не встану к всенощной, лишь крестом осенью
Не себя, не тебя и не злую родню.
Осенью я пороки, осенью и любовь,
Хрустким пеплом чадающим не осыпаться вновь...

Таймыр, Старая Торопа, 2005–2020

Владимир Максимов

Ненаписанный рассказ

*Слову дано высокое право из случайности создавать
необычайность, необычайное делать случайным.*

Владимир Набоков

К концу третьего дня моей жизни на родительской даче, куда я приехал «поработать в тиши», я совсем измотался...

Для меня всегда самым трудным делом было начало... На сей же раз казалось, что заклинило вообще намертво. Я не мог сделать и полшага. Не мог написать ни одной фразы, которую стоило бы оставить на чистом листе бумаги...

Не то что рассказ — одну строчку родить мне казалось невыносимо тягостным.

Было такое ощущение, как будто я натягиваю на колки невидимые струны души. А они то дребезжат, не находя нужной тональности, то, кажется, вот-вот сорвутся, лопнут от излишнего напряжения.

Дни все ещё стояли чудесные, хотя макушка лета миновала. Июль был уже на исходе.

Я купался в маленьком, заросшем по берегам камышом, озёрке с островками кувшинок и холодной родниковой и тёмной между этими островками водой.

Купался иногда совсем один.

Лёжа на спине и чувствуя освежающий холод снизу и тепло сверху, я глядел на высокие тяжёлые горы бесконечных белых облаков, почти неподвижно громоздившихся над озером.

Иногда, придя на мостки, с которых нырял в воду, я встречал на них разомлевших от летнего зноя рыбаков — двух-трёх мальчишек, сидевших на длинных прогретых досках, свесив в воду босые ноги с завернутыми до колен штанами, и время от времени выдёргивающих из воды лениво трепыхавшихся на крючке неуклюжих жирных карасей. Казалось, даже рыба в глубине озёрка разомлела от июльского зноя...

Под вечер, перед ужином, я ел с кустов малину или белую смородину, радуясь прохладному ветерку, шелестящему листвой кустов, с которых я обирал ягоду.

Или, перебив журналом «Огонёк», свёрнутым в трубочку, назойливо жужжащих мух, читал допоздна...

Или, лёжа в темноте, слушал старинное громоздкое радио, мерцающее своим единственным зелёным глазом...

Но чем бы я ни занимался, я подспудно всё время думал: «С чего начать рассказ? О чём написать? И будет ли написанное хоть кому-то интересно?»

Я прокручивал, подобно киноплёнке, эпизоды своей прошедшей и будущей жизни, но не находил в них достойного сюжета. Всё «увиденное» казалось или слишком мелким и сереньким, или уж настолько фантастичным, что порой мне самому не верилось, что всё это было на самом деле...

Я знал, что в рассказе, настоящем рассказе, есть много чего. Есть музыка и цвет. Есть запахи и безмерность пространства... Есть реальность и вымысел. Есть обыденность, и есть потусторонность...

«Ничего,— говорил я сам себе,— надо только начать. Надо как-то написать лишь первую стоящую фразу. А там уж закрутится, само пойдёт. Попав в этот поток, останется только подтёсывать, подгонять к первой строке все остальные, как в византийской кладке, где глыбы шлифуются до тех пор, пока камни не „срастутся“ друг с другом безо всякого раствора. Важно только не взять первую фальшивую ноту. Начало—это основа. А всё остальное приложится. Ведь рассказ—это не что иное, как единственно верные слова в единственно верном порядке. Вот и всё! Надо только эти слова найти».

Но! В этом-то и была основная трудность.

Я никак не мог поймать тот импульс, который своим каким-то отдалённым гудом, тревожно-радостным замиранием в груди и даёт начало чему-то новому, никогда ещё никем не созданному. Поймав этот импульс, кажется, уже не пишешь, а летишь, едва успевая записывать диктуемые кем-то фразы...

Иногда этот импульс—это неясное гудение, подобное далёкой снежной лавине или горному обвалу,—возникал во мне ненадолго, когда я лежал на веранде дачи, в темноте, и слушал хорошую музыку, например, Альбиони, и смотрел на яркий, кажущийся почти прозрачным оранжево-жёлтый круг луны с чёрным иероглифом, начертанным на нём сухой веткой ранетки. Луна с этим «иероглифом» напоминала таинственный китайский фонарик со свечою внутри, подвешенный у самого уреза крыши на ветвях дерева, растущего за стеклом веранды, и качающийся со своим мерцающим светом (в самом деле слегка качалась только ветка) от порывов лёгонького ветерка.

А иногда это случалось, когда я слушал ночной дождь, с приятной монотонностью шуршащий по крыше и скатывающийся по стёклам веранды с их тёмным решётчатым переплётom.

Или когда вечерний ветер с реки вдруг напоминал прохладный и просторный ветер осени.

Но импульс этот был так призрачен, что поймать его, как ускользающую нужную волну в транзисторе, мне никак не удавалось.

«Ладно... Ничего... Начну с завтрашнего утра,— успокаивал я себя.— Надо только встать пораньше. И очень точно вспомнить всё. А потом это всё оживить...»

Можно, например, написать о том, как странно цокала пуля (будто хрусталь осыпался), ударившая вскользь в холку кабана. Образуя при этом маленькое летучее снежное облачко от разбитого льда, который намёрз у него панцирем от уха до конца лопаток.

Бывалые охотники утверждают, что кабаны специально трутся под осень боками о стволы и пни смолистых пород деревьев, превращая тем самым щетину, склеенную смолой, в сплошную корку. А потом, уже в начале зимы, мочат эту корку-загрибок в воде. Застывая, вода и образует как бы ещё дополнительный ледяной панцирь с гирляндой самых разнообразных по конфигурации ледышек, болтающихся по бокам.

Я стоял вверх по склону и целил в голову кабана, который невероятно быстро для его огромной и какой-то квадратной туши бежал в прогале между кустов прямо в моём направлении, разбрызгивая снег вокруг себя мелкой пудрой и оставляя в этом пушистом свежесвыпавшем снегу широкую борозду позади себя.

«Дзинь! Инь! Инь! И-и-инь!» — коротко раскатилось по склонам после моего второго выстрела. Но и на сей раз кабан не сбавил хода, а расстояние между нами стремительно, смертельно уменьшалось.

Он уже должен был скрыться в сухих кустах элеутерококка и лимонника, обрамляющих арену поляны, когда собаки в очередной раз предприняли отчаянную попытку остановить его.

Самая смелая, с печально-трагическими глазами, Найда, со вздыбленной на загривке шерстью резко рванулась к кабану и повисла на его боку. Несколько мгновений кабан тащил её, словно намертво прилипшую своей ощеренной мордой к его щетинистому боку, прочерчивая её будто бы одеревеневшим телом вторую извилистую борозду в рыхлом снегу. Только пушистый хвост Найды иногда напряжённо вздрагивал и поднимался.

Кабан, резко мотнув головой в сторону собаки, легко «отлепил» её от себя. (Она как-то нелепо-неуклюже перевернулась в воздухе, судорожно дрожа ногами и падая спиной в снег.) В её так и не разжатой пасти я успел заметить торчащий во все стороны пучок кабаньей щетины. Сам же кабан скрылся в кустах, за которыми и начиналась та самая круглая поляна, на противоположном краю которой, рядом с изуродованной грозой огромной лиственницей, стоял я.

Я успел увидеть, как ярко и внезапно окрасился красным белый-белый пышный снег и как куда-то в сторону от кабана поползла Найда, а за ней, паря на снегу и будто разматываясь, потянулись розоватые кишки. Я видел, как один кобель с ходу остановился, тормозя передними лапами, и, застыв рядом с Найдой, стал принюхиваться к чему-то на снегу. И как у него почти к самому животу поджался хвост.

Второй кобель скрылся в серых кустах вслед за кабаном.

И только после этого я услышал жалкий, жалобный скулѣж Найды. И сухой треск в кустарнике на противоположной стороне поляны.

Я ждал появления кабана, но всё равно он выскочил из кустов внезапно (окутанный снежным туманом снега, который он с них стряхнул), стремительно, как торпеда в надводном положении, устремив свой бег к лиственнице, за которой находился я.

По треску в кустах я предполагал, что кабан вылетит из кустов примерно напротив меня. И всё-таки он застал меня врасплох.

Уже были видны его злые тѣмные безразличные бусинки глаз...

«Нет,— подумал я.— Не то. Этот кабан, такой живой и настоящий в моих воспоминаниях, со всей его неукротимостью, получается, по-моему, совсем не живым у меня на бумаге. Подобный искусно сделанному муляжу из Зоологического института в Питере. Вроде бы и настоящий. Но в то же время ясно, что игрушечный.

Нет, всё было не так...

Две пули, это точно, срикошетили о ледяную корку (а может, прошли скользом), наросшую на лопатках кабана, расплескав ледяную крошку в маленькое, быстро стаявшее облачко.

Точно и то, что из кустов элеутерококка, окаймляющих „мою“ поляну, кабан появился прямо напротив меня...»

Нас разделяло уже метров тридцать. Кабан бежал легко, даже как-то игриво. Он не сбавлял хода, хотя и двигался вверх по склону. И сзади него, и с боков, так же как и на предыдущей поляне, словно за аэросанями, взвизгивалась маленькая снежная пурга.

Чуть сбоку от него молча, мощными скачками, двигался здоровенный беспородный пѣс, которого я тут же окрестил Камикадзе. Он бежал наперерез кабану. Направляющие их движений должны были пересечься примерно на середине поляны, метрах в пятидцати от меня.

Казалось, кабан столь же мало обращал внимания на кобеля, как на другие досадные мелочи, препятствующие его движению вперѣд.

«Если пѣс хоть немного развернѣт кабана, по его боку я не промахнусь. У меня в магазине карабина ещё три патрона. Осечек мой карабин никогда не давал... Третья пуля уже в стволе. К тому же я стою за деревом, и кабан не может меня видеть. Жаль, что не на что опереть ствол карабина. И лёжа не выстрелишь: снег слишком рыхлый...»

Весѣлая, вся в живой яркой зелени, сосенка с жердь толщиной оказалась на пути кабана, прижимаемого слева Камикадзе... Кабан, так же как и в эпизоде с Найдой, молниеносно мотнул головой по направлению к дереву. Промѣрзшая древесина сосны звякнула, как звякает топор, ударяющий в насквозь промѣрзшую лесину лиственницы,

и деревце, подпрыгнув слегка (как бы удивлённо и радостно в то же время), упало в снег, обнажив ровный срез на уровне левого, очень белого и длинного, трёхгранного клыка кабана.

«Только не спеши... Спокойно»,— уговаривал я сам себя, целясь в непомерно массивную голову кабана, стараясь подвести мушку в пространство между бусинами глаз...

Я уже видел злой холодный огонь в этих бусинах и клыки, оттопыривающие в какой-то злобной усмешке верхнюю губу кабаньей пасти...

Камикадзе возник возле самой морды кабана. Его свирепый оскал и глухой рык привели кабана как бы в недоумение, что немного замедлило его ход, а потом и остановило совсем.

Опустив свою тяжёлую голову и легко помахивая ею, вальяжно, как подвыпивший матрос на причале, переваливаясь из стороны в сторону, кабан пошёл на Камикадзе, развернувшись боком ко мне. Прицел карабина застыл чуть ниже левой лопатки кабана, а мой палец начал плавно давить на спуск...

В этот момент Камикадзе и кабан вновь развернулись и слились воедино, образовав невиданное двухвостное с разных концов тела животное. Пёс своей головой и частью тела почти закрыл от меня голову и лопатку кабана...

Пуля чавкнула, как камень, упавший в жидкую грязь, и я по звуку понял, что не промахнулся.

Камикадзе мгновенно, как будто у него сразу отказали все четыре ноги, рухнул, превратившись в какую-то рыжую кочку на белом снегу. И в эту кочку кабан, у которого откуда-то сбоку сочилась, парила и стекала на снег по передней ноге густая тёмная кровь, с остервенелым наслаждением стал всаживать свои клыки, терзая и переворачивая «кочку» так, что рыжая шерсть летела во все стороны. Слева направо. И справа налево. И опять слева направо... Кабан своими однотипными движениями напоминал заведённую машину. И, судя по силе и ярости, с которой он всаживал свои клыки в Камикадзе, завод этот должен был кончиться не скоро. Казалось, что кабан урчал от удовольствия, глубоко всаживая клык в тело кобеля и слыша хруст ломаемых рёбер.

Я тоже слышал этот характерный хруст...

И хотя у меня во рту, как и после второго выстрела, когда я понял, что и эта пуля не остановила кабана, по-прежнему было холодно, как от мятной конфеты или от медяка, который держишь во рту, а в животе образовался вакуум, я тщательно и хладнокровно прицелился, успев скинуть и с левой, тоже потной, руки суконную рукавицу — Камикадзе дал мне на это время,— и выстрелил в бок кабана. Под лопатку.

Я не почувствовал отдачи. И не слышал звука выстрела.

А мир как будто стал вдруг чёрно-белым немым кино. И в этом кино я увидел, как из пасти кабана с налипшей вокруг неё шерстью,

розовато пенясь, потекла густая кровь. И кабан, удивляясь чему-то, недоуменно замотал головой, зашатался и, ткнувшись мордой в снег, упал на передние, вдруг подкосившиеся, ноги, а через мгновение тяжело рухнул на бок рядом с развороченной и минуту назад ещё рыжей, а теперь красной, «кочкой».

Отчаяние — предвестник паники (тем более что надеяться мне было абсолютно не на кого), — которое я испытал после второго выстрела, когда стало казаться, что я стреляю не из карабина пулями, а из бамбуковой трубки горохом, стало медленно уходить из меня. Но я не чувствовал ещё облегчения, а только огромную тяжесть, давящую мне на плечи.

Я подобрал свои верхонки. Отряхнул с лесины, лежащей рядом со мной, кусок толстого «пухового одеяла», которым она была укрыта почти до невидимости, и сел на неё.

Я знал, что в магазине у меня остался последний патрон. Эта последняя пуля могла ещё пригодиться мне. Или для того, чтобы добить кабана, или для того, чтобы пристрелить Найдю.

Знал я и то, что третья пуля, убившая Камикадзе, который в последний миг загородил собой бок кабана, видимо, прошла навывлет, легко ранив последнего.

Четвёртая пуля (но об этом я узнал уже позже, когда разделявал тушу), пробив и ледяной, и щетинисто-смоляной панцирь, сломав лопатку, прошла через лёгкое и остановилась в сердце кабана...

Ко мне подбежал Трус — так я обозвал третьего пса, увязавшегося два дня назад вместе с Камикадзе, ещё в посёлке, за моей Найдой, а потом и за мной на охоту, — и лизнул меня в лицо своим горячим языком. Вид у него был беспечный и весёлый. Казалось, что ему от полноты чувств хотелось или запеть, или беззаботно рассмеяться.

«Да, — подумал я, — трусы, как правило, всегда остаются целы. И вроде бы в этом их преимущество. Но в этом и их изъян. Потому что от труса рождается только трус. И появляется трусливое племя».

«Нет, что-то не то! Кабан у меня на бумаге по-прежнему какой-то мёртвый... Но ему мёртвым теперь и надлежит быть! Как тому, настоящему, который лежал там, на нарядной от чистого свежего снега бело-искристой и круглой полянке на склоне горушки в верховьях реки Пиари.

Я помню, какие у него, даже у мёртвого, были хоть и потухшие, но злые глаза. И как мне хотелось выстрелить в его огромную башку ещё раз, когда я подошёл и увидел, что он сделал с Камикадзе. Я с трудом сдержался. И не только потому, что мёртвого не сделаешь мертвее. (И последняя пуля, как я говорил, мне могла ещё пригодиться для Найды. О Найде я помнил всё время. Хоть она и лежала беззвучно, но по её вздымающемуся боку я видел, что она ещё жива. Что она ещё дышит.) И в этом-то основное отличие того, настоящего кабана

от моего написанного. Тот мёртвым стал. А мой мёртвым будто был всегда...»

Но жалости к тому настоящему кабану у меня тогда, даже к мёртвому, точно не было. Усталость какая-то была. А жалость появилась потом, значительно позже, когда мне пришлось пристрелить красивого и гордого зверя, которого волки загнали на скалистый прижим и он, оступившись, упал на лёд реки Ботчи, впадающей за много километров от этого места в Татарский пролив...

Волки, увидев меня, неожиданно вынырнувшего из-за поворота реки, бесшумно и плавно скрылись, будто растаяли в низких тучах, ползущих над высоким берегом.

Я подошёл к лосю и увидел, что три ноги у него переломаны, а одна передняя как-то неестественно, под прямым углом к телу, торчала в сторону. Как будто лося «собирал» неумелый конструктор, не совсем понимающий, для чего животному надобны конечности.

Лось смотрел на меня очень спокойно и даже как-то отстранённо, будто всё сейчас происходящее его совсем не касалось. Я снял широкие охотничьи лыжи. И воткнул их задниками в плотно слежавшийся на льду реки снег.

Дрожь волнами пробегала под кожей по телу лося. А его голова с большой тяжёлой короной рогов склонялась всё ниже...

С его мягких губ капала белая пена...

Я обошёл лося и увидел, что острая, розоватая от крови кость задней ноги, пропоров шкуру зверя, копьём вонзилась в его живот.

Сняв с плеча карабин, я почти в упор выстрелил под переднюю ногу лося, прекратив тем самым его страшные страдания и испытывая к нему в то же время острую жалость...

Уже вечерело. Поэтому мне некогда было даже снять с лося шкуру. (Назавтра с замёрзшей туши это будет сделать значительно труднее.) Топора, чтобы вырубить из туши кусок мяса, у меня с собой тоже не было. Сегодня я обходил круг малого путика, и ночёвка в лесу не предвиделась. А брать с собой лишний вес в тайге не принято...

Я надел лыжи, когда на небе уже проклюнулись первые бледные звёзды... И, казалось, где-то совсем рядом нудно завыл волк.

Назавтра я пришёл к прижиму с санями и топором, благо, что это было совсем недалеко от моего зимовья, и увидел, что волки до меня уже успели потрудиться над своей добычей ночью. Они выгрызли у лося живот и растерзали ногу, начиная от открытого перелома, чулком завернув на ней кожу до самого паха...

Я почти весь день провозился с тушей. Несколько раз возвращаясь за мясом и всякий раз напрягаясь от предчувствия встречи с волками, которые наверняка были где-то рядом... Но ни волков, ни их свежих следов у туши лося я в тот день так и не увидел. Зато

благодаря им я заготовил себе мяса на всю зиму... Да и волкам ещё осталось...

После это выстрела в изувеченного, беспомощного калеку-лося во мне и засела занозой жалость. А когда в душе твоей поселяется жалость к зверю, охота превращается в убийство.

Но тогда, возле кабана, жалости во мне не было. Потому что я точно помню, как пнул своим мягким ичигом со всей силы по его хрюкальнику. Облегчения от этого, правда, не почувствовал. Наоборот, стало даже как-то хуже. И ушибленная нога заныла, будто я со всего маху врезал в огромный валун.

Помню, как опасливо и шумно, втягивая носом воздух, Трус обнюхивал то мёртвого глыбоподобного кабана, то бесформенную кучу чего-то, состоящую из рыжего меха с застывшими красным ледком подтёками крови. И как, весело подскочив после этого к безжизненно лежащей Найде, стал прыгать возле её морды, время от времени хватая разгорячённой пастью снег, приглашая её поиграть с ним.

«Кыш! Пошёл!» — зло крикнул я ему и замахал руками, боясь, что он может ненароком порвать или запутать кишки Найды, лежащие на снегу.

Помню, как меня удивило, когда я подошёл в ней, что они такие длинные... Я стал осторожно собирать их и засовывать внутрь, видя, как розово белели концы рёбер, выглядывающие из прикрывающих их мышц по прямому, как луч, надрезу кабаньего клыка.

Разрез был длиной сантиметров десять.

Клык легко, судя по бритвенной ровности разреза, пропорол кожу, мышцы и располосовал несколько рёбер, не задев, к счастью, внутренностей.

Безучастно и только слабо поскуливая, Найда лежала на боку, пока я засовывал в этот разрез кишки, стряхивая с них налипший снег, и, слегка раздвигая его пальцами, внимательно просматривал, не повреждены ли они...

Какое-то время Найда ползла прочь от кабана, и кишки, вываливаясь на снег, зацепились петлёй за острый еловый сук, торчащий из снега. Наверное, боль или это незначительное препятствие и остановили её.

Если бы она продолжала ползти дальше, сучок наверняка распорол бы их. Тогда собаку пришлось бы пристрелить. Потому что и тех незначительных шансов выжить, которые оставила ей судьба, у неё бы не осталось точно.

Я помню, как она обессиленно и безучастно, с трудом выворачивая голову, смотрела на меня и на мои руки. И помню, как меня удивило ещё и то, что кишки такие холодные, и прилипший к ним снег я уже потом не стряхивал, засовывая их в Найдино нутро, как длинную связку сосисок в морозильную камеру холодильника.

И вспомнилось, как я, разделывая кабана, грел руки в его внутренностях...

«Стоп. Не то! Что-то сместилось в моей памяти...»

Я ведь разделывал кабана, хотя руки грел точно именно так, уже после того, как зашил Найде простой иглой с чёрной ниткой (замазав потом шов древесной смолой, которую соскрёб ножом с соседней ели) бок, стараясь плотнее стянуть разрез.

Она ещё заскулила немного сильнее тогда. И стала покусывать мою руку, которой я сжимал разрыв. И тут же лизала эту руку сухим горячим языком. И тогда я говорил ей: «Ну потерпи. Не дёргайся, Найдушка. Всё будет хорошо, инвалидушка ты моя». Во всё время операции Трус лежал рядом и с любопытством, как интересное кино, смотрел на всё происходящее, иногда туда-сюда, поворачивая голову.

Помню, я ещё подумал: «Какие у меня грязные руки. И под ногтями траурный узор. Не занести бы инфекцию». И тут же: «В тайге грязи не бывает». Потом, когда бок у Найды зарос, под шкурой, когда я гладил её, ощущались только бугорки четырёх или пяти сросшихся рёбер.

А тогда там, на поляне, я туго обмотал тело Найды своими запасными байковыми портянками, закрепив их на ней запасной бечёвкой, которую отвязал от поняги.

Разделка кабана не заняла много времени. Нож у меня был очень острый, и я быстро освежевал кабана, прикрыв снятой шкурой его тушу. Внутренности для ворон разбросал подальше от того места, где разделывал кабана.

Помню, что я тогда сильно устал...

Да и короткий зимний день уже был на исходе...

Я связал боками кожаные полукруглые крепления своих широких, подбитых камусом охотничьих лыж, вдел в дырочки, которые проковырял ножом на их загнутых вверх концах, бечёвку, завязав концы её с внутренней стороны узлами, чтобы их можно было везти, как сани. Положил на это сооружение Найду и тронулся в путь в уже обступающих меня сумерках.

Иногда Найда слабо поскуливала при толчках, а порой казалась совсем безжизненной (благо, что большую часть пути до зимовья я вёз её по пробитой в снегу и хорошо утоптанной тропе). А рядом, весело помахивая хвостом и хватая пастью свежий снег, густо повалившийся из бархатной темноты неба, бежал Трус.

«Хорошо, что снег пошёл,— подумал я, нащупывая ногами тропу, на которую мы наконец вышли.— Присыплет тушу... Хотя вряд ли вороны смогут проклевывать такую толстую кабанью шкуру, тем более там, где она вся в смоле. Со стороны мездры, пожалуй, проклевали бы...»

Когда я с трудом укрывал тяжёлой кабаньей шкурой его тушу, гирлянды ледышек на его боках как-то новогодне позвякивали, вызвав

воспоминания о большом просторном зале с чистыми, светлыми почти до прозрачности паркетными полами и запахом мастики, с белыми колоннами по бокам зала и с огромной бронзово-хрустальной люстрой посредине высокого белого потолка, до которого почти доставала макушка красивой, стройной, пушистой ели...

«Это воспоминание из детства...»

Вообще, воспоминания — странная вещь. Я вижу сейчас, причём одновременно, и ярко освещённый в зимних фиолетовых сумерках Дворец культуры нефтехимиков с каким-то весёлым, с разноцветными буквами на нём, транспарантом, подвешенным на колоннах высоко вверху, почти у самого фронтона.

Ветерок со снегом, падающим наискось и размывающим до неясности, до нечёткости всё ясное и чёткое, как бы играет с транспарантом, то надувая его, как парус, то хлопая им, как новогодней хлопушкой. И странное дело: в ветре ощущается что-то весеннее — теплота, запах талого снега, но в то же время ветер такой бодряще-холодный.

На транспаранте весёлые пляшущие буквы выстраиваются в счастливые слова: «С Новым 1958 годом!»

Колонны, на которых висит этот транспарант, как-то таинственно, невидимыми лампами, подсвечены снизу. И такие они изумительно белые!

А я, маленький, иду почему-то один через пустую огромную площадь перед Дворцом (сейчас эта площадь мне кажется такой домашне-маленькой), в этой беспечной снежной кутерьме над освещённым пространством квадратной площади, которая не тонет в окружающей её темноте из-за расположенных по её периметру фонарей, светящих мягким жёлтым светом.

Кажется, фонари покачивают «головами» в такт музыке, транслируемой из ДК, усиленной громкоговорителями, подвешенными на белых колоннах. И не только фонари, но и снежинки кружатся в ритме вальса. И, обессилев от кружения, садятся «стаями» на огромную, как лопата, ладонь вождя мирового пролетариата, устремлённую вперёд, в темноту, туда, где свет уже не властен.

Виду я и снежную ровную поляну, на которой, почти в центре её, я разделяваю тушу кабана.

И в том, и в другом месте я почти реально существую. Только в моих предновогодних воспоминаниях мне лет восемь. А там, в середине тайги, лет на двадцать больше. И я один на белой, почти круглой поляне под низким, бледным, выстуженным небом с редкими перьями взлохмаченных облаков. И ощущение такое, что стоишь в высоком пустом храме, в котором уже никого не осталось, и слушаешь неслышимую тишину.

В то же время я нахожусь сейчас ещё здесь, на даче, на склоне жаркого дня в середине лета. И где-то вдалеке ревёт бульдозер, вызывая ностальгию по первозданной тишине тайги с её замороженными под

вечер звуками и ещё по чему-то уже навсегда утраченному в этой быстротечной жизни.

Может быть, в том и есть мой изъян, что я не могу перенестись полностью в одно какое-нибудь место. Не могу перевоплотиться хотя бы на время в кабана, приняв на себя его боль и отчаяние от невозможности сопротивляться невидимому сильному врагу. А может быть, этого всего и не надо... Ведь единственно реальными являются только те существа, которых на самом деле никогда не было. Реален Дон Кихот, реален Гамлет, князь Андрей. Они двигаются, разговаривают, живут своей особой жизнью. Даже умирают реально... Они реальней их создателей — Сервантеса, Шекспира, Толстого...

Помню, как я устал тогда, до полного безразличия ко всему, везти на лыжах со связанными по бокам креплениями к зимовьюхе Найду. Временами от предельной усталости мне просто хотелось рухнуть на снег (тем более что мышцы почти уже перестали слушаться меня) и уснуть, и те километра полтора, которые мне оставались ещё до зимовья, казались мне препятствием уже почти неодолимым.

Помню, я так и сделал. Лёг спиной на высокий нетронутый бордюр снега, обрамляющий тропу каймой с двух сторон, высотой чуть ли не до бедра. Мне необходимо было хоть немного отдохнуть. Да и снег, на котором я лежал, и тот, который падал сверху, был такой мягкий, нежный и тёплый...

«Но откуда там взялась муха?

Мухи не было!..

Но ведь я ясно слышу её жужжание!..»

Я проснулся. На стекле веранды, на которой я спал, ползая по нему, надсадно и назойливо жужжала муха.

Было ещё рано, но уже светло.

Утренние лучи солнца успели прогреть веранду, и их ласковое тепло, наверное, и разбудило муху.

В этот же день я собрался и уехал в город, поняв, что рассказ мне на сей раз не написать. Тем более что в городе меня ждали, как всегда, впрочем, какие-то неотложные дела (хотя, пожалуй, единственным бесспорно неотложным делом является только собственная смерть). И в них ненадолго можно было найти спасение от изматывающих, неотвязных мыслей, прокручивающих мою былую жизнь в поисках Начала.

Николай Тимченко

Нескладный Михей

Таёжные были

Улов

Каждый из нас чем-то отличается от других. Этой своей непохожестью мы и запоминаемся друг другу.

Был у нас Михей Ильич — очень необычен он. Я школу заканчивал, когда Михей на пенсию пошёл. Но и те, кому он был знаком молодым, знали Ильича таким же. «Не от мира сего», — говорят про таких людей. Нет, не думайте, что у него с умом нехватка вышла. Ещё как умён наш Михей! Просто какой-то нескладный. И случались с ним истории, которые других стороной обходили.

Мальчонкой я был, когда Михея Ильича еле живого из весенней Ковы вытащили. Тогда целлюлозно-бумажного комбината в Усть-Илимске ещё не было, а в Ангаре и в Кове стерлядь водилась. Вы теперь только понаслышке знаете о стерлядке и самоловах — браконьерских снастях. Спозаранку поплыл наш Михей самоловы проверять. Не всякий раз выезды удачными были, а тогда подфартило поковинцу, попалась на самолов крупная рыба. Сбросил он груз, а тот, волочась по дну, сплав замедлил, чтобы лодку не пронесло мимо добычи. На радостях или в спешке, но случилось то, что случилось.

Ильич самолов выбирал. Вот она, совсем рядом, стерлядка. Крупная попалась, сильная. И выпрыгивала из воды, показывая неуёмность характера, и в глубину под лодку тетиву самолова уводила, и рывками пыталась избавиться от ненавистных ей самоловных крючков. Но к самой лодке подвёл добычу Михей — не по силам стерлядке бывалому самоловщику противостоять. Радуетса рыбак, что такой крупный деликатес в руки идёт. Размышляет между делом, как ему в лодку улов перевалить. Опёрся коленом о борт, поднатужился, а стерлядь в тот момент так рванула, что незадачливый рыболов, потеряв равновесие, рядом с добычей очутился. И не просто выпал из лодки. Четыре крючка в тело вонзились, а сколько за одежду зацепились — не считал, не до того было.

Интересная компания получилась. Хотя и притормаживают траки, но сносит течением лодку. Михей от борта не отпускается, чтобы самолов на дно не утянул. А уды¹ впились в тело нешуточно. Рыбак

1. Уды — самоловные крючки.

с лодкой и самоловный трак за собой тянут. И хотел бы, да не отцепиться. Пока пытался одну уду отцепить, ещё две впились в тело. Боль ещё нестерпимее, когда стерлядка бьётся — тоже от самоловных крючков избавиться пытается.

Вынесло лодку из ямы, совсем медленно пошла она, вот-вот останавливается. И остановилась. Превозмогая боль, подтянулся наш Михей вдоль борта на несколько сантиметров, перехватился ближе к носу лодки и одной рукой за тетиву самолова ухватился. Это чтобы рывки стерлядки смягчить. Впившиеся в тело уды стали менее болезненны. Онемевшими руками с большим трудом держится на течении. Благо, что стерлядь рядом успокоилась: силы копит для новых рывков.

Сквозь низко нависшие тучи забрезжил рассвет, близится необычное для Михея утро.

«Каким будет нынешний день? А не всё ли равно сейчас? Главное, как живым выйти из этой переделки», — размышляет узник собственного самолова.

«А тишина-то какая! Птицы ещё не проснулись — они защебечут, закрывают и зачирикают, когда подойдёт пора восхода солнца. И добрые люди спят в этот ранний час. Однако нет, бабы уже встали, коров чилькают². Будто в такт молочным струйкам, ударяющимся о стенки ведра, бьётся о борта и нос лодки речная зыбь плёса», — подмечает Ильич.

«Наверное, около часа уже трепыхаюсь», — как в тумане, мыслит потерявший счёт времени рыбак.

Словно улетающий на юг журавлиный клин, медленно и так же удалённо в сознании проплыли картинки из далёкого и яркого, но безвозвратно минувшего детства. Вспомнилось, как мама, доярка, оставляла детвору под присмотром старших сестрёнок. Потом отчётливо, будто это было вчера, увидел карусель на льду. Тогда парни в лёд на Кове вмораживали ось от телеги, к колесу крепили жердь — получалась карусель. Санки привязывали к жерди. Совсем маленьких катали медленно. Тех мальчишек и девчонок, которые были постарше, раскручивали так, что санки относило далеко за жердь, они катились боком. При малейшем препятствии детский транспорт переворачивался, а ездока отбрасывало, и он на спине или на животе катился по льду подальше от карусели. Ни слёз, ни хныканья, только общий залиvistый смех. Даже ссадины не могли испортить настроение, порождённое зимней забавой.

Представились явью походы на молоканку. Там ручным, а позднее электрическим сепаратором перегоняли весь удой. Полстакана свежих сливок для ребёнка — не убыток для колхоза. А для малыша — приятные воспоминания на всю жизнь. Если молоко было просепарировано на момент прихода кого-то из малышей, женщины в ручных

2. Чилькать — доить (диал.).

маслобойках из сметаны сбивали масло. Тогда угощали свежей пахтой — вкусностью, остающейся от сметаны после получения главного продукта. В пахте плавали мелкие крупинки масла, отчего она была только вкуснее.

Память привела Михея и в бондарку, где строгий дядя Максим Викторов разрешал детям посмотреть, как делаются бочки для сбора «сосновых слёз» — живицы. Он клал на пол обруч, вставлял внутрь его строганные дощечки — клёпки, обхватывал верхние концы клёпок тонким тросом и аккуратно стягивал ручной лебёдкой. Если какая-то из клёпок при стягивании ломалась, то в этот момент наблюдатели сидели тише воды и ниже травы. Не любил дядя Максим детских советов «под руку», мог и выгнать всех вместе с советчиком. Иногда он делал кадки для воды, которые ставили обычно в бани, чтобы вода успевала прогреться. Скотину поить лучше не ледяной водой из проруби, а тёплой. И лагуны для браги — тоже его рук дело. Красивые, аккуратные, небольших размеров, они походили на деревянные игрушки. Находилось среди мужчин немало тех, кто «заигрывался» около тех «игрушек» для взрослых.

К счастью Михея, под берегом моторка проходила. Срывая голос, звать на помощь — дело бесполезное. Даже беседующие в одной лодке, чтобы друг друга услышать, стараются перекричать рёв мотора. Сидящим в моторке не видно полощущееся за лодкой тело, но Михеево судёнышко они признали. Поняли, случилось что-то неладное, рассуждают: — Не уснул же Михей, коль спозаранку на рыбалку отправился? Да и лодка заякорилась не на рыбном месте.

Когда моторка подплывала к казавшейся безлюдной лодке, стерлядь стала биться с такой силой, что часть уд вырвалась и из неё, и из рыболова. От боли Михей потерял сознание, но пальцы судорожно вцепились в борт и тетиву самолова. Безысходность и ужас последнего мгновения исчезающего сознания отразились во взгляде стерлядкого компаньона, нанизанного на самоловные крючки.

— Вот так улов! — не сдержали удивления подплывшие односельчане. — Как добычу делить будем? Кому стерлядку, кому Михея? — шутили рыбаки, когда еле живой незадачливый рыбак и добыча оказались в лодке.

— Половину стерлядки мне, а вы вторую половину делите, — распорядился пришедший в сознание Михей.

В БАНЕ ПО-ЧЁРНОМУ

Знали толк в изяществе, умели ценить красоту предки тех прокопьевцев, с которыми мне довелось жить в детстве. Около трёх столетий минули с той давней поры, когда появилось село. Сносились отслужившие старые дома, строились новые, более просторные и добротные в сравнении с первыми, срубленными на скорую руку. Время шло, а место таёжного селения осталось неизменным.

От речки до горы за селом природой сделаны два уступа. Неширокая равнинная полоска в половодье скрывалась от глаз людских. Когда большая вода уходила, Кова входила в своё русло, на низине оставались небольшие озёрца. Правильнее сказать — лужи, вода в которых прогревалась, а дно покрывала мягкая молодая трава. Вот раздолье-то было ребятам, готовой плескаться в тёплой водичке мелко-водья даже без обеда! Дальше от реки — высоченный угор³. На нём-то и расположилось Прокопьево — деревня почти на всём протяжении в одну улицу с домами к реке.

На готовку пищи, для бани и стирки воду носили из Ковы. Тяжело подниматься на угор с полными вёдрами под коромыслом, да только красота стоила того. Сараи, амбары, стайки, бани и прочие строения — всё на задах огородов было построено, в улицу своей неприглядности не выказывало, красоту не нарушало. За огородами, почти вплотную к ним, растянулась озерина⁴ — неширокая полоска воды, куда летом выпускали гусей и уток. Зимой на том водоёме лошади из проруби пили. Там же воду и для другой домашней скотины набирали.

Рыба в озерине не водилась — домашние пернатые миглом проглотили бы всякую живность, случись ей появиться из занесённых дикими птицами икринок. Да и откуда взяться икринкам? Даже во время перелёта не садились на ту воду ни утки, ни гуси и никакие другие дикие птицы. Наверное, в генетической памяти заложено у них пролетать мимо этого места, чтобы охотники не перестреляли. Местные водоплавающие часто ныряли и доставали что-то съедобное.

Никто там не купался. Почему? А вы представьте, что плывёт кто-то из вас, а рядом пристраивается гусь и клювом долбит плывущего по темечку — другие-то части тела под водой. Тюк да тюк, и так раз за разом. Это вам смешно, а рискнул бы кто-нибудь там оказаться? Гуси ревностно оберегали свой водоём от посягательств любого бескрылого существа. Даже тогда, когда они отдыхали на берегу, при приближении детворы гусаки вытягивали шеи и с шипением преследовали убегающих, не желающих быть пощипанными сильными клювами.

Но рассказ мой про баню по-чёрному. Теперь такую и не отыщете: сквозь камни топки-каменки дым выходил в баню, а из неё через открытую дверь на улицу. Встречались баньки и с трубой. Дым в них сначала сквозь камни топки в помещение идёт, потом, когда прогреется, весь вытягивается в трубу.

Приехал тогда студент Артём Брюханов на каникулы. Пора покоса подступала, а отец, Михей Ильич, средь бела дня дома.

— Здравствуй, батя? Чего это ты праздникуешь?

— И впрямь не время праздники отмечать в будний-то день. Хвороба меня прихватила, поясница распоясалась.

3. Угор — высокий крутой подъём на берегу реки (*диал.*).

4. Озерина — озерцо (*диал.*).

— Потерпи, батя. Вот отойду от болтанки в перелёте, истоплю баньку и попарю тебя от чистого сердца да от всей души.

Всё так и сделал. Баню Михей ещё не переделал, по-чёрному топи-лась, но с трубой. Пока протапливалась банька, успел Тёма свежий берёзовый веник наломать, а в придачу — крапивный. Благо, что за крапивой идти никуда не надо, в огороде вдоль забора выросла. Берёзовый веник распариваться положил, а крапивный — на полочку, чтобы от кипятка не размяк, как тряпка не стал.

Приковылял Михей в баню, дошло дело до пропаривания. Прошёл сын по отцову телу берёзовым веником туда-сюда-обратно и взялся за крапивный. Плеснул на каменку ковш кипятка, обдал паром крапивный веник и продолжил парить больного отца уже крапивой. Попытался Михей вывернуться из-под веника, но понял бесполезность этого занятия при больной-то пояснице. Прижал Тёма хворого к полку, парит да приговаривает:

— Терпи — это, батя, из тебя хвороба так выходит. Банька с вениками радикулит твой как рукой снимут. Будь мужиком. Или ты и фельд-шерицу Марию Васильевну упрашиваешь не ставить тебе уколы оттого, что болючие?

— Изверг, а не сын ты мне. Мúки-то какие! Сам, небось, не пробовал так лечиться. Терпежа нет, горит спина-то, — кряхтя от жгучей боли, ворчит отец.

— Ничего, обвыкнешься, зато здоровым будешь, — успокаивает сын, продолжая экзекуцию. — И по сидельнице твоей пройдемся, разгоним кровь.

Парит сын, утешает больного, а Михею Ильичу вспомнилось, как шестилетнего Тёму раза три-четыре брючным ремнём стеганул. Тогда, с дружками под стать самому, курил его челядён⁵. И не где-нибудь, а сидя на завалинке начальной школы. А перед тем курением завалинки открыли для просушки стен. Детвора о пожаре не подумала, а сухим-то опилкам, что в завалинках, немного надо для возгорания — искры от самокрутки вполне хватило бы. «Не в отместку ли за то сын так безжалостно хлещет теперь?» — подумалось отцу.

— Тёма, сынок, не издевайся над отцом, пожалей хворого. Христом Богом прошу пощадить, — взмолился больной.

Через оконце в баню проникает не много света, не замечает Тёма, какая спина у отца. Сын твёрдо стоит на своём, усердно врачует, удерживая батю на полке. Пока веник гулял по наболевшим местам, с трудом, но терпел Михей Ильич. Когда же крапива прошла по икрам ног, вырвался болезный. В чём был в огород выскочил, крутнулся там и, махнув на всё рукой, с воплями:

— Ошпарил, окаянный! Как есть ошпарил крапивою! — трусцой засеменял к озерине.

5. Челядён⁵ — ребёнок (диал.).

Гуси при виде бегущего с криками, переваливаясь, разбежались в разные стороны. Почти рядом с берегом, где вода чуть выше колен, с маху плюхнулся Михей в мутную жижу, сплошь покрытую гусиными и утиными перьями. Подбегающий Артём кричит, чтоб отец услышал, а сам хохот унять не может:

— Ох, уморил ты, батя, всю округу! Смотри, даже лес на всей горе чуть не попадал от смеха при виде стремительности твоего побега. Жалко, сабли при тебе не было. Это для полноты зрелищности отступления.

Отец из озерины вторит ему:

— По-чёрному ты меня в баньке отходил, ляд⁶ проклятуший. Неужели для этого я тебя растил, изверг ты мой, издеватель хладнокровный да жестокий?! И как у тебя рука поднялась? Ошпарил отца крапивой-то. Как кипятком обдал. Как я теперь жить, работать-то буду?

С этими словами вернулись к Ильичу ощущения. Чувствует купальщик, что не болит поясница. От контраста температур пара и воды в озерине, от крутого настоя птичьего помёта в месте «купания» или от крапивного веника, только прошёл Михеев радикулит. Надолго прошёл. А сплошной крапивный волдырь от шеи до икр за три дня исчез.

«Свой своему поневоле друг», — гласит пословица. Лишь сошёл след ожога, тогда же Михеевы обиды на сына и забылись.

БОЙ БЕЗ ПРАВИЛ

Пять собак взяли след и рванули в погоню. Михей, которому тогда перевалило за сорок, скомандовал юному сыну:

— Пошли, Тёма. Зверь может ходом пойти. Тогда собаки не смогут задержать его. Чем больше просудачим да проваландаемся, тем дольше будет погоня. Снег небольшой. Наста, какой весной бывает, нет — ходко идёт лесной бродяга.

Широкая размеренная поступь сохатого отчётливо видна на снегу в цепочке следов, оставленных собаками. Вскоре неожиданно услышали собачье повизгивание. Оказалось, что две молодые самки вернулись, отказались от преследования.

— С чего бы это, батя? — поинтересовался Артём.

— Значит, есть причина. Пойдём узнаем, что заставило их вернуться.

Собаки поплелись следом. Через сотню метров Тёма, идущий впереди отца, с недоумением сообщил:

— На след сохатого вышли чужие собаки. Откуда им тут взяться? Неужели кто-то решил поохотиться на наших угодьях?

— Решили и нас не спросили. Они здесь хозяева. Их-то и опасаются наши питомцы. На след сохатого вышли волки. Смотри, как на собаках шерсть вздыбилась. Порвут зверя наши конкуренты. Их пятеро. Собак по следу только трое пошло, надо поспевать, пока и собачек не загрызли, — поторопил Михей сына.

6. Ляд — нехороший человек, иногда — нечистая сила (диал.).

Спасовавшие ранее самки, видя, что хозяева пошли вперёд, полные решимости, тоже помчались по образовавшейся тропе. Оказавшись на взгорке, охотники услышали злобный лай дерущихся с волками собак. К ним добавился более звонкий — подоспевших на помощь самок. Михай не отставал от сына, легко скользящего по недавно приотптанному снегу.

— Держи ухо востро, а ружьё наготове. Подходим к месту побоища, — предупредил сына отец.

Вышли на небольшую поляну на берегу замёрзшего и припорошённого снегом таёжного ручья. Там волки напали на могучего сохатого. На не сброшенных ещё разлапистых рогах алела кровь. Стало понятно, что одного из нападавших лесной великан тяжело ранил рогами, а потом нещадно затоптал, превратив в месиво. Другого клыкастого постигла иная судьба...

Когда подбежали первые собаки, три волка оставили жертву, но не бросились врассыпную, а пошли в наступление на недружелюбных незваных гостей. Волк, оставшийся в живых после удара копытом, был им не помощник. Не пустились они наутёк и тогда, когда к собачьей стае примкнули ещё две обладательницы безжалостных пастей. Всё кружилось и кувыркалось, как в невообразимом аттракционе. В этой непрекращающейся круговерти стрелять прицельно не представлялось возможным.

Взбудораженный азартом погони, поражённый невиданным ранее зрелищем, Тёма всё-таки выстрелил. Один из волков осел, стал отползать от места схватки, огрызаясь и отбиваясь от неотступно следующего пса. Самый проворный, хоть и не самый рослый, пёс сподобился сцепить клыки на загривке другого дикого зверя. Они оба покатались по утопанному пятакчу. Одна из самок успевала вонзать зубы то в ноги, то в бока барахтающегося вечного врага всех собак. Клыки другой пары питомцев злобно вырывали клочья шерсти, расправляясь с третьим противником. Волк, «обласканный» копытом, пытался отползти от места схватки. Собакам было не до него.

Михай добил его первым, потом — Тёмино подранка, и в упор застрелил задыхающегося зверя, которому пёс успел перенести хватку с загривка на глотку.

— Не стреляй, с последним они сами расправятся. Пусть почувствуют свою победу. В другой раз смелее будут, — посоветовал отец.

Бока истекающего кровью сохатого вздымались, словно ему не хватало воздуха. Успели дикие преследователи добраться до гортани лесного великана. Голова его подвёрнута так, будто затуманенным взглядом он следил, как собаки расправляются с его губителями. Ах, лучше бы подростку никогда не видеть тех глаз. Мольба о помощи, немой укор и ещё что-то бросали пространству эти блёкнущие глаза. Тёма даже съёжился, его сковало, ноги, словно налитые свинцом,

отяжелели, не слушались. Как загнипнотизированный, смотрел паренёк на картину уходящей жизни.

— В таких боях без правил не всегда побеждает сильнейший — в них свои неписанные законы, — поведал сыну Михей прописную истину, поглаживая питомцев, изрядно потрёпанных в схватке с побеждёнными волками.

Эти слова доносились до Тёмы как-то приглушённо, лишённые оттенков речи. Казалось, что отец разговаривает не с ним, а с кем-то — из погреба или из глубины пещеры.

ДЕТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Встревоженная Марья Колпакова пришла к председателю сельсовета Каминскому ещё до открытия. Увидев её, полный неподдельного внимания Кирьян Николаевич спросил:

— В чём проблема, Марья? Не стряслось ли чего?

— То-то и оно, что стряслось. Насилу утра дождалась. Ночью не пошла будить вас. Достаточно, что Марию Васильевну из постели подняла. Изверг проклятушский в деревне объявился — Михей Ильич, забубённая его голова. Вчера вечером в Никишку мово из ружья шмальнул. Задержи его да первым самолётом в Кежму отправь. В каталажке его место. Угробить ведь мог мальчика.

— Погодь, Марья. И задержать, и сопроводить, и в тюрьму посадить завсегда успеется. Где это случилось? Вдруг случайным был выстрел?

— Сторожил молоканку да колхозный двор он. С ружьём сторожил. Дети недалече играли, а он в мово Никишку, как снайпер какой, дробью саданул.

— Чего-то я ничего в толк не возьму. Сторожил? Ружьё? Дробью саданул? Не суетись. Тут надо во всём основательно разбираться.

Аннушке, часто исполняющей роль посыльной-рассыльной, наказал:

— Давай-ка мне сюда председателя колхоза да этого «ворошиловского стрелка», Михея Ильича. Не забыла, небось, что Верхотурова Алексеем Семёновичем зовут?

Алексея Семёновича Аннушка разыскала первым. Он и пришёл раньше. Кирьян Николаевич попросил Марью идти домой, но согласился, что та подождёт на улице.

— Как же так случилось, что здоровый мужик у тебя молоканку сторожит? Там же вроде Шалапутины дед с бабкой трудодни зарабатывают? — поинтересовался Каминский.

— Они самые и работают. Только тётка Стюра приболела, а дед Данила уже не так крепок, чтобы на вторые сутки пойти. Он в выходной сутки отсторожил. Да и за больной женой дома уход нужен. А кто у нас безотказный, сам знаешь, — Михей Ильич. Вот и попросил я его подменить стариков. Он и сегодня, после сторожения, на покос уехал бы. Да оставил я его из-за ночной стрельбы. Без него зарод

смечут. Знаю, без разборок не обойдётся. Хотя он утверждает, что в пестуна⁷ стрелял. Я и сам не пойму, откуда в деревне пестуну взялся. Все собаки охотничьи, за версту бы медведя учуяли.

— Вот и от тебя ясности не добавилось. Послушаем ещё, что нам сам Ильич растолкует. А то и впрямь придётся в Кежму везти, в милицию сдавать. Лёгко на помине, Михей Ильич. Аннушка, побудь пока с Марьей. Рассказывай, откуда было взялся пестуну? Спросонья, что ли, шамальнул? — поинтересовался Каминский.

— Не было никакого сна. Да и время, хоть и темно, непозднее было. Эвон, молодяшки ещё шалили вовсю. После обхода сижу я в молотанке, лампу не зажигаю, задумался чего-то, вдруг треск слышу. Будто доски кто-то ломает. В оконце выглянул — никого не вижу. Вышел, а тут из-за угла рыканье медвежье. Не поверил, а оттуда и впрямь пестун появился. Меня увидел — да как рявкнет, будто и не пестун вовсе, а взрослый медведь. Кричать на него бесполезно. «Дай-ка я тебе шумну», — думаю. Вернулся по-быстрому, выскакиваю, а пестун ружьё увидел и от меня опять за угол хотел убежать. Убегает, я и решил «шумнуть» в него солью. Вот, председатель сам сказал мне, что патроны с солёной начинкой, когда просил посторожить.

— Да, Кирьян Николаевич, всегда так и было. Ума не приложу, откуда взялись дробовые заряды. Я же сразу на выстрел прибежал. И патронташ с ружьём забрал. А там, кроме солевых, ещё два дробовых заряда оказалось. У Михея, знаю точно, одно ружьё двенадцатого, другое — шестнадцатого калибра. А у сторожа — «пухолка», тридцать второй калибр. И все патроны в патронташе родные. Не думаю, что Михей из дома принёс да перезарядил.

— Не было ни нужды, ни желания нести патроны из дома, да ещё и перезаряжать их, — возмутился Михей Ильич. — Только перебили вы меня. Сразу-то я не сообразил, что как-то неуклюже шёл пестун, а потом убегал. Только слышу, из-за угла кричат мне: «Не стреляй, дядя Михей. Это не медведь!» Бросил я ружьишко у двери — и бегом туда. А оттуда девчонки убегают, будто воробьи слетают со скирды необмолоченных снопов. А следом за ними парни пестуна того волокут, как пьяного мужика из горящего дома. Ясно, что не медведя прут с такой лёгкостью, а в толк взять, что к чему, не могу. Не побежал я за молодяшками, сторожить остался. А вскоре и Верхотуров вот тут как тут появился. Про патронташ он уже сказал.

— Не хочешь ли сказать, что Никитка был под медвежьей шкурой, если дробовой заряд его нашёл? — поинтересовался Кирьян Николаевич.

— Выходит, что так оно и было. Хотя удивляюсь, что, при всей неуклюжести медвежьей походки, для человека в шкуре шёл и бежал он очень ловко и проворно.

Чуть поразмыслив, председатель сельсовета возмутился:

7. Пестун — годовалый медвежонок.

— Я кто тебе, мальчик, что ли? Что ты мне детский детектив рассказываешь? Иди и до прилёта самолёта сухари суши. Да не вздумай в лес в бега податься. Так, глядишь, разберутся, дадут год или два, а с побегом мало не покажется, — строго предупредил Михея Каминский.

Ушёл Михей, а Марья напирает:

— Зачем отпустили злодея? Хотите, чтобы он челядёнка совсем порешил жизни, если сразу не получилось?

— Остынь, Марья. Не всё тут так просто, как тебе кажется. Поразбираемся до прилёта самолёта. И не вздумай на рацию бежать, милицию будоражить. Надо будет, сам вызову. Я предупрежу, чтобы тебя к рации близко не подпускали. Не обижайся ни на меня, ни на радиста. Не тридцать девятый год, чтобы по навету человека в тюрьму садить. Разберусь, — пообещал представитель власти и страж законности в одном лице.

Понурая ушла Марья, только и она заподозрила, что не всё ей Никишка рассказал. Заневестившаяся Нюрка, которая в тот вечер была с парнями у молоканки, не утерпела и утром всё рассказала матери. Оказывается, студент Толька Бабашкин на летние каникулы приехал из Новосибирска с магнитофоном — штуковиной невиданной по тем временам в таёжной глухомани. Перед поездкой домой побывал в зоопарке, где записал сначала рыки медведя, а потом — рёв. Ему было интересно, как отреагируют на магнитофонного медведя деревенские собаки. Но ещё больше не терпелось парню похвастать дорогой вещицей перед «дремучими» земляками. Это он и сделал в первую очередь. Кому-то пришла в голову мысль: «А давайте бабу Стерву разыграем?»

Бабушка Стюра, полное имя Анастасия, и впрямь была не безобидным созданием. От неё и сплетни, и небылицы про односельчан шли постоянно. Придёт в магазин, посудачит с женщинами, а потом про кого-то из отсутствующих такое выдаст, что трудно не поверить. Молодёжи вечером парочкой на глаза бабке вовсе нельзя попадаться. Назавтра так нафантазирует, что хоть на улицу потом не выходи. Оттого-то и звали её взрослые — тётей Стервой, а молодёжь — в соответствии возрасту.

Для полноты картины пригодились турсуновское чучело пестуна, о котором за два года успели подзабыть. Тимофей Турсунов в ту зиму медведицу с пестуном из берлоги взял. Обезжирил шкуры, продубил — выделал так, что хоть дублёнку шей. Только тяжёлая бы получилась дублёнка, хоть и мягкая. Из шкур Тимофей тогда два чучела сделал, пополнил свою коллекцию. У него уже были пара волков, рысь, глухари, барсук. На «святое» дело розыгрыша зловердной бабки уговаривать Ваську, сына Тимофея, долго не пришлось.

Подростки, предупредив о секретности, предложили нескольким мальчишкам побывать в медвежьей шкуре. Ходить в ней так же споро, как девятилетнему Никитке, не удалось никому. Все дружно сошлись,

что быть в розыгрыше медвежонком именно Никите. Одно не знала молодёжь — что в бабкину смену на молоканке Михей окажется. Неудобно смотреть через глазные отверстия, но вовремя заметил парнишка одним глазом, что не бабка вышла, а дядька Михей, да ещё и с ружьём. Сообразил мальчуган в шкуре, что плохи его дела, развернулся и хотел спрятаться за угол. Тут-то и достал его дробовой заряд.

Историю про розыгрыш Кирияну Николаевичу рассказала Нюркина мать. Можно ли скрывать правду, когда мужику тюрьмой пахнет? Председателю сельсовета оставалось выяснить, как сильно пострадал мальчишка. Мария Васильевна рассказывала:

— Кто бы видел тогда Никитку. Слезами в голос ревел мой оперируемый. Сделала я ему местное обезболивание в обе «ягодки». Подействовали уколы, а всё одно ведь для мальчонки-то... не в чужом теле пинцет орудовал. Я тогда удивлялась, почему дробь у поверхности застряла. В птицу, хоть там и перья, дробь глубоко заходит. Теперь знаю: медвежья шкура спасла. Бóльшая часть не пробила маскарадный костюм, но в общей сложности девять дробинок я из любителя розыгрышей извлекла.

В дождливый день, когда на сенокосе делать нечего, собрал Каминский всех участников розыгрыша вместе с родителями в сельском клубе. Предупредил:

— Окажись тогда на работе бабушка Стюра, мог розыгрыш намного плачевнее закончиться. Ей и без того по сей день Мария Васильевна ходит уколы ширяет. А каково было бы с её-то больным сердцем, окажись она там? Групповая была бы обеспечена всем участникам розыгрыша. И вины Михея Ильича в случившемся нет. Не мог он знать, что дед Данила несколько патронов перезарядил, чтобы соболька добыть да отдать для турсуновской коллекции. Выходного-то отдавать было бы жаль — шкурка денег стоит. А от летнего зверька только и толк, что на чучело. Соболю под молоканкой крыс промышлять повадился. Вот такой детский детектив с недетскими последствиями получился. Жаль, что никто тогда о последствиях розыгрыша не додумался, не предостерёг зачинщиков. Радуйтесь, родители, что сыновья в армию, а не в тюрьму пойдут. Они-то — не Никитка — все до статьи доросли, — подытожил Кириян Николаевич.

ЗМЕЙКА

Нелёгкая была крестьянская доля той поры. Днём — работа в колхозе, а вечерами — на своём подворье выкладывались. Молодые выдерживали, а тех, кто постарше, выматывало не на шутку. Михей Ильич не был исключением. В тот день на пойменном берегу Чикилеи, левого притока Ковы, две колхозных скирды сена метали. Большие зароды, не то что для своих бурёнок теперь ставят, — центнеров под сто в каждом.

Скрутило тогда Ильича так, что дышать стало трудно. А надо навильники высоко на скирду набрасывать. Пожелтел-позеленел

бедолага. Бригадир распорядился без Михея справляться. Сам в тень под кусты больного отвёл и снова за работу принялся. Отвозить и переправлять через Кову в деревню некому — все работой заняты.

Прилёг болезный на правый бок. Так боль меньше беспокоила. Заснул, уставший, незаметно для себя. Михеева жена, Алёна, когда узнала про хворого мужа, грабли к кусту приставила и с соседней поляны бегом к суженому. Прибежала да как завопит, запричитает по-бабьи, только почему-то еле слышно. Всполошился народ. Думали, что Михей на тот свет отошёл. Сбежались. Видят, что жив работяга, только спит крепко. Приглушённый плач жены не стал сну помехой.

Алёна слова молвить не может, рот себе руками прикрывает. Не успели допытаться, а из приоткрытого рта спящего Михея змейка выползла. Вся в слизи жёлто-зелёной. Вылезла и принялась извиваться в траве. Кто-то за вилами побежал, чтобы убить гадину. Не успел. Змейка, в женский мизинец толщиной, прилюдно снова во рту скрылась. Спящий Михей только шевельнулся, словно поперхнулся чем-то. Минуты три не появлялась ползучая тварь. Возможно, прошло меньше, а время от ожидания тянулось. Снова появилась змейка в слизи, обтёрлась об траву и, извиваясь, в сторону ручья поползла. Кто-то в ней не гадюку, а ужа признал. Решили не убивать. Со змеи на Михея взгляд перевели, а он уже на спине лежит и улыбается во сне.

Разбудили, спрашивают:

— Что приснилось?

— Холодную воду пил. Четыре раза принимался, не мог напиться и от жжения внутри избавиться. Жадно пил, один раз даже поперхнулся, — рассказывал Михей, вставая.

Поведали ему, что не воду он пил, а уж в него дважды заползал.

— Горе-то какое! Теперь Алёна меня всю оставшуюся жизнь целовать не будет, — с улыбкой сокрушался Михей.

Чтобы рассеять мужнины сомнения, Алёна поцеловала его так, как только в молодости бывало да вдали от посторонних глаз.

— Ну чего собрались? Идёмте работать! — с тоном недовольства, но с улыбкой сказала счастливая жена и направилась к оставленным граблям.

Владимир Ярош

Крёстный отец

Солнца было слишком много. Умноженное отражением от сияющих сопок и белых высоток набережной, оно кипело в водоворотах вскрывшейся реки. До времени пробудившиеся бабочки растерянно порхали над голубыми, как стекло, торосами.

Но солнечное это буйство лишь раздражало прохожего в расстёгнутом длинном пальто, из-под которого мелькали белые кроссовки и расклешенные джинсы, обшарпанные снизу до бахромы. Он шурился до слёз и отводил от встречных воспалённые, отвыкшие от солнца глаза, будто что-то лежало на его совести. Ветер принёс с сопок запах тайги, который закружил ему голову.

На пешеходном мосту он поморщился от приступа головной боли, вызванного звонким детским смехом. «Почему они не в школе? Ах да, каникулы начались»,— и поспешно прогнал нахлынувшие было воспоминания.

Разминувшаяся с ним пара с коляской оглянулась вслед. Не то чтобы он им не понравился, но весь вид его, особенно чёрные круги под глазами, вызывал тревогу.

На середине моста человек принял к перилам, заворожённо глядя в бурлящий вокруг опор поток.

Ледоход прошёл в выходные. Когда весь город шумно приветствовал чудо природы, он лежал на кровати в тишине своей квартиры, нарушаемой безучастным тиканьем часов.

Банка у изголовья была полна окурков. В дверь долго стучали (звонок он вырвал с корнем), а потом в щель просунулась записка. «Приходи,— прочёл он,— я нажарила беляшей. С тебя шампусик».

Скомканная бумажка отскочила от банки и запрыгала по полу. Одни и те же мысли роились в его воспалённом мозгу по сотовому кругу. Ни никотин, ни водка не могли остановить дьявольскую карусель. В калейдоскоп рефлексий органично вплетались видения, порождённые больным воображением, самокопанием и ревностью. Он устал с ними бороться: бред, явь — какая разница? Всё условно и относительно. Иногда, в минуты просветления, отбросив эмоции, он пытался трезво проанализировать ситуацию, убедив себя, что все его маленькие трагедии не стоят таких терзаний. «Полюби себя»,— вникал он в учение великого гуру. Другой гуру внушал: «Не заикливайся на себе, растворяйся в окружающем мире». Все их

книги в итоге, трепыхаясь, летели в угол. Страшно хотелось спать, но уснуть не получалось.

Бутылки на ночь не хватило. Пришлось спуститься в ларёк. Летняя ночь на Севере — понятие условное.

— Знаешь, мне так плохо, пойдём ко мне, а? — позвал он заспанную, всё повидавшую продавщицу.

— А кому сейчас легко? — зевнула она в амбразуру. — Минет семьсот, секс полторы.

— Мне зажигалку.

— Полтос.

И снова растерзанная постель. Четыре утра. Погружение в долгожданный липкий дурман нарушил стук. «Достала!» — подумал он на соседку, с содроганием вспомнив её целлюлитные бёдра. Но звук был иной, скорее царапанье. На цыпочках подошёл к двери и заглянул через глазок в пустое вогнутое пространство. Никого. Только грохот дверей лифта в пустынном подъезде. Презируя себя за любопытство, поспешил к наглухо закупоренному окну и отодвинул край шторы. Зажмурился от света и чихнул. Во дворе уже началась — или ещё не окончилась — вчерашняя движуха, люди устали от одиночества длинной зимы. Из его подъезда вышла девочка. «Надо же. Адрес запомнила!»

Он забыл, где нашёл её. Помнил, как плёл ей спяну про синхрофазотроны и кривые пространства, а очнувшись ночью, увидел перед собой круглые, как у куклы, блестящие глаза. «Саша, — таинственно прошептала она, — а какого цвета атом?» Тронутый святой простотой, он опустился на пол и поцеловал ей колени. «Н-не надо, н-ну что ты. Иди лучше к-ко мне...» — по-детски заикаясь, тянула она его за руку. — Н-ну что ты. Иди лучше к-ко мне, — повторил он её интонации, а когда она обернулась, обводя взглядом окна, трусливо отпрянул и задёрнул штору.

И тут же почувствовал, как остро ему не хватает воздуха.

Вместо того чтобы раскрыть окно, бросился к телефону на полу и принялся торопливо скручивать провода, который сам же и вырвал на днях. Пальцы тряслись, диск заедал, а он сбивался, путая код города из которого сбежал. Сбежал от проблем, но все они притажились следом. Если раньше он хоть как-то мог с ними бороться, теперь от него ничего не зависело. Душило одиночество. Ну кому в чужом городе нужен депрессивный психопат?

Вот наконец-то гудки. Торопя их, сердце отдавалось в висках.

— Алло! — раздался грассирующий мужской голос. — Аллё-о, я слушаю!

— Сука... — прикусил он до крови губы с белым налётом.

От удара в стену телефон, как последняя связь с прошлым, разлетелся на куски. А сам он рухнул на койку и жадно затянулся сигаретой, до фильтра. Прикурил от бычка другую.

Остановились ходики. Стало тихо, как в гробу. И спокойно. Теперь он точно знал, что делать. Решительно поднялся, умылся, побрился. Всё как-то сразу встало на свои места. Зачёсывая за уши отросшие волосы, усмехнулся над своим отражением в зеркале и подмигнул ему на прощанье:

— Пора. Растворимся в окружающем мире.

Надел чистую белую рубашу, ветровку. Подумал и сменил её на пальто.

Смотреть на воду можно бесконечно, но у него было дело поважней. Он окончательно поверил в то, что вот *это* он точно сможет. Тем более вода уже манила. «Тварь я дрожащая или человек?» Без позы и прощаний он поставил ногу на чугунное литьё, нащупывая опору понадёжней, как вдруг различил пронзительные детские крики. Посетовав, что помешали, он повернулся в сторону ребятишек, игравших на торосах, и увидел, как от них медленно относит по воде жёлтый шарик. Девочку в нём держала на плаву вздувшаяся пузырём синтетическая курточка.

Вначале всё это выглядело довольно безобидно, тем более что один из рыбаков, бывалый на вид, решительно разделся до трусов и зашёл по колено в воду. Окунул ладони, помочил татуированную грудь и выскочил, подпрыгивая от обжигающего холода. Жёлтый шарик, подхваченный течением, между тем набирал скорость.

— Давай, «синий», давай! — торопил он в сердцах «спасателя».

Тот сделал ещё попытку, но, увидев, что ребёнка выносит на стремнину, забежал по берегу и стал звать на помощь.

Человек на мосту не заметил, как оказался на перилах в одной белой рубаше; взмахнул руками, толкнулся и, ласточкой описав дугу, почти без брызг вошёл в воду. Вынырнув, встряхнул волосы и, разглядев через плёнку воды на глазах размытый жёлтый шарик, бросился вдогонку. С хрипом, через два взмаха на третий, вдыхая воздух вместе с брызгами, он чувствовал, как расправляются его скукоженные прокуренные лёгкие и наливаются силой атрофированные мышцы.

Куртка выдохлась, и над водой торчала только розовая вязаная шапка со смешным помпоном. Испугавшись, что не успеет, он подключил ноги и плыл, взрезая грудью волну. Поймал её уже под водой. Когда приподнял, девочка беззвучно, как рыба, глотнула воздух, ещё, ещё раз и, выходя из паралича, вдруг начала кричать и биться в его руках. — Ну что ты, миленькая, теперь уже всё, маковка моя, теперь не надо плакать, я отнесу тебя к маме. Вон мама, видишь, на берегу? Поплыли к ней. Обними меня и не маши так ручками, всё же хорошо!

Ощущая её тельце, он почувствовал, как израненная душа его переполняется елеем нежности. Девочка, всхлипывая, прижалась к нему; она поверила, что дядя спасёт. Только теперь, в безопасности, она почувствовала холод и застучала зубками:

— Дяд-денька, быстреей плыви, сильно холодно...

А он грёб одной рукой что было сил, чтобы не застудить жизнь в этом маленьком человечке, и не услышал звука моторной лодки, которая перегнала их и, развернувшись против течения, приблизилась. Сразу несколько рук выхватили у него ребёнка и подняли на борт мокрый комочек.

— Тебя подвезти? — более чем буднично спросили его.

— Ребёнком займитесь, — таким же тоном ответил он.

Выпустил изо рта фонтанчик воды, ухмыльнулся и поплыл сажёнками.

Унесло его прилично: выбрался на набережную он в самом центре города. Перелез через парапет и пошёл босиком, в одних трусах и прозрачной от воды сорочке, по тротуару.

Был час пик. Автобусы один за другим выгружали из себя рабочих и конторских градообразующего предприятия.

— Смотри, морж, что ли? Или бухой? — услышал он за своей спиной и улыбнулся.

И солнце, перед тем как скрыться за кварталом высоток, подмигнуло ему. Апрельскую синь, как в детстве, стремительно прорезала белая стрела реактивного самолёта. Кошка вскарабкалась на дерево и, распушив хвост, зашипела на голого, который вдруг задрал вверх руки и засмеялся впрямь как городской сумасшедший, оттого что снова увидел мир вокруг, а не только внутри себя. Будто телевизор переключили с чёрно-серого регистра на цветной.

— Да нет, какой морж? Просто долбанутый.

Услышав это, он рассмеялся ещё громче, чувствуя, как тает в душе огромный кусок льда.

С полкилометра, чтобы согреться, он шёл вприпрыжку, размахивая руками, по набережной, самой красивой улице города. Люди, заведя его, крутили пальцем у виска, а он говорил им: «Здравствуйте!» Какая-то собачонка с тявканьем увязалась за ним и всё норовила хватить за пятки.

Одевшись на мосту, он вдруг почувствовал дикий голод и возле дома заглянул в родной ларёк. Продавщица сменилась.

— Любовью торгуете? — ещё не выйдя из эйфории, попробовал он пошутить и получил в ответ:

— Чё?! Озабоченный?

— А поесть?

— Чипсы, сникерсы, фисташки, — ответила она басом.

— Дайте-ка мне шампусик. Картой можно рассчитаться?

В лифте он нажал кнопку этажом выше своего.

А на следующий день, завершив затянувшийся отпуск без содержания, вышел на работу. В обед услышал в коридоре голос незнакомой женщины. «Заказчица? Поесть не дадут», — подумал он, второпях запивая холодный беляш кока-колой под музыку из компа. Вдруг

возле своей корзинки для бумаг он увидел маленькую девочку, уставившуюся на него синими глазищами.

— Мама! Вот он! — закричала она, показывая пальцем.

Решив, что поймали педофила, с выпученными глазами и канцелярскими ножницами в руках к нему уже неслись конторские тётки.

Но мама девочки подросла первой:

— Как мне вас отблагодарить? Вы спасли мою дочь!

Он подкинул девочку на руки:

— Как тебя зовут?

— Маша.

— Это она меня спасла. Правда, Маша? — потёрся он носом о её атласную щёчку:

— Да, — серьёзно ответила девочка и для убедительности кивнула головой.

Обед ещё не кончился, и он пошёл их проводить.

— Я давно собиралась окрестить Маню и чуть не опоздала. Больше не хочу откладывать. Можно, вы будете её крёстным?

— Это серьёзно. Вы меня совсем не знаете.

— Мне кажется, я вас очень хорошо знаю... Понимаю, это неожиданно, тем более что так, на ходу. Но вот такая блажь.

— А что делает крёстный?

— У вас он есть?

— Да вроде в детстве что-то слышал, про дядю Толю.

— Он много чего вам делает?

— Не помню что-то.

— Ну и вот. Если хотите, зайдите вечером, — она назвала адрес. — Всё обсудим.

Возвращаясь по коридору, услышал, что рабочий зал вибрирует от хохота.

— Петровна, а чё ты ему собралась ножницами-то резать?!

— А бахромку на штанах. Ходит тут, как этот, — задумалась Петровна и вдруг вспомнила слово из своей юности, — хиппарь. Точно, и космы вон отпустил. Инженер называется.

Дарья Верясова

Потому что он — всегда...

1.

Рыбы, камни, ил и надо всеми —
Ледяные блики Енисея.
Серая тяжёлая вода,
Сколько жизней ты текла сюда?

И когда я пятернёю всею
Волосы трепала Енисею,
Волосы из памяти и льда,

Пальцы плыли за водою следом,
Мир качался серебристым светом
И не прекращался никогда.

Потому что Енисей течёт на север.
Потому что он всегда течёт на север.
Потому что он — всегда.

2.

Седой бедой от неба до Саян
Мне голос твой из тишины сиял.
Такая затевалась заваруха,
Где жил потомок снега и славян
На древней смеси зрения и слуха.

Глотали рёбра пение стрелы,
Но шли в атаку русские тылы —
Всегда в песке и серые от глины.
И спали — от Таймыра до Тывы —
Ничейные, но братские могилы.

Я буду здесь, пока не отзвенел
Мне голос разнотравья и зверей:
Так жизнь свою об землю истрепали,
Кто с молоком монгольских матерей
Всосали дым над дикими степями.

3.

Был город. И теперь он есть, конечно.
Там черемшу и первую черешню
На улицах с коробок продают.

Черешню-то теперь нельзя, наверно,
Но черемшу привозят из деревни
И всё-таки с коробок продают.

Был город. Я была. Фонтаны били,
Как водится, конечно, голубые.
И музыка, и музыка была.

(Я всё же это сделаю) — «наивно».
С тем городом любили мы взаимно,
И это первая любовь была.

Мне город был по сердцу и по росту.
Всё было просто. Или очень просто.
Крапивы проще, проще лопуха.

Мне город был на откуп и на милость,
И жизнь ещё совсем не говорила,
Поскольку говорила чепуха.

Дождь бил насквозь, он никогда не сеял.
И темнота тянулась с Енисея.
И воробьи гоняли голубей.

Садилась звёзды на макушки сосен,
Там были лето, и зима, и осень,
А вот весну не помню, хоть убей.

А после было много, очень много,
Не жизнь, а бесконечная дорога.
Туда, сюда, куда ни занесёт.

Но город жил. Ему какое дело,
Я улетела или прилетела?
И мне не вспоминалось это всё.

Я как походный нож его таскала
С собою от вокзала до вокзала,
От тишины до грома и креста.

Как первая строка стихотворенья,
Он стал мне навсегда — благословенье.
Он навсегда мне стал.

4.

По Енисею сплавляют лес и теряют брёвна.
Брёвна потом мужики вылавливают, из местных.
Какие-то топляки достигают моря,
Дальнейшая их судьба неизвестна.

Топляки — это те, что прошли и топор, и воду,
Самое прочное дерево, из железа.
И когда они вырываются на свободу,
Знаешь, что строит море из нашего леса?..

Можно расти, всем берегом помня время:
То ледостав, то ледоход, а то сплавы.
Лето, похожее на смолу, смородину и тайменя.
Зиму, срастившую этот берег и правый.

Мальчика, что пропал за тем перевалом.
Женщину, что утопла за тем порогом.
Если весной земляники бывает мало,
Значит, потом грибов уродится много.

Зверь не почешет спину, метнётся тенью,
Линия гор — то прямою, то непрямою.
Корни из нашей земли не выдернешь, только тело
Падает, падает и уплывает к морю.

5.

Андрею Пермякову

Знаешь, что такое жаркий?
Ты не знаешь, что такое жаркий!
Сам ты цветок, а это — жар, спрыгнувший с Божьей руки.

Потому что такое сиянье в нём —
Обжигают деревья стволы.
И стоят поляны сплошным огнём,
Пока не прогорят до золы.

И горячим маем искрит трава, занимаются берега.
И до лета цветёт пожаром тайга,
Голубая горит тайга.

6.

Всё должно повториться, должно повториться сначала.
Как большая вода городá на ладонях качала.
Забывая о смерти, вставала земля на рассвете,
Чтобы спали, как дети, её бестолковые дети.

Накрывала туманом, во влажных ладонях сжимала.
Здесь большая вода никогда не становится малой.
Сила сильным, улов рыбаку, и покой для изгоя.
Всё опять повторится, из радости выйдет, из горя.

На рассвете не знают о смерти ни горы, ни город,
И большая вода набегает с волною под самое горло.
Браконьерские сети и чайка, крикливая птица.
Всё должно повториться на свете, должно повториться.

Николай Ерёмин

ВЕСЕННИЕ АМБИЦИИ

О вербные рулады соловья:
 — Хочу вина!
 Весна — любовь моя...
 О друг ручей,
 Хмельны твои струи!
 Святой водой пасхальной напои!
 Свобода...
 Хочешь — пой...
 А хочешь — пей...
 Ах, почему же
 Я —
 Не соловей?

ВСТРЕЧА С ДЕПУТАТОМ

— Поэт Бездетных пишет
 Поэмы для детей!
 Жена его Бездетных —
 Стихи для Божьих сирот,
 Живущих в детском доме...
 И так — по всей стране...
 Писатели! — им некогда
 Своих детей родить,
 Чтоб вместе — раз и навсегда —
 Россию возродить!
 Поэтому стихи писать
 Им нужно запретить! —
 Изъяв на десять лет
 Писательский билет... —
 Сказал и — очень рад —
 Госдумы депутат,
 В зал устремив глаза,
 Воскликнул:
 — Ну, кто — за?

МИРАЖ ИЗ ДЕТСТВА

В край детства песен форс-мажорных
Вернулся,
Чтоб остаться, я...
...Вокзал...
Приют умалишённых...
ДК... Ад-министрация...
И рядышком
С Дворцом культуры,
Где был райком КПСС, —
Большой приют прокуратуры,
Пять этажей —
На интерес...
А поглядеть
За огороды —
Места лишения свободы...
Где форс-мажорно,
Без забот,
Как прежде, радио орёт,
Зовёт
В далёкие края...
Откуда возвратился я,
Свободный,
Видно по всему...
Зачем? В чём дело? Не пойму...

ГОРОСКОП

Я по звёздам — Лев.
Гороскоп,
Ты прав! —
Смел, как Лев,
Взрослев,
Рос, всегда неправ,
Жизнью лжизнь поправ...

Но,
Смирив нрав,
Оказался прав!
Львы всегда правы!
А не львы —
Увы...

* * *

Как хочется свободным стать — в бездонном
Космическом пространстве
Меж людьми!
Но что — свобода там, увы, без дома,
Без Музы,
Ожидающей любви?

ДЕГРАДАЦИЯ

Если телевизор посмотреть —
Все воюют,
Лишь бы умереть...
В городах —
Увы, прискорбный факт, —
За терактом следует теракт...
И пиитка
Вслух читает стих
Про преступность актов половых...
И в деревне нашей —
Вот те на! —
Тоже вымиранья времена...
Над погостом —
Карканье ворон...
Да поминки после похорон...
Где любовь
Старухи —
Там ли, тут —
Громко «порнографией» зовут...
Пьёшь, а всё равно не разберёшь —
Где сегодня
Правда,
А где — ложь...

НА РУСИ

Тут Россия тебе,
А не Дания!
Что? Никто не зовёт на ужин?
Не ищи никому
Оправдания,
Никому ты здесь на фиг не нужен!
Сам кого-нибудь
Пригласи!
Это любят у нас на Руси...

* * *

Боже,
На просторах Интернета
Я открыл отличного поэта!
Умного,
Бездомного, увы,
Жаждущего славы и молвы...
...Автобио просмотрел —
Привет!
А его на Этом свете нет...
...Помоги ему на свете Том
Обрести признание
И дом!...

В ДЕРЕВНЕ

1.

Куры спят и петухи...
Я читаю до рассвета
Деревенские стихи
Неизвестного поэта...
Тишина... В душе — покой...
Зов кукушки за рекой...

2.

Солнышко над речкой,
Как всегда,
Прогревает золотой песок...
Курочка кудахчет:
— Куд-куда
От меня бежишь ты, петушок?
Воротись,
Побудь со мной, дружок!
Что тебя так манит за ре-ку?
А петух —
Вперёд-назад
Шажок
Сделает —
И вновь:
— Ку-ка-ре-ку!

* * *

Если зеркало не отражает
Ни лицо,
Ни дыхание твоё,
Значит, время и впрямь
Исчезает,
Превращается в небытие...
Где в ответ на зеркальный эффект —
Жизни нет
И бессмертия нет...

* * *

Никакой я не пророк!
Просто
Я стихи пишу...
Предсказанье —
Не порок,
Предскажу — не согрешу.
Пусть — прозрев,
Презрев грехи —
Снова сбудутся стихи,
Как бывало,
И не раз...
Вот, друзья, и весь рассказ.

Елена Крюкова

Иркутский рынок

Никто и никогда

ах ну вот ты красotka лицом да к лицу
рожа в рожу гляди луноликая Смерть
ты на рынке меня наряжала к венцу
ты сажала меня во медвежию клеть
ты вопила:

живая ну сгинь-пропади
копья музыки гиблой швыряла мне в грудь
я руками раздвинув снега и дожди
сквозь тебя пролагала пуржистый мой путь
ну таращся мордаху свою приближай
щёки в белой муке красный жир на губах
ты так рядом стояла
твой крик: помирай!
что ж не падаешь? — снегом застыл в волосах
ты хрипела: скорей ты иссохни змея
до надсада: давай отдавай же концы
я тебя изничтожу ты будешь моя
как все толпы народы купцы подлецы
а весь рынок глядит
а весь рынок визжит
наблюдает меня и её: кто кого
точат в рыбном ряду заревые ножи
а в платьёвом — трясут выхваляя шитво
ах ты Смертушка сколь я видала тебя
сколь увижу ещё где же ярость и страх
ты жалейка моя ты калека-судьба
я ребёнком держала тебя на руках
помирала я в родах
тонула в морях
и на рельсах валялась а поезд — в накат
о таком не засохнуть в крови-письменах
о таком и в последней молитве молчат
заслоняет лицо твоё ржавой луной —
круглы санки-ледянки — мои небеса
снега визг под ногой

под повозкой стальной
крик истошный: осталось всего полчаса!
наплевать! словно глаз приоткрыт красный рот
я гляжу в него зубы блестят как белки
ты шарахнешься Смерть
и пройду я вперёд
ощутив тебя на расстоянье руки
я пройду напролёт
сквозь тебя я пройду
я авоську лимонов и мёда куплю
обернусь засмеюсь на крутом холоду
я тебя ненавижу Смертяка люблю
я смертельно люблю твой незнамый приход
я зрчками ловлю голубиный твой лёт
рынок видишь: две бабы и зеркалом — лёд
рынок слышишь: никто никогда не умрёт

Град-Пряник

Ох, Град-Пряник, я дошла к тебе, дошла.
Перед телом белым расступилась мгла:
Паровозы загудели славу мне,
Даль еловая раскинулась в огне!
И сквозь лузганья вокзальных всех семян,
Через визги, через песню под баян,
Через все скрещенья православных рельс,
Через месяц мусульманский, через крест
То ли римский, то ль мальтийский, Боже, то ль —
Через всю тебя, слезы байкальской боль!.. —
Через гулы самолётов над башкой,
Через объятия, чернёные тоской,
Через пепел Родин, выжженных дотла, —
Ох, Град-Пряник, золотые купола,
Стены-радуги искристые твои!
Деревянные сараи — на любви,
Будто храмы на Крови! и пристаней
Вдоль по Ангаре — не сосчитать огней!
А зелёная ангарская вода
Глазом ведьминым сверкает изо льда.

А в казармах Красных не сочту солдат.
Окна льдистые очьми в ночи горят.
И на пряничных наличниках резных —
Куржака узоры в иглах золотых,
А на проводах сидящий воробей —
Лишь мороз взорвётся! — канет меж ветвей...
Ох, Град-Пряник, — а далече, между скал,
Меж мехов тайги — лежит Бурхан-Байкал,
Сабля синяя, монгольский белый нож:
Косу зимнюю отрежет — не уйдёшь...
Синий глаз глядит в отверженный зенит:
Марсом рыбка-голомянка в нём летит,
Омуль — месяцем плывёт или звездой —
В нежной радужке, под индиго-водой!..
Да нерпёнок — круглоглазый, ввысь усы —
Брюхо греет среди ледяной красы,
Ибо Солнце так торосы дико жжёт,
Что до дна Байкала льётся жёлтый мёд!..

Ох, Град-Пряник!.. Я дошла: тебе мой стон.
С Крестовоздвиженской церкви — зимний звон.
Лязг трамваев. Голубиный громкий гай.
Может, Град мой, ты и есть — Господень Рай?!
Я работницей в любой горячий цех
Твой — пойду! лишь из груди сорвётся смех,
Поварихою — под сводами казарм,
Повитухою — тут волю дам слезам...
А на пряничных резных твоих стенах
Нарисую краской масляной в сердцах
Горемычную простую жизнь свою:
Всех зверей в лесах, кого кормлю-пою,
Всех детей, которых я не родила,
Все дома мои, сожжённые дотла,
Все созвездья — коромыслом на плечах,
Как объятия в несбывшихся ночах,
Как мужских — на миг блеснувших — тяжких рук
За спиной во тьме всходящий лунный круг,
То зеркало Обратной Стороны,
Где смолою — до рожденья — стыли сны...

Ночь моя

Ах, рынок мой, звёзды крупные... Ночной, и брожу меж ларей я...
Меж ящиками и ступами... здесь лошадь стояла карая...
К телеге старой привязана, сама шаталась от старости...
Ах, рынок, алмазами-стразами пронзаешь мои усталости...
Вот время моё могучее, слепящее, красноезвёздное —
Лежит на прилавке тучею, дрожит — рыданье бесслёзное...
Лежит на прилавке омулем мертвяцким... о, рыба снулая...
Лежит вверх еловым комлем... увялая ночь, минувшая...
Дары земли прибайкальския!.. дары земли забайкальския...
Кругами — сливки слюдянские... гранаты вон чужедадьские...
Так вижу всё ясно, пламенно — сама уж почти гранитная...
Ах, рёбра мои твердокаменные... а кровь — хлобыщет, открытая...
В словах этих, ах, словечушках, им жизнь посвятила отважную —
Не подлую, о, не злобную, не хитрую, не продажную...
А там — в небеси — гудящая симфония самолётная...
А время летит, настоящее, бесценное и бесплотное...
А голову задираю я: прощай, дорога неблизкая!..
Бреду по ночному Раю я — возлюбленному, сибирскому...
Мы пели, и воевали мы. Клялися вождём и знаменем.
За сгибших — все доживали мы! За мёртвых — горели пламенем!
На грудь нам и звёзды вешали! Медали — наградой честною!
Герои, глядели весело — шальные и неизвестные...
Не мнили о знаменитости. Не ведали о бессмертии.
Не кланчили царской милости. Не слали яды в конверте.
Когда голодали — смеялись: жить будем завтра, как соколы,
Привольно, гордо и счастливо — под Красной Звездой высокою!..
И что?.. Ах, ответь мне, рынок мой, иркутское моё торжище:
Куда всё исчезло, схлынуло?.. куда убежало толпами?..
Все дети уж седовласые. Друзья все — в тумане, заберегом
Парят, босые, несчастные, все — ангелы в звёздной замети...
А я?.. Всё иду, ступаю всё по снегу жёсткому в катанках:
Следы любви и памяти!.. следы, на судьбе распятые...
Вот здесь покупала хайрюза... пирог на свадебку с рыбою...
А здесь черемша, что бирюза, навалена мёрзлой глыбою...
А здесь... а вот тут... Забвение! Забыть — благодать великая.
Чтоб кончилось слёз струение. А боль истаяла ликами —
Златыми, родными, ясными, в январский мрак уходящими,
И страшными, и прекрасными, живыми и настоящими,
В ночи меня обступающими подлунными хороводами,
Грехи все мои прощающими, а смерть повернувши родами,
И чтобы руки раскинула, и всех обняла во времени,
В ночи этой, ах, за могилою, за светом чуть выше темени...

ИСТИНА

Кто торгует Родиной. Кто торгует тьмой.
Полоумно мечется навсегда немой.

Я гляжу в молчании. Я стою одна,
Бедное дыхание, Лотова жена.

Крик был: не оглядывайся! Оглянулась я.
Рынок мой, позорище, новая семья.

Рынок мой, пожарище, лютая сума,
Господа-товарищи, братья задарма!

Так торгуют падалью, папертью на слом,
Руганью и памятью, хорами хором,

Похоронкой скомканной, стоном тишины,
В лоскуты раскромсанной горечью войны!

Так торгуют гадиной, жжёт подзубный яд,
Так торгуют краденым — всем глаза слепят!

А с несчастной истиной — снег глаза слепит —
Девочка, вся выстыла, на ветру стоит.

А почём же, деточка, чуть видна-слышна,
А почём же, милая, истина одна?

Смотрит в душу дитяtko бирюзами глаз.
Смотрит, как в последний или в первый раз.

Тихо льнёт улыбка бабочкой к губам.
Тихо шепчет: истина... я за так отдам...

Тихо поднимается нежных рук черпак.
Божию мне истину отдают за так.

Светлую мне истину дарят на века.
Льётся, льётся чистая синих глаз река.

И беру я истину, как котёнка, в горсть,
Вся в снегах неистовых, в дольном мире гость,

А вокруг мя торжище пляшет и поёт,
А вокруг мя толпами мечется народ!

И никто не видит старуху в платке,
С ней девчонку малую, нежный снег в руке,

Плачут-заливаются, крестят дружку друг,
Навек обнимаются, не разнимут рук.

ПЛАЩАНИЦА

Ах ты, сколько ж я жила! Так жила широко —
От стола до карнавала, от гульбы до срока!
По земельке колесила! Грудь колола хвоей!
Выла на родных могилах... там, где волки воют...
Я жила, как зверь, так жадно! Вкусно и захлёбно!
Обворачивала плечи я песцом сугробным!
Я сама в зверьё стреляла! Рыбоньку ловила!
А мне мало было, мало жизни дикой, милой!
Воевали звери-люди да со мной, плясцей!
Им несла себя на блюде — яростной жар-птицей!
Да не жареной цесаркой, а живой безумкой!
Изумрудно перья вспыхнут! Сполохом трезубым!
Жадина, княжна, залётка! Посреди народа
Ела жирную селёдку в радужных разводах!
Из руки кормила барса! Забивала стрелки!
Пули мимо просвистели, экие безделки!
Вот ты, жизнь моя, распята на руках в морщинах:
Вот они, мои дитята, вот и все мужчины,
Вот младенческие вопли в козьем одеяле,
Вот они, мои колёса, что — колесовали!
Вот, хватайте, налетайте! Ничего не жалко —
Ни понёвы и ни корзна, ни бармы стоjarной,
Ни веков, что догорели, ни любви, что жрали,
Грызли, лапали, когтили, били и свергали!
Всю я выткала на плате беспощадным златом
Распотешную жизнёшку, дары и утраты,
Образа и бездорожье, шёпотом — молитвы,
Вены, резанные молча ночи жадной бритвой...
Подходите! С рук сорвите! Рвите в одночасье
Письмена, огромней ветра, злое бабье счастье,
Жемчуга речонок сырых, давно пересохших,
Фотоснимки всех убитых, всех моих усопших!
Я-то тут! Ещё живая! Поживу, наверно!
Люди, пред вратами Рая вас люблю безмерно!
Нападайте! Растопчите! Яхонтом всех ягод —
Клюквой, россыпью брусники — вам под ноги лягу!
Раздавите в кровь! Идите вы по мне, по насту!
Пробегите мимо, волки, молоды, клыкасты!
Каждый глянет — воеводой! Каждый — князь и витязь!
На кровавый снег на красный вы не оглянитесь!
...И застынет во сугробе моя плащаница,
Вся развышита смарагдом, что лишь Богу снится,
Вся унижена судьбою — повторить не сможешь,
Кровью царскою, живою, жаркою до дрожи.

ОТРАЖЕНИЕ

К зеркалу старому медленно подойди.
Что мы утратили — в лицо тому погляди.

На всё гляди медленно, всё узнавай:
Голод войны, ржаной каравай,

Белые треугольники писем, где смерть,
Лязг замка и тюремную клеть,

Лёгкого смеха ситцевое крыло.
Было страдание, было и прошло,

А может, лишь наступит, лишь будет ещё,
Зарыдает, уткнётся в тёплое плечо...

А ты перед зеркалом стой и смотри,
Как амальгама горит твоя изнутри.

Пришли новые люди, войны им не понять,
Они хотят повернуть время вспять,

Ждут новой битвы, оружие в руки, вперёд,
Бомбы летят, танков волчий ход,

А новые люди не помнят времён,
Хохочут, коль гудит колокольный звон,

Пялят берцы, целятся в чёрный круг —
Убивать, милые, не хватит рук!

Всё больше вас движется, новая орда.
Гляжу в моё зеркало, гляжу в никуда.

За плечом иные стоят времена —
Я вижу ясно: стою там одна.

А вокруг — руины. А вокруг — тишина.
Это кончилась будущая война.

И лицо моё всё залито светом, мокро:
Никто не пришёл последнее творить добро.

И старое зеркало слёзным дождём
Отразит: веруем, любим и с тем уйдём.

Дмитрий Кадочников

* * *

На плечо уселась птица-печаль,
С этой ношею ни петь, ни молчать.
Приходи ко мне на чай невзначай:
Вдруг согнать её удастся с плеча?
Птица-радость надо мною кружит.
Она встречу нам с тобой ворожит,
На плечо вот только сесть не спешит.
Буду слушать песнь её. Да и жить.

Воздушная тревога

не торопись говорить мне такие слова
от которых кружится небо
небо может упасть

страшно стоять
под готовым сорваться в любую секунду
словом

и никто не учил где спастись
если вдруг
взвоят сирены
нас извещая
о предстоящем небесном ударе
в самое сердце

нежная-нежная
лёгкая-лёгкая
почти невесомая
просто воздушная
но всё же *тревога*

вот что живёт во мне
если я знаю что с губ твоих
могут сорваться
слова
от которых кружится небо

* * *

Всю ночь горевшая свеча
Растаяла к утру.
Стрела крылатого божка
Скользнула по ребру.

Какая странная тоска —
Не скрыть, не рассказать.
Мне без последнего мазка
Тот холст не дописать.

Воздушной лунною пылью
На бархате ночном
Я рисовал твоё лицо
Другим, чем видел днём.

Плыла за листьями луна,
Плыл в пальцах кожи шёлк,
И ты хмелела без вина,
Шепча: «Рисуй ещё...»

Всю ночь горевшая свеча
Растаяла к утру.
Стрела крылатого божка
Скользнула по ребру.

* * *

Зачерпни в ладони снега —
Колкой свежести небес.
Задохнувшийся от бега,
Ты от них не ждал чудес.

Загребь руками листья —
Хрупкий ворох тишины.
Не приучен был молиться
И не чувствовал вины.

Набери воды в ладони —
Чистой нежности речной.
Что с того, что ты не понят?
Ровным счётом ничего.

Набери в ладони света —
Тёплый лучик доброты.
У него спроси совета.
И ответ получишь ты.

* * *

Я на два года старше Христа,
Две тысячи лет не в счёт.
А Жизнь как была непостижимо проста,
Так себе и течёт.

Вопросов стояло не менее ста,
А ответил едва ли на два.
Точно знаю: душа не бывает чиста,
Если грязи полна голова.

Не знаю, насколько пуста пустота,
Не пойму, как открыть третий глаз.
Кто-то умный сказал: «Мир спасёт красота».
Но есть ли она в каждом из нас?

Вопросов задал тысячу штук,
Из ответов один не забыть:
Вынь-ка, парень, руки из брюк,
Если чувствуешь — будут бить.

Жизнь как была непостижимо проста,
Так себе и течёт.

На две тысячи лет я моложе Христа,
Тридцать пять последних не в счёт.

И расспросами ты меня не буровь:
Дескать, в чём он, жизни секрет?
Вопрос вопросов: что есть Любовь?
И она же — лучший ответ.

* * *

Полу-мрак, полу-свет — полу-тон.
Полу-тишь, полу-шум — полу-сон.
Полу-взгляд — полу-ждёшь, полу-нет.
Полу-стон. Полу-стих. Полу-бред.

Пуловер, полу-френч, полу-кед.
Полу-гол или полу-одет.
Полу-вальс, полу-джаз, полу-марш.
Полу-сыт — полу-хлеб, полу-фарш.

Полу-пьян — полу-грог, полу-чай.
Полу-муть. Полу-суть. Получай!

* * *

Кружатся листья, кружатся листья в вальсе разлуки.
Прямо под ноги густо ложатся рыжие пятна.
К небу взывая, ветви вздымая — тонкие руки,
Липы и клёны вечнозелёным так непонятны.

Клин журавлиный горько заплакал, нас покидая.
Голубь ленивый дёрнул крылами: «Не понимаю.
Любишь ли ты, любишь ли ты, раз улетаешь?
Если не любишь, плачешь зачем? Глупость какая».

* * *

Как беда на двор — колокольня в рёв,
И неистов в стонущей выси звонарь.
То ли глад, то ли мор,
То ль пожар, то ль топор,
Обезглавленный то ли вор, то ли царь.

Вот и всё, как бывало встарь,
На седых камнях свежая кровь,
Господам холопых
Голов не жаль,
Коль не выбит глаз — рассечена бровь.

А потом скорый суд — да на дыбу до хруста!
Охоч до зрелищ сермяжный люд,
Чтоб хоть час не чуют,
Что в брюхе пусто,
Да на миг забыть про свистящий кнут.

Стали враз колокола безъязыкими,
И к святым небесам поднимается гарь,
А за то, что он, сволочь,
Беду накликавал,
Вниз, на грешную землю, сброшен звонарь.

Через день у погоста покаялись слёзно,
Крест во всё пузо после пьяных соплей,
Виновато моргая
Под окриком грозным,
Храм построили новый да нашли звонарей.

Александр Левченко

Полнолуние

Таинственный лунный свет,
Странные звуки и тени,
И среди всего этого я —
Простой и бесхитростный парень.

* * *

Осень.
Стою на мосту.
Среди листьев жёлтых в тёмной воде
Моё отраженье.
Сам себе в рожу плюю.
Что после себя я в Вечности оставлю?

* * *

Гуляют по улицам люди,
Ногами земли не касаясь.
Вьётся над ними дым
Их папирос необычных.
А ветерок этим дымом
Окутывает милиционеров,
И те стоят неподвижно,
Дубинки поднять не в силах,
И думают о чём-то своём,
Загадочно улыбаясь.
К мыслям собственным прислушиваюсь...

* * *

Вдруг заметил, что держу в руке
Кусок дерьма...
Где взял его? Куда несу?
Разве кто мне сможет ответить?

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ ДЕКАБРЯ

Капля, застывшая под носом,
Блестит, переливаясь, как ёлочная игрушка.
Новогоднее настроение.

* * *

Цветок хризантемы хотел я воспеть
И красоту его уподобить
Красоте супруги моей.
Но разве может цветок этот жалкий
Сравниться с моей женою?!
Её брови — как чёрные молнии,
Глаза — словно звёзды карие...
А как она в гневе прекрасна,
Когда своей нежной рукою
Дверь мне навстречу откроет
И крикнет голосом страшным:
— Опять ты, сволочь, нажрался?!

* * *

Словно объятие
Снежной королевы —
Прикосновение
Холодного унитаза ранним утром.

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Следы на белом снегу —
Будто слова на чистой бумаге.
Я их читаю
И грущу, размышляя о жизни.

Вот было плохо кому-то,
Здесь, напротив, облегчился некто,
А тут кто-то имя любимой
На снегу вывел струйкой дрожащей.

Но снег растает — следы исчезнут,
И жизнь пройдёт незаметно...
Припорошённый снегом презерватив —
Чья-то любовь,
Случившаяся в зимнюю стужу.

* * *

Цветочек у дороги —
Истоптан, оплёван, грязью забрызган.
Сколько гадости он повидал
На веку своём кратком.
Кажется, на меня
Он взглянул с укоризной,
Когда я, проползая мимо,
Опалил его сивушным дыханьем.

* * *

Сон мне видится часто,
Что стал я очень известным,
Портрет мой во всех газетах,
И что живой я на этих страницах,
И ясно чувствую боль,
Когда мнут меня на бумаге.
А потом сквозь слёзы вижу,
Как в мрачной тиши сортиров
Полчища страшных задниц
Молча в лицо мне лезут.

* * *

Апрель. Первая весенняя зелень.
Свежий запах черемши
От проходящих девушек.

* * *

Весна.
Даже ветви деревьев
Изогнуты
С неприличной чувственностью.

* * *

Пчела
С цветка
Перелетела
На моё лицо,
Пахнущее свежевывпитым
Цветочным одеколоном.
Поняв ошибку,
Взяла, скотина, ужалила.

* * *

Когда-нибудь я перееду
В город большой, с унитазами и трамваями,
Но милый образ деревни любимой
Навеки в сердце останется.

И как-нибудь в уютном своём офисе
Банку самогона достану
И кусочек навоза в коробочке,
Выпью, крикну, занюхаю,
Как во время старое, доброе.

И встанут в памяти танцы сельские,
И первое «дай», и пылкое «на!» припомнятся,
И скупая слеза мужская
Упадёт на клавиши телефакса блестящие.

* * *

Зачем нужны слова,
Когда яблоня цветом покрылась,
Когда солнце играет на гранях стакана,
Когда буря весенних чувств
Из груди вырвет сердце,
Но залечит рану бальзамом или портвейном?
Зачем нужны слова? —
Их уже и двух не связать.

* * *

Ночная метель замела дороги,
В гости никто не придёт сегодня,
Вдвоём с котом коротаем вечер
За столом, накрытым угощением скромным.

Консерву рыбную по-братски поделим,
Всю жизнь коту расскажу, как другу.
И будет он кивать с пониманьем,
А привру немного —
лишь пожмёт плечами.

* * *

Выходной.
Раннее утро.
В задницу бы затолкать соседу
Его бензопилу.

* * *

На лавке сидел я,
Терзаемый похмельем и безденежьем,
И размышлял о скуке бытия
И об отсутствии всего чудесного.
Но проходивший мимо милиционер
Окинул меня взглядом строгим,
Вздыхнул о чём-то
И из кобуры чекушку и стаканчик вынул.
А мне казалось — нет чудес на свете...

* * *

Там, где кончается небо
И начинается хрен знает что,
Сплю, раскинувшись широко,
В луже поганой.
С подозрением коровы
Обойдут стороной,
Тракторист, матюгнувшись,
Осторожно объедет.
Я во сне улыбаюсь —
Мне снится, будто я просыпаюсь
Там, где кончается хрен знает что
И начинается небо.

* * *

Разве Любовь есть на свете?! —
Горестно кто-то воскликнет.
Но я улыбнусь незаметно
И на жену свою гляну —
Вон она ходит, худая,
Взглядом бессмысленным смотрит...
А ты говоришь — нет Любви.

* * *

Всё придёт в этот мир
И уйдёт,
Чтоб потом возвратиться.
Только пиво вот кончилось,
И его не вернуть, не вернуть. . .

* * *

Проснувшись утром, прочитал
Астрологический прогноз
На день грядущий.
И с потрясением узнал,
Что суждена мне перемена взглядов
И однополая любовь,
Взаимная и долгая.
И разрыдался я в объятиях супруги.
За что угодно высшим силам
Разрушить брак наш,
Долгий и счастливый?..
Теперь вот у окна сижу,
Смотрю на мужиков
И с подозрением и страхом
К мыслям собственным прислушиваюсь...

В ГОРОДЕ

Таинственная девушка
С третьим глазом на лбу
Остановила меня,
Предложив познать
Духовные глубины
«Камасутры».
Юная пара представилась
Шведской семьёй неполной.
Предлагая заполнить пробел,
В загс позвала.
Загадочный мужик
С накрашенными губами
Подмигнул игриво,
За задницу щипнул...
Как много на свете хорошего,
Интересного, неизведанного...

Но, валенки себе купив и грабли новые,
Жене и ребёнку конфет в гостинец,
С грустью в деревню домой возвращаюсь.

А ты говоришь — нет Любви.

Борис Углицких

Стихи из книжки «Сели звери в экипаж»

Победитель Всероссийского литературного конкурса имени Игнатия Рождественского в номинации «Детская литература. Поэзия»

МАГАЗИН ЛЕСНОЙ

Никто сперва не верил,
но прошлою весной
открыли скромно звери
свой магазин лесной.

Раз шёл я в лес с лукошком
и как-то по пути,
увидев свет в окошке,
решил туда зайти.

Зашёл, а в магазине,
смотрю, сидит овца
в косынке тёмно-синей
на месте продавца.

И, улыбнувшись робко
и став ещё милей,
она нажала кнопку:
«С вас миллион рублей!»

«Кузнечики в сметане? —
воскликнул гневно я. —
Они при всём желанье
не стоят и рубля!

И килька в масле постном —
за два рубля ноль пять...
Да вы, гражданка, просто
не можете считать!»

«Я знаю всё прекрасно, —
ответила овца, —
но всё считает касса.
Сама — без продавца.

Она считать умеет
и знает, что почём.
Вот и ругайтесь с нею.
А я-то здесь при чём?»

...И прочь пошёл я с красным
от бешенства лицом,
кляня и кильку с маслом,
и кассу с продавцом.

«Нет,— думаю,— схожу-ка
я в магазин другой...
А в этот домик жуткий —
я больше ни ногой!»

КОЗА КОЗЕТТА

Однажды к нам вошла с газетой
коза по имени Козетта:
«Вот, посмотрите: пишут тут,
что мой козёл и трус, и плут».

«Да что вы, милая Козетта!
Всё перепутала газета.
Мы знаем вашего козла.
Он никому не сделал зла.

Но головой трясёт Козетта:
«А что вы скажете на это:
„...он в настроении плохом
вчера подрался с петухом“?»

Нам стало жалко всем Козетту
и очень стыдно за газету.
Козёл, конечно, не святой,
но не такой уж он плохой.

КТО Я?

Если я не сел за стол,
то упрямый, как осёл.
Вышел в шортах вместо брюк —
значит, глупый, как индюк.
Не умылся утром я —
значит, грязный, как свинья.
Ну и кто же я теперь:
мальчик, птица или зверь?

КЕНГУРУ

Сели звери в экипаж.
«Кенгуру, билетик ваш?
Стоп, у вас ещё и сумка...
заплатите за багаж!»

ВЕСЁЛЫЙ ДУРАЧИНА

По виду дурачина,
босой, зато в пальто,
жил-был один мужчина
по имени Никто.

Он слыл на всю округу
как шут и весельчак.
И жил да был с супругой
ни так он и ни сяк.

И чтоб вы это знали,
приветствие крича,
Никак супругу звали,
по отчеству Ничья.

Свой день по распорядку,
всю волю сжав в кулак,
он начинал с зарядки
ни с кем, да и никак.

А после из корыта,
где дно как решето,
он кушал с аппетитом
никак ничем ничто.

И чтоб в желудке бедном
не булькала еда,
он шёл после обеда
ни в чём и никуда.

Глядит вослед, вздыхает,
жалеючи, народ,
когда Никто, не зная
куда, зачем, идёт.

Одет как чудо-юдо,
и крошки в бороде...
Никто и ниоткуда
из города Нигде.

КРОКОДИЛ

«Разве ты не виноват?— крокодилу говорят. —

Кто дружить с тобою станет? Ты глотаешь всех подряд».

«Я и сам себе не мил,— отвечает крокодил. —

Только пасть зевнуть открою — глядь, кого-то проглотил...»

СЛОНЁНОК

В день рождения слонёнку распечатали сгущёнку

и, чтоб праздник был весёлым, до краёв налили в таз.

Но обиделся слонёнок: «Что я — маленький ребёнок?

Что такое двадцать банок? Вот сто двадцать — в самый раз!»

Альбина Мамаева

Что-то с памятью...

Фекола прибралась в сених, выхлопала кружок из-под порогу.

— Поведи лешак этот Балтурин вместе с ево грязью! Неможно проползти по деревне. Колеи-то выше коленок, тово гляди сабоги оставишь. Сельсовет нисколь не глядит за дорогами. И вить бытто ноги об траву обшоркала, а всё крыльцо в ошмётках. На христовом Дворце хоть кака нёпогодь, а по тротуварчикам-ту дивья ходить, уж нигде ноги не загрязнишь. С краю до краю можно сухой ногой пробежать.

Вот где бытто пристала, сбегала до Болтурина? Уж было бы далёко, а то двенадцать километров туда-обратно... Ноги-то правда што не казённые, избегались да истоптались...

Через силу домыла крылечко. Не успела выплеснуть воду да опрокинуть таз, хлопнули ворота. Соседка.

— Чё, меня стречать вышла? Я в окошко-то видала тебя, однако уж с полчаса как пробежала. Пристала ли, ково ли — на крыльцо взотти не можешь?

— Не спрашивай лучше. Сбегала на Болтурин, счас весь день буду обутки отмывать. Оно, девка, што за грязь у них?! Никака вода не берёт! Вишь, чё деетца? Бытто нарачи грязь месиля, голяшки и те обсохли. Отскрести не могу.

— Как не видеть, вижу. Ты чё, там по середке дороги ползала? По краю-то всё же не так...

— Какой край?! Не видишь, дождями залило, а лесовозы всё размесили, — старуха взяла дорожку, постелила на ступеньку. — Садися, отдохнём. Ветерком хорошо обдуют.

— А я чё зашла? Думаю, в Болтурин бегала, может, каку новость расскажешь.

Фекола поглядела на неё из-под платка. Ишшо ей новостей не хватат — весь день радиво не затыкатца. И што за народ?

— Я вить не новости собирать ходила. В больницу да обратно... Чуть не врысю, старика одново чё-то боюсь оставлять надолго-то.

— Ишшо не башше. Он не челяденок, ково боятца-то?

— Дак вот... Сдавать стал. Тебе чё рассказывать? Сама знашь, он вить сроду не отдыхал. Ну уж и поись любил! У него хлёбальна чашка — чуть не с банный тазик. Холодно любил без ума. Толька из ямы достанешь, он уж тут. Ни за што не даст из тазу в чашку наложить, так и ест. Толька горчички попросит. Бывало, исть отошшат, забежит в кобрегушку, схватит краюху хлеба с молоком студёным — и опеть

в работу!... А счас наповáдился — всё на бочок да на бочок. Мáло-мáло пошíритца, глядишь, он уж опеть на лавке. Наврóде как и хворать не хворат, а прыти не стало. Нисколь не дюжит. Ест худо... Видать, хáнул здоровьем-то.

— Дак и мы не помолодели. А чё из-за этово боятца оставлять дома-то?

— Чё-чё... Всё тебе знать надо... Кружáть стал. Вот чё.

— Но, паря. Ишшо не башше! Он с чево это закружáл?

— А с чево все кружают? Не молодой. Забывать стал. На карточках своих нико́во не узнаёт. Спим на́разно. Дак не поверишь — ночью раза три уж с койки падал. Не знаю, хто чево с ним? Голову, грит, обнесло. А где бытто её обнесёт, лёжа-то?! Не знаю, ково и думать... То чайник оставит включённый, то ишшо чё. В субботу стиралась да баню топила. Хватилась — к обеду хлеба нету. Наказала ему, штоб за машиной глядел да на плите обед помешивал, сама в лавку побежала. Долго ли сбегала, а вода из машинки-то вся на пол выбежала. Суп выкипел. А он ушёл в заво́зню, взялся топор точить, нашёл время! Это хорошо, што ни́хто не сгорело...

— Вай, у нево каки́ годá-то? Не оstarёл ишшо. Гли-ка, я чё-то тоже забывать стала: он с кем одного́док-от?

— Дак с кем? Немного их остаётца. И те уж не жили́цы. Яшка третий год с постели не подыматца. Лежит — ни рукой, ни ногой. Федя от лёгких надцёлся с кашлем. Тоже, шштай, одной ногой в могиле. Хто ишшо?.. Михаил — этот сам-то наврóде ничё ишшо, дак опеть на левый глаз нагото́во ослеп, а счас и правым стал худо видеть. Вот и всё, боле нико́во и нету. Говоришь, не оstarел.

— А я вить всё думала, мы с нём недалёко...

— Н-но, недалёко! Ты чё, забыла? Между нами шесь годов. Это у молодых не шшта́тца, а нам — ну-ка, проживи эти шесь-то годов. Наипаче как здоровьишко запошáтыватца... Мы вить с ихной Вальтей-то с одново году. Толька я на Рожество роды́лась, а она ближе к осенé, в жнитвó. Мы-то ишшо хто были? Сопля́чки, годика по три с небольшим. А он уж в школу ходил. В школу-то с восьми годов вить брали. Вот и шштай. Не забыла, как вместе купатца бегали? Он нас всех на́стовал, штоб не утонули, оборони́шна мать. Вдо́сталь-ту накупамся, ись отошшáм — бежим по домам. Дак Валькя-то обязательно у́росить начинат: то у ней ножка заболела, то в глазик чё-то попало... Вот и кáет: бра́тка, возьми меня на ручки. Глядишь, опеть она на коку́рках у Степана едет. Дак до чево привыкла — и выросла, и взамуж вышла, а как чё-то сделать да помогчи́, так по Степана бежит. Был бы уж свой мужик худой, дак нет — ни́хто не похúлит, работа́ющий. Я начну ругатца: мол, не жалко бра́тку-то, заездила со своёй работой. Она хохочет: лучше Стёпы ни́хто не сделает. Вот и возьми её! Да и он похохатыват: «Ну чё ты шумишь? Мне не привыкать, была бы шея, а хомут найдётца».

Татьяна прислушалась:

— У тебя в сенях хто-то стукатца.

— Хто там стукатца-то будет? Степан, дак он спал,— Фекола поднялась.— Пойду погляжу, не упал ли опеть.

Отворила дверь — старик стоит в галошах на босу ногу, торкатца в дверь.

— Ты ково тут делаешь?

— Хотел в уборну сходить, а дверь не поддаётся. Уж я её и так, и эдак.

— Да-к ты как её отворить-то хошь? Не видишь, дверь-то на крючке?

— А ты чё это завела моду днём закрю чиватца?

Фекола не придумала, чё сказать, только руками всплеснула:

— Он ишло и огрызётся! Свят дух Восподний, Степан, в уборну-то на улицу идти нады. А ты в казёнку дверь вышибашь.

Степан было заерепенился:

— В своём доме я пока ишло сам хозяин, так што не затыкай мне рот! — а потом огляделся: — Паря, я как суды попал? Видать, спросонья...

Фекола опеть подсяла к Тане:

— Ну слава Бох, направился, побежал в уборну. Ишло маленька — и опрудился бы. Вишь чё, в своей избе заблудился... Это вить не с добра... Так-ту можно бы ишло пожить. У нево в семье все подолгу жили. А баушка-то ево, Таисья-то, та дак дождалась, што правнучку взамуж отдали. Сколь годов ей было — сама не знала! Да об этим чё говорить? Кому сколь на роду написано...

Степан заревел ишло из-за бани:

— Старуха, ты чё сёдни обленилась, завтрикать не зовёшь?

— Мы ишло до свету отзавтрикали... Обед скоро.

— Да-к я и говорю, сонце-то высоко. Не знаю, как ты, а я дак ись отошшал,— подбежал поближе.— О! Мама, а ты откуль взялась? Нагостилась? Давно тебя не видал. Давай-ка обойму, да пошли в избу, почаёвничам. Обскажешь, как брата поживает.

Татьяна выпучила глаза:

— Ты не одичал? Я откуль приеду? Сроду в соседях живём. По семь раз на дню забегаю... Какую мамку-то поминать?

— Ты меня не сбивай, уж Лидию-то Андреевну ни с кем не спутаешь. Не забыл же я обличье родной маменьки. Во, и катетка её! Я из армии привозил.

Фекола перекрестилась:

— Стёпушка, ты ково-то неладны плетёшь. Христос с тобой, маменька твоя, царство небёсно, пять годов как преставилась.

Старик уж было отворил дверь, повернулся к ним:

— Да? А мне пошто никто не сказал, што она захворала? Без меня похоронили? Нельзя было по меня на пашню съездить? Или приседатель не дал? — у нево на глаза навернулись слёзы.

— Стёпа, да-к ты вить сам ей в монастыре-то место выбирал, штоб посветлей было да повыше. А потом передумал: дескать, пускай рядом

с тятёй лежит. Но-ка споминай. И крест сам заказывал... и карточку в рамку вставлял...

А Степан и не слушал. Повернулся к Татьяне:

— Счас я тебя спомнил! Ты вить Валюха! Вылитая мама. Выросла, я и обознался. Давно ли малинька была, всё у меня на шее сидела... Ох ты, моя родна! Старуха, ты ишло всё тут? Ставь на стол! Да пивца не забудь достань,— повернулся к Феколе: — А ребятня на реке ли, чё ли? Ты бы шибко-то не отпускала их. Вода студёна стаёт, простынут перед самой школой. Наипаче меньшуха...

Старухи с ума сошли: это чё подёковалось? Дак испужались на злу голову. Ну-ка, чё буровит старик — как с ума не сойдёшь? Татьяну послала в избу, чай ставить, а сама подсяла ко Степану. Да давай с нём разговаривать. Тихоньку заговорила, штоб успокоился. Мол, ничё, это тебе во сне пригрезилось. Не здря старики-то говорили, што днём спать вредно. Пошли-ка, я тебя водичкой студёной сбрызну. Подвела его к рукомойнику. Намочила свою руку, взялась обтирать ему лоб, а сама всё приговаривала:

— С гоголя вода, а со Стёпы вся худоба, аминь-аминь-аминь. Счас кваску из дупля достану...

Фекола обняла голову Степана, гладила, как маленьково, а сама всё приговаривала... Старик потихоньку затих. Голова наклонилась...

— Пока отдохнём, Таня обед направит. Наклоняйся на меня, отдыхай. Она докуль на стол соберёт, дак выпатца успеть можно. Ты спать-ту хошь?

— Хочу... поем... потом пойду... всхрапну...

У Феколы затекла поясница, а она боялась пошевелитца.

«Осподи, благослові, спаси, сохрани и помилуй!.. Не гляди ты на этово дурака старого. Рано ишло ему на тот свет собиратца... Ишь, чё удумал! Умереть-то много ума не нады: лёг на лавку, лапки сложил — вот тебе и покойник! Полёживай в могиле — ни дела, ни заботы. А то не подумал, как старуха одна свою жисть доживать будет? Останься счас одна, я ково делать-то буду? Осподи, не допусти под старость лет одной остатца. Пускай ишло поживёт. Осподи, хошь, я Тебе за это руку отдам? — Фекола засучила рукав, поглядела на руку, покачала головой. — Лешаку нужны эти грабли. Бывать, не берегли руки-то, в полсилы сроду не работали...»

Степан проспал недолго. От силы минут десять-пятнадцать. Поднял голову. Глаза светлые...

— Я чё, уснул? Давно так крепко не спал... А пошто на крыльце-то? Дома места не было?

— Дак ты чё, не помнишь? Всё утро назём в огород таскал, видать, из мочи вышел. Чё боле? Присял да и уснул.

— Мне не привыкать работать-ту. Видать, старось подкрадыватца... Знашь чё? Я тут стал подумывать, хоть бы ты меня отвáдила от курева...

Последне время приставать стал. Тятя-то у меня девять десятков землю топтал, дак здоровей меня нóнешнево был. Не табачок ли подводит? Как думаешь?

— Раз уж сам доту́мкал, дак я счас же кисет в печку брошу! Ну всё, подымайся. Пошли обедать.

У Татьяны всё стояло на столе. Разливала чай. Ничё не спрашивала, на хозяев поглядывала с опаской.

— Паря, Таня, ты как всё равно покойников увидала. Чё молчишь?

— Дак, Стёпа, я стесняюсь спросить. Это чё это с тобой было? Сперва подумала — шпаніи́ш. Сколь на свете живу — не видывала. Я какэс вся переполо́халась, счас ишшо всё нутро трясётца... Как разрыв сердца-то не сделался?..

Сказала и испужалась: не здря ли разболталась? Прикусила язык. — А чё было-то? Об чём спрашивашь, я понять не могу?..

Фекола заторопилась:

— Да слушай её больше! С кем не бывает? Я ей говорю: мол, Степан стал всё забывать...

— Чё-то не помню, штоб я на память жаловался!

— Дак я и говорю — забывашь. Думаю, доживём до осени, дак нады в город съездить, проверитца. Всё ж ки голова... Мало ли чё? А береженово Бох бережёт.

— Аха, тебя не спросил, чё мне с головой делать! Гли-ка на неё: думат она! Индюк тоже думал... А счас ишшо раз подумай. Семья-то у нас на хорошем шшету́. Уважают нас. Понимашь? А поеду я голову проверить, да, не дай Бох, в деревне узнают? Никуды не поеду, на мой век мозгов хватит. Даже не мечтай!

— Трусишь — так и скажи: мол, кишка тонка́. А так-то подумать, здоровому как не лучше жить? Ребятам ишшо сколь-нить помогчи́ бы не мешало. Эвон, Коле нады баню перекладывать... Ево хто научит?

— Нады ему... Всё им чё-то нады... Умереть спокойно не дадут.

— Вот до чево ты поперёшний! Чижало провёритца?! Погляди-ка на своих товаришней: в больницу бы съездили, дак, может, не лежали бы счас. Наипаче Яшка. Это он уж сколь лежит? Года три одной ногой в могиле... И жить не живёт, и Бох не прибира́т. Раньше смерти не умрёшь, вот вить чё! Счас-то дивья́, всё на свете лечат. Ну што ты! Даже и операции-то не делают, наипаче на голове. Лазарем обрежут как-то, и всё! Даже в холку укол не ставят, вот до чево до́жили.

— До осени тоже дожить нады. Чё-то ты темнишь! Ну-ка, давайте выкладывайте как на духу!

— Дак чё обсказывать-то? Вечор коровёнку выгоняла, гляжу — фершалица бежит откуль-то снизу. Да разговорились с ней. Пришлось всё же кое-чё рассказать ей. Дак она заставля́т, штоб городским врачам-ту показать тебя. Голова, грит, не шуточки. Я было заикнулась: мол, у этой головы хозяин-то дурак, слова сказать не даёт. На Болтурин не могу заставить съездить, не то што чево. Дак она мне всё распатро́шила.

Может, дескать, ишшо долго жить, и ничё не будет. А может в одну минуту калекой сделатца. Эвон, Яшка-то лежит — глянетца тебе? Родной дочерё старик не шибко нужон, а худá-то невеска ходит за нём. Надцелась горшки таскать. А он-то, бедный, и не понимает — лежит колода колодой. Ну-ка поживи с таким, поворóчай-ка ево с боку на бок. И умыть, и накормить... День пропустил — у нево уж прóлежни. Чё я тебе рассказываю? Сам знашь.

— Дак ты не врёшь? Вправду кружаю ли, ково ли? Гляди ка, а я ведь никоно не помню... Ишшо не башше...

— Я с чево врать-ту буду? Это што за мужик?

— Но-но-но! Чё-то мне тоже страшиновато стало. Чё мы будем осень-то дожидатца? Давай-ка с пензии билеты заказывай.

— Царица Небесная, всё ж ки услышала мои молитвы!.. — Фекола осенила себя крестом. — Я так-то сбёгала уж на Болтурин, взяла тебе направленне. Дак Игоревич-то наказал не тянуть. Он уж по рации место тебе выхлопотал в больницу. Я и билеты заказала, счас побегу, ребятам радиogramму пошлю, пускай послезавтре стречают.

Подружки

Прасковья делала третий заход к Валентиновой избе. Походит-походит, да обратно домой. «Хто чево? И снег, видать, со вчерашного дня никто не отгребал... Вай, дак у ней сёдни и дыму из трубы не видать было. Не така она, штоб в нетоплёной избе до обеду сидеть. Ради Христа, это чё-то неладны! Она уж жива ли, оборонíшна мать?»

Сперва, с горем пополам, добрела до ворот — как были на засове, так и не отворяла... Ково делать? Задралá подóл да поползла черезь субой к окошку, давай стукатца.

«Ну, слава Бох, занавеску отодвинула. Жива! Она ково там в окошко-то говорит? Сперва на́ голову показала... руками ково-то маячит... вай, глаза закатали... Ишшо не башше. Однако, худо дело-то! Дак это вить она сама из избы вы́ползти не может, чё боле-то?! Нады по Генку бежать, пускай переползát чéрезь. Кан быть Генка-то дома, никуды не девался. Только заикнулась: мол, баба Валя захворала, вытти не может, — он накинул теплушшóнку, вперёд меня на улицу выскочил. Гли-ка, не увидала, как внучек вырос. И в ково ёкай вы́махал, под два метра ростом. А он вить челядёнок, ишшо и в армию не ходил. Сроду у нас в родовé ёких матеру́шших не бывало... Ну, лешак с ней, с армией. Главно, штоб в ограду попал».

Генка с ходу перескочил заплóтишко, забежал на крыльцо. Поднажал на дверь плечом да маленько приподнял — крючок и соскочил. Ну, слава Бох!

Старуха как сидела у окошка, так и сидит... Прасковья с ходу напустилась:

— Вай, с ума всех свела и посíживат. Ты где шапéрисся — доревётца не можнó? Не видишь, што я с утра тут околачиваюсь, кругóm избёнки,

дорогу проторила под окошками-то. Думаю, не хворашь ли, оборонішна мать? Или уж сыпóm спишь да не слышишь нико́во?

— Дак, девка, хорошево-то мало. Третий день головой маюсь.

— Ты как вчера роди́лась! От головы-то цитрамон хорошо помогают. Еслив у тебя нету, дак я счас же домой сбегаю...

— Нико́во не нады, не помогают он мне. Гли-ка, сроду этово не бывало. Утресь не успела ноги с койки спустить — в глазах стемняло... Пересидела минут пять да поднялась. Дефка, не дошла ишшо до двери — ка-а-ак меня обшату́рило! Уж не помню, куды повело, — видать, на косяк налетела.

— Храни́шна мать, видишь, што в глазах тёмно, дак тебя почево лешак понёс с койки-то? Помёшкать нады было. Нет, вить ты не успеешь глаза продрать — соскакивашь без ума. Вот и вытянула камась-то! Ну, чё да́ле-то, обсказывай!

— А чё сказывать? Не́чево. Ты стала стукатца в окошки, я и опáмятовалась. Гли-ка, коси́ца-то у меня вся почернела. Паря, не худо, однако, зы́кнулась — расши́блесь в кровь... Ишшо бы маленько — и готова! Дак сколь время поднятца-то не могла, кое-как сцарапалась. Паря, сроду этово ишшо не бывало... Не поверишь — лежу, а сама чую: от страху кожа на голове мёрзнет... Вот до чево испужалась...

— Ругать тебя не́кому! Видать, худо болит твоя голова! Уж сколь дён хворашь, а в больницу-то пошто не сходишь? Сама не можешь, давай я сбегаю, повешшу́ фершалицу. Придёт, не перелóмитца.

— Я ишшо третьёводни к ней ходила. Никаку болесь у меня не признала. Каки-то пилюли сунула да наказала почашше отдыхать. А мне ковды́ лежать?! Это тебе дивья́, полна изба помошников. А я-то сама не сделаю, дак за меня делать некому. В избе страмоти́шша, чашки немыты. Снегу э́вон намелó — под самы окошки. А сёдни ишшо тятя-покойничек пригрёзилсь, опять к па́дере, как пить дать. Будь ты прокля́та, погода, — наготово одичала, снег уж отгребать некуда, а он всё валит и валит. Ишшо и верховка потяну́ла. Ну?! С крыльца не спуститца, полны катанки снегу начёрпашь. Нады идти, хоть дорожку к избе разгрести...

— Да-а-а, видать, шибко удари́лась... Ты ково бурóвишь сидишь? Снег она пойдёт чистить! Генка э́вон уж лопатой машет, ему долго ли откидать?

— Гли-ка, дожи́ла... С чево обуро́довалась? А вчерась напилась пилюль, дак к вечеру-то показалось, што хлёско забегала, голова-то навроде не пьяна стала... посветлела. Понимашь, болеть навроде как ништо не болит. А ни силы, ни мо́чи нету, и всё.

— Ты вить нико́во не ешь! Откуль сила-то возьме́тца? Счас я тебе чашку кислых штей притащшу́! Супчик-от пользы́тельный, наипáче как захворашь. Ты говори, не стесняйся, мне не чижало...

— Вай, дак мне бы сперва умы́тца не помешало. А в избе ни дровишек, ни свежей водички. Счас спóлзаю да печку затоплю...

— Я те спóлзаю! Погоди, Генку зреву́, пускай дров натаскат да затопит. И чай поставит. А ты умывайся. Да не бегай по избе врысью-то! Не девка вить, загребёшь ногой половик — ишшо ково-нить расшибёшь. Дурна-то голова ногам покою не даёт.

Прасковья отдала всем приказанья, а сама на хрушкí шаги бежала домой да приговаривала:

— Счас я тебя накормлю-напою, как огурчик забéгаешь! А к утру тесто заведу, рыбный пирог состряпаю. Я не я буду, еслив свою задушéвну подружку да нá ноги не поставлю!

КИНО И НЕМЦЫ

«Какá дикóвина: уж вполовину скота убавили, а нисколь не знáтко. Ране вить до работы всё успевала. Первым-то делом, глаза продерёшь, бежишь на лодку. Морды с сетушками вí смотришь, рыбку вычистишь. Потом дров натаскашь, печь истопишь. Когда и за водичкой сбегать успеешь раз-другой. Со скотом управиться... Кое-чё ишшо и пóходя перевесишь-переставишь... Вот всю-то ўтрешну работу переделаешь, на ходу́ всухомятку похваташь ково-нить, потом на колхóзну работу бежишь. И не дай Бох обробéть...

А тут всё утро шапéрюсь и вечер до самой ночи с упрáвой пúтаюсь — дéланово не видать! Поясн́ца разогнутца не даёт. Спрашиватца, где у лешака её надцад́ила? Ково бытто сёдни делала? Ну, на повéти спóлзала, сенца́ кинула скотине. Коровёнок напоила, подоила, выгнала с телятами нá луг. Поросятам дала — под угор убежали. Курицам насыпала. Пó воду спóлзала нá реку — в баню натаскала да потом ишшо в избу ведёрко. Старик-от никак тёплу воду пить не хочет, всё свежу требует. А угóр-от каждый год всё бытто круче делатца.

Ну и чё, это какá работа? А пристала без ума... ни рук, ни ног не чую, крыльца разламыват... без ума... ни рук, ни ног не чую, крыц...

...Вай, поведи лешак память! Я вить мясо поставила на суп варитца, а печь забыла понáствовать, дрова-то, однако, прогорели натлó! Понадеялась на старика: мол, придёт с работы — подкладёт... По времю-то уж должен быть дома. Может, пришёл, здра переживаю?»

Анюша на хрушкí шаги побежала в избу. Ишшо бы маленько — и никаково жару бы не осталось.

«Он где сам-от? Ради Христа, скоро обед, ево где лешак водит? Днюет и ночует на работе — это хто чевó? Хоть беги искать. А чё, не молодой. Не дай Бох, занемóг?... Да нет, этово лодыря лешак возьмёт, не изработался. Сидит в сторожке. Мужики зайдут вот и мелют языками, анекдоты травят. На работу-то счас все не шибко бегут — вразвалочку ходят. Да и он не разбежитца домой: мол, старухе помогчи́. Думат, раз он на работу ходит, дак я ему век прислуживать буду. Работник!»

Анюша уж чайку попила, посудёнку ополоснула — заходит хозяин. Навеселé. Ну дак это ишшо хорошо — своими ногами пришёл. Ране-то,

бывало, уж напъётца, дак вусмерть! Заташшат в избу, а он ни рукой, ни ногой. Да-а-а, и тебя годá не миновали...

— Не черезь Карамышеву ли с работы-то идёшь? Вот што за блудяшший?! Знашь вить, што суббота, воду в баню таскать.

Старик отворил рот, но Анна успела настроитца на ругань. По этой причине слово ему не дала.

— Ты мне не оправдывайся, вижу — успел, причастился!

— Не причастился, а пристál. С работы иду, не с гулянки.

— Знаю я твою работу! Всю ночь в сторожке полёживашь. И счас брюхо набьёшь да заляжешь на бокову́ до самой бани. Я бы тоже эдак-то поработала!

— Я те счас всё обскажу!

— Чё ты мне обскажешь? Сама всё вижу. И как ты с этой работой бока-то не отлёживашь?

— Как-как... переворачиватца почашше надо.

— А я бытто тутá-ка отдыхаю весь день. Не видишь, што я уж шатаюсь хожу с управой? Дак ишшо и внучат напрохот притаскивают. С таким отдыхом присясть нековды, не то что чево...

— Чё ты шатасся, чё шатасся? По всему дню дома сидишь! Управилась — и всё, ходи, крути фигурой! А у меня подотчёт. В ночное время дня об подотчёте думать знашь как чижало?!

Маленько помолчал. Потом всё же осмелился, рассказать-то охота:

— Понимашь, в леспромхоз немцев привезли. Полон кузов. Биткóм!

— Тьфу на тебя, урод ты ходишь! Оно за што мне, это наказание-то?! Всяки мужики бывают, а ты на весь район один. Не перебивай, кому сказала!!! Жаба тебе в рот сядь! Добрых-то мужиков, напрохот слыхать, то паравич разбил, то от вина сгорел — а тебя никака́ лихо-манка не берёт! И ковды ты нажа́бася этово вина? Не можешь им захлебнутца-то...

— Да провалиться мне на этом месте — нисколь не вру, хоть у ково спроси! — схватился сперва за сердце, потом за брюхо. — Вай-вай-вай... тише, ради Христа, вай, всё огнём горит, внутри всё горит!

— Оно с чево у тебя заболело? Где именно болит-то?

— Дак именно внутри. Ой-ёй-ёй, худо дело, умираю, однако... Останешься одна, дак увидишь, не всем повезло с таким стариком, не раз обо мне поплачешь. Так и знай!

— Ну чё ты собираешь? Хватит мне очки втирать, вруша! Из терпения вышла с твоим враньём. Честно слово, другой раз взяла бы топор да как дала бы тебе!

Старик соскочил с лавки как ни в чём не бывало:

— Ты это брось! Еслив каждый за топор хвататца начнёт, дак никаких топоров не хватит. Дай хоть слово вставить. Ну чесно слово, из-за немцев...

— Так я и поверила, держи карман шире. Ты башкой-то своей подумай: каки тебе немцы? Война давно кончилась. Штоб у тебя язык

отсох, может, врать перестал бы... Всю кровь ты из меня выпил... Уйди лучше, не нервируй меня! Не уйдёшь — так и знай: получишь по кумполу!

— Ну пошто ты меня не слушаешь? Ну не вру я, не вру — голову на отсечение даю! Захотел человек один раз честным стать, и то не дают...

— Ишшо слово скажешь, я тебя придушу голыми руками! И за што Господь послал на меня все казни египетские?! От твоёво вранья опять давленне образовалось. Затылок огнём горит, тово гляди мозги вытекут...

— А ты не богохульствуй. Вот я, примерно, с молодых ногтей в Бога верил. Ишшо баушка наставляла: сам пустоголовый, дак молись, штоб баба добра тебе попала. Я и молился. И Бох мне послал тебя!

— Мелі, Емеля, — твоя неделя! Я в Бога шибко-то сроду не верила...

— А я об чём говорю? Ты не молилась, вот Он тебе меня и подsunул...

— Уж вправду был бы Он, Бох-то, дак знал бы, што я ёстоль не грешила, штоб всю жисть рашшитыватца... Садись, жабай. Закусывать-то в сторожке нечем было? Мясо из-за тебя не доварилось, поешь постных штей.

Старик сбросил куфайку, ополоснул руки, с приплюсом направился ко столу:

— Супчик жиденкий, но питательный. Я мальчик маленький, но старательный... Ох ты, моя родна. Кроме тебя, хто накормит? Ты хоть сколь на меня реви, а я тебя пушше всех люблю. Вот послушай ты меня. Вправду вить немцев-ту привезли. Полну машину...

— Аха, штоб тебе веселей пить было?

— Вот ты не знаешь, а споришь! У них там мода така́ — в отпуск за границу ездить...

— Тьфу на тебя! Последни мозги прбпил! Я давно говорю: вино тебя до добра не доведёт! Вот как оне за границу поедут, еслив оне там живут, в этой загранице?! Думай головой-то. Не-е-ет, это добром не кончитца, надо брать тебя в оборот.

— Вот давай на честность. Я давно заметил: ты как шибко осёрдишься, сразу реветь начинаешь. Паря, как заревёшь — дак лампа гаснет. И голосок сделатца до того пронзительный — ково хошь с ума сведёт. А у меня голова, сама знаешь, и так слаба, вот и не могу складно рассказывать. Запинаюсь, путаюсь в показаньях. Не сбивай меня... Ну дак вот, эти немцы тут, на Ангаре, строк отбывали. Которы могут ишшо шевелітца, сами приехали. Конечно, немного их, стариков-то, осталось... А которы своих челядят да внучат отправили. Дескать, охота молодым показать, где не одну зиму горе мыкали. Их вить хоть и полно уехало в неметчину, а всё же которы и остались... Повидаецесь, мол. Поглядите, как там люди жить стали. А я, даром што сторожем служу, тоже интересуюсь знать. Со свежими людьми поразговаривать интересно. Вот чё оне суды едут? Я думаю, их там и за немцев-то не шибко шшитают... Ты понимаешь, видать, имя несладко живётца. И про Ангару нашу не забывают...

— Не кружай, все говорят, оне там богато живут, не нам чета.

— Я сперва стеснялся подходить, а потом тяпнул стопочку для храбрости. Давай их расспрашивать, што да как... А оне — гыр да гыр. Вижу — никоно не понимают. Представляшь, я им русским языком говорю, а они ни бум-бум! А в школе тогда как учатца?

— Дак ты нашёл время пить. У тебя у трезвого-то не поймёшь, а уж выпимши — дак и я не разбираю, ково ворогозишь... Я чё, тебя не знаю? Сознавайся: сколь выпил? Ты на стопочке сроду не останавливался.

— Дак, паря, я свою норму знаю. Но врать не буду, хорошо с мужиками посидели — дело до песен дошло. Но, прошу заметить, тоже исключительно из-за немцев: дескать, пускай послушают. Всё-таки я не здря семь годов в школе отсидел. Не хуже тебя понимаю. Я вить не просто по-русски с нимя разговаривал, а с немецким акцентом! Навезли дундуков, вот и всё.

— Вай, ты уж помалкивай, грамотей. На моей памяти за все семь годов по немецкому-то один стих выучил...

— Во, даже стихи ихны знаю, выучил на память. Дак ишло и не один!

— Аха, стих... «Айне кляйне поросёнок вдоль по штрассе шуровал!» Вот стих дак стих! Ты разе чё добро выучишь?

— А другой забыла? «На дэр штуле я сiju и дас бух в руках держу». А ишло большой знаю: «Майн фатер вместе с муттер поехали на хутор. Не знаю, што случилось, но вскоре систер появилась». Да пошто ты меня никак не слушаешь-то? Всё-таки одново я нашёл нашенсково! Фриду-то не забыла? Он говорит, против почты-то жили? У них ишло больша семья была. Пять ли шесь ребят.

— Я чё забуду-то? Хороши все были. И чё?

— Дак ихный парень приехал. Средний. И так хорошо поразговаривали с ним.

— Вай, а а бы на Милю счас поглядела... Дак чё на одну Милю-то? Оне все хороши были, честные, работящие. Никому худово слова не сказали, никоно не украли. Но-ка сбегай-ка, погляди, её тут нету?

— Я её как узнаю, раз не видывал? Дай мне хоть каку-нить наводку...

Анюша остолбенела:

— Я те счас дам и на водку, и на закуску! Ты уж и совесть-ту всю пропил!

— Тьфу на тебя! Тебе самой водка мерёшшитца, а я виноватый. Ты мне Расскажи, как её узнать-то можно.

— Дак с тобой как с ума не сойдёшь? Вай, там не ихна ли машина проехала?

— А чья ишло? Слышишь, не по-нашему лопочут? Вот не ругалась бы, дак я бы сводил тебя туды, не одну бы Милю успели натти. Сама ревёшь, а я кругом виноватый. Да не переживай, их на Болтурин повезли. День-два поживут там. А к самолёту-то привезут, дак ты сходи туды. Даст Бог, увидите.

Пётр Усольцев Зауголыш

Деревенский баешник и присказитель Пудован Смолин успел в пенсионные годы хорошо наторить дорогу в тёплые края. Вчера он вернулся из очередной поездки к благодатному южному морю. Утром жена его ушла к дочери водиться с внуком, и Пудован был рад приходу сватья, старухи Даруши Сизовой по прозвищу Кабаниха.

— Не сидится же тебе дома-то, сват, — не то удивлялась, не то осуждала гостя. — Напрохот по городам да по курортам шваркаешь. Не боишься, что где-нибудь в очереди душу вынут или автобус стопчет? Нынче шофер-то, сам знаешь, сперва себя заправят, потом уж машину... Ну, соври что-нибудь. Где был, кого видел?

— В Сочах отдыхал, в море полоскался.

— Поглянулось?

— Знал бы, сидел на печи крепче, — невесело вздохнул Пудован. — Нервы только растюрюшил.

— Неуж деньги вытащили?

— Кабы деньги — полбеда. Родню встретил в Сочах. Да там же и потерял...

— Родню-у-у? Тебе кто её там посеял, батюшка? — подалась вперёд Даруша.

— Сын объявился... Японец он.

— Святая сила! Нерусский, что ли?

— Говорю — японец.

— Здорово живёшь! Сам русский, а сын японец. Боронишь сидишь.

— Мать у него японка.

— Свят Дух! Ты как на неё натокался?

— Я ведь, сватья, кое-где побывал на своём веку, всякого воздуха нанюхался. Довелось быть мне и в Порт-Артуре. Слыхала, в песне поётся: «И на Тихом океане свой закончили поход»? Так это в том краю. А там японцев в сорок пятом полно было, особенно женского полу.

— Ну, ты и не обробел?

— Угадала. Присушил одну. Заполыхала любовь. А напоследок она возьми да и роди. Тоже, докумилась. Всё кучкой ходила, а в тот день, как мне на поезд садиться, не говоря худого слова, рассыпалась. Только и успел узнать, что парнишка. На прощанье заявила, что домой в Японию наладится. А сына обещала Пудованом окрестить, в честь меня, стало быть. Да-а-а...

Рассказчик примолк. Закурил. Было видно, что в мыслях он сейчас далеко от родного дома. Не то в Порт-Артуре, не то в Сочи.

Даруша округлившимися глазами молча молила о продолжении исповеди. И Пудован явил милосердие:

— Я, конечно, и думать забыл про свою матаню. Когда было-то! И вдруг — такой факт. Иду в Сочах по парку, вижу — иностранцы. Гыр-гыр-гыр. По обличью вроде японцы. Народ они, скажу тебе, мелковатый. А один выделяется. Высо-окий! Как есть под матицу будет. И такой это... кубатуристый. Удивился я: что за выродок? И, скажи, чувствую, будто знаю его. Не то знакомый, не то родня, не то выпивали где. Да... А держится он чуть наособицу от остальных. Нюхает цветы, рассматривает что-то в траве, ну и не успевает за остальными. Смотрел я на него, смотрел, да и говорю себе: Пудован, а ведь он со щеки на тебя пошибает... Эх, ожгло меня! От верхушки до пяток. Ково делать? Дай-ка, думаю, обреву его. «Пудован!» Оглянулся он. Смотрит на меня. «Вас Пудованом зовут?» — спрашиваю, а сам уж молю Бога: хоть бы обознаться. Нет, кивает: «Пудованом! Пудованом!» — «А мать у тебя такая-то?» — «Такая-то!» Снова как кипятком меня окатило. Сгрёб его. Умываюсь слезами. Откуда взялись?! Целую его японскую морду. А он, конечно, с ума сошёл, барахтается. Давай выкладывать ему, кто мы с ним есть, какой верёвкой повязаны. Тут уж он мне упал на грудь: «Тятя!» — и назрыд. Кровь! А в их ватаге переполох. Напорхнули на нас, давай растаскивать. Насилу разняли. И сразу же всю компанию погнали дальше. Опаздывали куда-то, видимо. У иностранцев ведь всё строго, по расписанию. Так и не поговорили добром. Успел только крикнуть ему всугонь, чтобы поклон передал матери. Даже адресами не обменялись...

Пудован умолк. Кабаниха шмыгала носом и вытирала глаза углами цветастого полушалка.

— Значит, свёл Господь с сыном. Пересеклись пути-дороги. Через столько-то лет... Да! А это... алименты она не стригла с тебя?

— Пыталась. Как же. Да наш посол восстал: «Вы сперва докажите отцовство». Те тык-мык — и отступились.

— А что бы самому подсобить? У неё, помимо твоего зауголыша, может, ещё целый табун безотцовщины. Вот и вытягивайся, бабёнка, в нитку...

Даруша ещё повздыхала немного о бренности жизни вообще и о женской доле в особенности и засобиралась домой.

— Поползу. Растравил ты меня, сват. А сам-то в голову шибко не бери, главное — живой твой прынец.

Опростать переполненную чувствами душу старуха решила в магазине. Но он оказался безлюдным. За прилавком скучала молоденькая продавщица Клавка. Ей-то и выплеснула горячую новость Даруша, которая нашла совершенно другой отзвук в молодой душе.

— Ну закрутил сюжет Пудован Егорович! Хоть кино ставь по нему. Нормально! А ты бы спросила его, тётка Дарья: на каком языке они объяснялись? Японец ни фиги не понимает по-русски, а Пудован Егорович столько же по-японски. Сочинил он всё!

— Да ты что, Клавка, в уме? — опешила старуха. — Дитём разве шутят?!

— Было бы оно... Ты вот — дитё. Поверила.

Даруша обескураженно смотрела на продавщицу.

— А ты, девка, точно знаешь, что японцы не по-нашему толмачат?

— Вот темнота-то! — Клавка аж глаза закатила от удивления. — А почему они должны по-нашему разговаривать? Ты же не лопочешь по-ихнему. Нет, кино! Значит, говоришь, японец упал ему на грудь и кричит: «Тятя!»? — Клавка легла животом на прилавок и заколыхалась в беззвучном смехе.

Домой Даруша шла с по-детски обиженным лицом.

— Так мне и надо, — ворчала себе под нос. — Сама напросилась: «Соври чего-нибудь, Пудован, ради Христа». А ему дайся помыть зубы над старушонкой. Нет, встречу — настыжу рожу-то. Так растравить душу... Намолол, паря. На муку и на крупу. Да столько, что на добром коне не увезёшь. Ай да ботало коровье! Ай да хлопуша!

Марат Валеев

Эвенкийская жизнь

Записки газетчика

Здравствуй, Нижняя Тунгуска!

В 1989 году я, тогда собкор павлодарской областной газеты «Звезда Прииртышья» в Экибастузе, получил приглашение на работу в Туру, столицу Эвенкийского автономного округа (это где упал знаменитый Тунгусский метеорит и течёт описанная Вячеславом Шишковым замечательная Нижняя Тунгуска, выведенная им как Угрюм-река в одноимённом романе).

Наверное, я бы слукавил, если бы не пояснил, за каким чёртом меня понесло в эту прекрасную таёжную глушь. А всё было элементарно просто. Меня угораздило влюбиться, я разошёлся, Светлана ушла от своего мужа, и вот нас всяческими путями пытались растащить и вернуть в прежние семьи. Поэтому мы и решили уехать из Экибастуза куда подальше, где бы нас уже никто из ревнителей нравственности не достал.

И вот мы в Красноярске. В тот же день (было это восемнадцатого июня 1989 года) вылетаем из Черемшанки в Туру. Летим в маленьком Як-40 час, второй, и всё это время «под крылом самолёта о чём-то поёт зелёное море тайги». Садимся, выходим на бетонку аэродрома. Холодно, моросит мелкий дождь, а мы одеты очень легко. Верчу головой по сторонам: должен же подъехать за нами автобус. А его всё нет и нет. И народ тоже не расходится, все стоят неподалёку от приземлившегося самолёта, чего-то ждут.

Вдруг раздаётся рокот, над нашими головами висает и сваливается на бетонку чумазый вертолёт. Все спешат к нему. Светланка с Владиком (её девятилетний сын) с немим изумлением смотрят на меня, я — на них. Потом хватаем чемоданы и втискиваемся в эту винтокрылую машину, которую так близко мы все трое видим впервые.

Вертолёт задрожал и со свистом оторвался от земли. Летим стоя, салон набит битком — людьми, почтой, багажом. Пассажиры чинно беседуют, силясь перекричать грохот двигателя. Несколько минут полёта — и вертолёт высаживает нас в Туре уже по-настоящему, в местном порту. А перед этим, оказывается, был междугородный аэропорт Горный.

Снова изумляемся, впервые увидев деревянное, лубочно раскрашенное четырёхэтажное здание странной конфигурации (оказалось,

это административное здание Туринского авиапредприятия). Идём к выходу в посёлок, увязая в грязи. Нас никто не встречает, хотя телеграмму в редакцию я отбил.

Добираемся пешком. По дороге продолжаем устало удивляться. Бесстыже развалившимся там и тут коробам теплотрасс, бесцеремонности часто встречающихся мокрых грязных собак — они неспешно трусят по тротуару навстречу или валяются на нём и напроочь отказываются уступать дорогу,— обшарпанным домам, безлюдности улиц. Нутром чую: вот она, начинается наша северная жизнь. Глазами со Светланкой стараюсь не встречаться. Завёз, что называется...

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Редакция газеты «Советская Эвенкия» размещается в потемневшем от времени деревянном (да в Туре практически всё жильё и объекты соцкультбыта деревянные) здании, сумрачном и прохладном, как погреб в летнюю жару. Нас встречают доброжелательно и в то же время со сдержанным достоинством, за которым можно прочесть: «Мы-то здесь давно. Посмотрим, насколько вас хватит».

Редактор Эдуард Иванов, лысоватый, с простоватым лицом мужчины моих лет, создаёт впечатление своего парня. Так оно и есть, с ним легко и просто. Нам нужен угол — как-никак целая семья приехала. Иванов тащит нас к себе — его жена с детьми в отпуске, и он холостякует.

Живём несколько дней у него. В первую же ночь выхожу на улицу по потребности. Время около двух, а на улице светло, как днём. Сосед Иванова, насвистывая, красит лодку, по деревянному тротуару осторожно пробирается кошка с ошарашенными глазами.

Кошкам здесь очень несладко. Во-первых, эти истинные ночные хищники никак не возьмут в толк, почему здесь, когда их начинают выпускать на улицу, круглые сутки день; во-вторых, на улице им вовсе не до охоты: в Туре полно бродячих собак, для которых кошка сама становится объектом охоты — тот же соболь с виду.

Иванов договаривается с гостиницей, даёт нам на время крохотный и в то же время очень тяжёлый (железный, что ли?) редакционный телевизор «Романтик». Переезжаем в двухэтажку у здания аэропорта, занимаем одну из комнат на втором этаже.

Жизнь здесь развесёлая. Постоянно пьяные вопли, всё время кто-то путает двери — не успеваешь выталкивать непрошенных гостей; толпами, не обращая на тебя внимания, бродят тараканы, и понимаешь, что истинные хозяева в этом клоповнике — они. Светланка на грани срыва, но держится пока молодцом. Правда, иногда глубоко уходит в себя, в такие минуты её лучше не трогать. С ней происходит то, что происходит с тепличным цветком, пересаженным из комфортной оранжереи в открытый грунт. Наш союз проходит настоящее испытание на прочность вот этим вот первобытным бытом.

В зарплате мы потеряли оба. У меня как у собкора областной газеты вместе с гонорарами в иные месяцы выходило до четырёхсот, Светлана в отраслевой многотиражке стабильно получала свои триста. Здесь нас проводят корреспондентами, с районным коэффициентом (северных пока ноль) «зашибаем» на двоих в пределах пятисот — вот он, длинный северный рубль. Впрочем, на жизнь нам хватает, да и не за барышами мы сюда, по большому счёту, ехали.

Мы начинаем осваиваться. Иванов читает первые подготовленные нами материалы и веселеет. Скоро освобождается место заведующего отделом экономики, им становлюсь я. Первая командировка: с фотокором Владимиром Грошевым нас включают в специальную комиссию в составе представителей окружкома партии, окрсельхозуправления, райисполкома, кого-то там ещё. Летим на восток, в сёла Кислокан, Юкту Илимпейского района с целью проверить подготовленность хозяйств к зиме.

Везде проводим собрания (господи, и тут собрания — как же мы любим сотрясать воздух!), сопровождающие нас начальники записывают и делают вид, что запоминают, высказываемые обиды, предложения, критику. По многолетнему опыту знаю, что почти всё останется как было, без движения. Разве что газета потом лишний раз напомним, что не мешало бы сделать то-то и то-то.

В Юкте совхозная картошка может остаться под снегом. Завсельхозотделом окружкома партии Леонид Царьков, председатель райисполкома Юрий Сидоров матерятся и принимают дельное решение: помочь выкопать картошку. Правильно, пусть одним собранием будет меньше. Нас в группе человек восемь — чуть ли не половина рабочей силы Юкты. Выкапываем, собираем картоху, а руки уже мёрзнут, хотя на дворе только-только начался сентябрь. Впереди — наша первая северная зима.

Иванов нашёл для нас полуторку (однокомнатная квартира с большой кладовой, которая вполне сходит за вторую комнату) в длинном, сползающем уступами вниз по улице Увачана двухэтажном доме. Его здесь называют кто Корабликом, кто — Китайской стеной. Хозяйка квартиры на какое-то время уезжает в Ванавару и временно согласилась пустить нас (не бесплатно, конечно).

Квартира тёплая, и мы зимуем без проблем, хотя морозы просто потрясают воображение: минус сорок пять — сорок восемь весь декабрь (тридцать-сорок за мороз здесь не считается), пятьдесят три — пятьдесят пять пару недель в январе, и опять сорок пять — до марта. Впрочем, переносятся они даже легче, чем североказахстанские минус тридцать с ветром, главное — беречь нос и щёки да быть тепло обутым.

В такие морозы в Туре тишина — мёртвая, лишь стоит густой туман, да иногда гулко каркнет со столба огромный, величиной с гуся, аспидно-чёрный ворон. Из птиц только они в такие дни оживляют

промерзший насквозь пейзаж. Жалко бездомных собак. Они прячутся где-то в теплотрассах, но голод не тётка, и каждое свежевываленное в деревянный мусорный короб (непременный атрибут любого туринского двора) ведро с дымящимися объедками, нечистотами тут же привлекает к себе три-четыре крупно дрожащих псины.

Вытягивая от усилия шеи и царапая стенки мусорок когтями, они вскарабкиваются внутрь обледенелых ящиков и жадно пожирают всё, что хотя бы отдалённо похоже на съестное. Вспыхивают короткие ожесточённые схватки, свирепое рычание перемежается почти женским рыданием побеждённой более слабой шавки. Она кубарем катится вниз и с поджатым хвостом исчезает в морозной мгле... Вот такая она, северная жизнь...

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС

А помойки в Туре в начале девяностых годов всё беднее и беднее. Страна голодает, и дефицит еды проникает и на Север. Хотя с продуктами здесь было всегда получше, чем на материке. Я помню, как то ли в 1963-м, то ли в 1964 году — в целинном Казахстане! — люди давились в очередях за хлебом в нашем сельском магазинчике, в сутки его отпускали на человека всего по триста граммов. Когда уже работал в газете, в Железинке, являвшейся центром крупного животноводческого района, имевшей собственный маслозавод, огромные стада овец, крупного рогатого скота, свиней, с продуктами всегда было туго. Скот откармливали и вывозили на мясокомбинаты. Сливочное масло практически всё уходило в областной центр, а что оставалось — расходилось по так называемым закрытым учреждениям (больницам, детским садам — ну да это святое дело) да с заднего хода отпускалось блатным.

Особая примета тех лет: высокие глухие заборы вокруг усадеб главных районных, совхозных начальников, с задними калитками и воротами, откуда втихаря завозилась или заносилась — в зависимости от чина и объёмов — дефицитная жратва.

Мяса в свободной продаже, так же как и масла, практически никогда не было. Куда всё девалось — оставалось вечной загадкой. Ну не съедали же всё, что складывали в закрома родины неутомимые труженики села, советско-партийно-хозяйственные кадры? Даже если жрали в три горла, их, по сравнению с нынешней неимоверно расплодившейся чиновничьей братией, было всё же куда меньше.

Так или иначе, рядовой люд питался неизменным минтаем и хеком, субпродуктами, бычьими хвостами и говяжьими головами. В ходу был такой анекдот: «А почему ни у одной головы нет языка?» — «Да чтобы не проболталась, куда девалась туша!» Как-то железинцев порадовали: привезли несколько машин с маленькими, меньше бараньих, тушами сайгаков. Разобрали всё мгновенно. Но даже жареной сайгачатина оказалась малосъедобной, пресной и безвкусной. Похоже,

бедных животных сюда всё же не везли, а гнали пешком — тысячи километров, от самой балхашской полупустыни...

В Экибастузе жизнь до середины восьмидесятых годов была сытной. Это был город шахтёров, энергетиков, со статусом всесоюзной ударной комсомольской стройки, и снабжался он отменно. Колбасы — какие хочешь, во всяком случае, три-четыре сорта всегда присутствовали; мяса — навалом, кофе растворимый, сгущёнка, тушёнка... Коммунизм, да и только.

В то же время область голодала, в соседних российских регионах народ варил супы из рыбных консервов. И потому в Экибастузе всегда было полно машин из других казахстанских областей, с российскими номерами: люди приезжали сюда за едой, чтобы затариться впрок. И тогда ещё не делили на своих и чужих, отпускали всё и всем подряд. А уже ближе к перестройке и в первые годы правления Горбачёва даже в Экибастузе стали вводиться ограничения, дефицитом людей отоваривали (слово-то какое появилось тогда! На сленге оно ранее означало «дать в морду») уже преимущественно через предприятия, учреждения.

В Туре мы обрадовались, когда увидели в гастрономе ряды банок с тушёнкой и сгущёнкой. Думали, хоть здесь сохранилось изобилие. Фигушки! Оказалось, отоваривают только по спискам...

Чуть не погибли...

Жизнь на Крайнем Севере — это каждодневное испытание, это борьба за выживаемость, это никогда не прекращающаяся «экстремалка». И это не громкие слова, а простая констатация действительности. В Туре, как практически во всех любых других населённых пунктах округа, каждую зиму кто-нибудь замерзает насмерть. Обязательно перемерзается пара-тройка домов, учреждений. С небольшими промежутками бушуют пожары, в огне гибнут ветхое жильё, конторы, какие-то производственные объекты, люди.

Холодно в домах, стыло в учреждениях, вот народ и согревается, кто как может. После того как вернулась хозяйка занимаемой нами квартиры на Увачана, нам дали однокомнатную квартирёшку по улице Школьная (она редакционная и наконец освободилась). Единственное достоинство этого жилья — работа в сотне метров. Квартира на первом этаже, для Туры нет ничего хуже, и в этом я убеждаюсь с первыми крепкими морозами. Батареи едва дышат, хотя до котельной — только через теплотрассу перебраться. Когда на улице за сорок, вода в ведре на полу замерзает. Да что там в ведре — она и в подвесном умывальнике покрывается коркой льда. Жители регулярно навещают центральную котельную: проверить, не пьют ли кочегары. То же самое делают рейдовые бригады, милицейские наряды. Кочегары, конечно, пьют. Потерявших сознание увозят, на их место привозят трезвых. Но уголь дрянной, в нём больше породы,

и нужную температуру через прогнившие тепловые коммуникации нагнать почти невозможно. И потому все, кто может, ходят с вёдрами к угольным кучам у котельных. Хожу и я туда каждый вечер, как шахтёр к себе в забой на смену. Как ни придёшь, тебя обязательно встречают несколько стоящих в согбенной позе жителей окрестных домов, с матерками набивающих вёдра, мешки углём, который надо тут же, по ходу, отсортировать от кусков породы. Кочегары, время от времени выкатывающие из котельной тачки с дымящейся золой, косятся на нас: после каждого такого набега куча уменьшается, становится менее качественной, — но молчат. Да и что тут скажешь?

Прежде чем улечься спать, я вытапливаю в печке до шести вёдер угля (они превращаются в четыре ведра золы — вот такое качество привозного угля. Абсурдно, но на территории Эвенкии при этом находится крупнейший в стране и совершенно ещё не тронутый угольный бассейн — Тунгусбасс). В метре и выше от пола почти жарко, а ногам по-прежнему холодно; квартирка, в которой мы живём, тепла совершенно не держит. Я прикрываю печную вьюшку, чтобы тепло не так быстро покинуло наше жилище. Утром встаём в уже напроочь выстывшей квартире. Но топить некогда, теперь уже до вечера.

Однажды утром с невероятным трудом просыпаюсь от жалобного стона Светланки. Голова раскалывается, перед глазами всё плывёт. Жена, не открывая глаз, всё время повторяет одно и то же: — Марат, дай лекарство, у меня голова сильно болит!

На ватных ногах, пересиливая приступ тошноты, добираюсь до окна и выбиваю стекло в законопаченной двойной форточке. Оживаю с каждым глотком морозного воздуха, бегу к соседям вызвать по телефону скорую помощь: мы явно угорели. Светланка лежит с лицом, белым как полотно, её рвёт. Приехавшая фельдшерица выслушивает мой сбивчивый рассказ и делает Светланке какой-то укол. Медичка внешне спокойна, но глаза испуганные. Она, как и я, понимает, что мы чудом избежали гибели. Скорая уезжает, я ставлю на стул у постели жены чашку горячего чая с лимоном, но она заснула. Я ухожу на кухню, закуриваю и кашляю, кашляю, сдерживая сухие рыдания. Господи, я ведь чуть не убил нас обоих (Владика после первой же зимы от греха подальше отвезли к его бабушке в Кзыл-Орду)! Лишь потом выяснилось, что я после того, как протопил на ночь печь, сделал всё правильно. Это Светка посчитала, что я неглубоко толкнул печную задвижку, ей было жаль уходящего тепла, и она подтолкнула задвижку ещё немного. Спать-то было тепло, но мы ведь могли и не проснуться...

...И О ТЕХ, КТО ПОГИБ

Я продолжаю учёбу в университете, пишу вечерами контрольные, курсовые, зубрю марксистско-ленинскую философию (будь она неладна — совершенно не поддаётся осмыслению и заучиванию).

И каждый год в марте улетаю на сорок дней в Алма-Ату на экзаменационную сессию. У нас ещё тридцатиградусные морозы, а в Алма-Ате всё зелено, зацветают яблони и вишни, теплынь. Учёба мне даётся, в принципе, легко, дни летят за днями. С сокурсниками начинал казахстанцем, продолжаю россиянином, жителем Крайнего Севера. Всем крайне интересно, что такое Эвенкия, где она, что за люди там живут. Признаться, рассказчик я неважный. А тут слушают, с любопытством шуршат страницами привезённых мной экземпляров настоящей северной газеты, где чуть ли не в каждом номере запросто пишется об охоте на соболя, об оленеводах и геологах, на снимках — сцены из таёжной жизни, с чумами, оленями. Этот колорит, романтика всех завораживают, и я предпочитаю не распространяться, что на самом деле за ними стоит. Но вот все зачёты, экзамены сданы, в зачётной книжке — заветная запись о переводе на следующий курс. В Алма-Ате совсем жарко, когда я занимаю место в отлетающем на Красноярск Ту-154 студентом уже четвёртого курса КазГУ. В красноярском местном аэропорту Черемшанка, как всегда, полно народа, билетов на Туру нет. Не помню ни одного случая, чтобы вернулся домой с сессии, вообще откуда-либо через эту чёртову Черемшанку без того, чтобы не провести здесь несколько дней, — или погоды нет, или билетов. А в самолёте затем обязательно обнаруживаются несколько пустых мест. Это челноки скупают места для своего товара. И никому дела нет, что ты всей душой рвёшься домой — истомился за полтора месяца. С тех пор я не люблю Черемшанку. Впрочем, в Емельяново не лучше — и этот, теперь уже международный, аэропорт также нередко мордует звереющих от долгого ожидания вылета домой северян.

Но вот я, счастливый, спешу по грязным, раскисшим улицам Туры — уже май, и здесь тоже весна, — домой. По дороге встречаю нашего корректора Елену Лелис. На минутку останавливаюсь, чтобы поздороваться, узнать последние новости. И как обухом по голове: нашего редактора Эдуарда Иванова уже нет в живых. Светланка при последнем телефонном разговоре со мной утаила горькую весть — боялась, что это помешает мне сдать последний экзамен. Спрашиваю, что да как. Повесился у себя дома в ночь на первое мая 1991 года, на детской скакалке. Ну не было у него видимых причин для самоубийства: нельзя же домашние ссоры, неурядицы отнести к таковым? А вот пожалуйста — в сорок лет поставил точку в своей жизни. На могиле ему поставили стилизованный памятник — симбиоз пера и гитары. Они в его жизни были неразделимы, журналист, редактор Эдуард Иванов любил петь под гитару. Он вообще много чего любил, и особенно рыбалку на хариуса в верховьях Тембенчи. Так любить жизнь и добровольно уйти из неё — не понимаю. Но и не осуждаю — это уже не в нашей компетенции.

Увы, но это не последняя наша потеря. Через полгода, не дожив даже до северной пенсии, неожиданно умирает Ю. А. Шебалин. Его

нашли ничком лежащим в теплице — прихватило сердце. Оно у него и так было не железным. А тут грянул августовский путч. Шебалин, обладая в это время правом подписи газеты, открыто высказался в поддержку гэкачепистов в редакционном, то есть не подписанном, материале, таким образом вольно или невольно выдав своё собственное мнение за позицию всей редакции. Разразился скандал, и.о. редактора Наталью Свиридову, вернувшуюся к тому времени то ли из отпуска, то ли из командировки, потащили на расправу в администрацию округа, в крайуприздат. Дело завершается тем, что Шебалина понижают в должности до заведующего отделом. Сказать, что Юрий Александрович переживал, — значит, ничего не сказать...

Хороним Юрия Александровича недалеко от Иванова, обязательно навещаем их как в родительский день, так и в годовщину смерти, они ещё долго как бы остаются членами редакционного коллектива и будут оставаться, пока мы их помним.

А теперь надо ещё навещать и Володю Полунина, директора типографии, добродушного, никогда не унывающего толстяка. Неподальёку от Ванавары на берег таёжной речки Чамбы падает пассажирский Як-40. Гибнут все пассажиры и члены экипажа — всего около тридцати человек. И среди них жена Полунина. После похорон Любаши (так ласково он называл свою жену) Полунин какое-то время ещё крепился. А потом сорвался... Нашли его дома в петле, стоящим на коленках. Хоронили на новом кладбище — Тура за семьдесят с небольшим лет своего существования, с максимальным количеством населения в семь тысяч человек, заполнила уже два погоста в поселковой черте, интенсивно «обживает» третье, в тайге. Средний возраст лежащих там мужчин — сорок — сорок пять лет...

ВЫБОРНАЯ ЭПОПЕЯ

Наш огромный по площади округ (765 тысяч квадратных километров — спокойно можно разместить целый ряд европейских государств, хотя вряд ли они согласятся) настолько мал по численности населения как субъект федерации — нет даже двадцати тысяч человек, — что здесь, кажется, все знают друг друга.

С Александром Боковиковым я познакомился, когда его после директорства в совхозе «Кислоканский» назначили начальником управления сельского хозяйства. Несколько раз брал у него интервью. Круглолицый, улыбчивый, дружелюбный, весь такой свойский из себя.

Он вырос здесь, в Эвенкии, завзятый охотник и рыбак, имеет даже свой промысловый участок в тайге (впрочем, это обычное явление — тайги здесь море, почти по сорок квадратных километров на брата). Сноровистый, с деловой хваткой, при этом — человек широкой души, очень демократичный. Охотно идёт на контакт с журналистами, никогда не откажется от предоставления нужной для местных газеты и телевидения информации. Когда страна азартно кинулась осваивать

рынок, образовал одно из первых в округе коммерческих предприятий «Контакт» по закупке у промысловиков пушнины, взамен поставляя снаряжение, продукты, товары, открыл сеть магазинов. Дела его пошли в гору, рос и авторитет среди местного населения — удачливым ведь не только завидуют, их ещё и любят.

Главой администрации округа тогда был Анатолий Михайлович Якимов, бывший начальник Эвенкийской геофизической экспедиции. Полная противоположность Боковикову: худой, немногословный, интеллигентный, без коммерческой жилки, он также был уважаем эвенкийцами — как, видимо, последний из представителей такого разряда руководителей, ещё советской, в лучшем смысле этого слова, подготовки.

Когда округ стал самостоятельным, а дела в стране шли всё хуже и хуже, на Эвенкию, почти полностью дотируемую из федерального бюджета, беды посыпались одна за другой. Объёмы финансирования всё сокращались, задержки выплаты зарплаты бюджетникам становились всё длительней, с огромным трудом налаженное за десятилетия сельское хозяйство рушилось на глазах, одна за другой сворачивались геологические экспедиции, росла безработица. Эвенкия начала бедствовать, и это при том, что в её подземных кладовых было столько сокровищ — нефти, газа, угля, редких металлов, золота, алмазов, что куда там Али-Бабе с его несчастной пещерой! Но месторождения были ещё не до конца разведаны и расположены в таких неудобных и отдалённых местах, что освоение их выливалось в астрономические суммы. Никто не решался влезть в это дорогостоящее предприятие — ни родное государство, ни крупные забугорные компании, представители которых время от времени наезжали в Эвенкию, приценивались, восхищённо мотали головами, но тут же сокрушённо выставляли перед собой холёные ладони: дорого!

В Москву «выбивать» деньги, или трансферты, представители администрации Эвенкии ездили целыми бригадами, потерянно бродили по многочисленным правительственным и министерским коридорам, трясли пачками отчётов, расчётов, проектов, доказывая необходимость увеличения финансирования северной территории. Но дать больше нам попросту означало недодать какой-то другой территории. Денег же в стране становилось всё меньше...

А тут ещё в Туре в самом начале лета сгорела центральная дизельная электростанция, и столица Эвенкии на несколько месяцев осталась без света. Чёрт знает где закупили какие-то дорожные военные мобильные электростанции, караваном (так здесь называют навигацию) привезли в Туру. А они по каким-то параметрам не подошли, и посёлок продолжал сидеть без света. Народ обозлился на власть, и в первую очередь, конечно, на главу администрации Якимова. С огромным трудом к осени энергетический кризис был преодолён, но доверие к Якимову было уже подорвано.

Вот с таким багажом он пошёл на выборы главы Эвенкии в 1996 году (впервые после назначения в 1992 году). Основным его соперником стал Александр Александрович (попросту — Сан Саныч) Боковиков, к тому времени уже умудрившийся сначала пройти в депутаты окружного Суглана (Законодательного собрания), а затем и возглавить его. Реальным соперником, поскольку, во-первых, авторитет его к тому времени среди населения был ничуть не ниже, чем у Якимова, во-вторых, он сплотил под своими «знамёнами» многих недовольных работой администрации Якимова влиятельных людей. Нашлись у него и деньги на выборную кампанию, и когда агитация была официально разрешена, он завалил округ литературой, плакатами, эвенкийские фактории — гуманитарной помощью «имени Сан Саныча».

В общем, впервые за свою историю округ раскололся надвое — на «якимовцев» и «боковиковцев». Люди спорили между собой до хрипоты, чей кандидат лучше; доходило до драк. Один из замов начальника УВД Эвенкии во время какой-то пирушки в кафе вытащил пистолет и выстрелил в потолок (или в пол — не суть важно), крича, что вот так он всех перестреляет, кто не проголосует за Боковикова. Мы тут же использовали и этот факт против своего оппонента. К выборам обстановка в округе накалилась до предела. Проводимые опросы показывали, что силы кандидатов примерно равны. Но выборы, с небольшим перевесом, выиграл... Боковиков.

СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ

Наступил 1999 год. У Александра Александровича Боковикова, к тому времени ставшего в законодательном порядке уже губернатором Эвенкии (для повышения статуса и значимости должности главы субъекта федерации), начались серьёзные проблемы. У администрации не было денег на решение взятых на себя обязательств. Собственных доходов — кот наплакал (да и откуда им было взяться?), а Москва сама бедствовала и, соответственно, давала трансферты дотационным территориям «по бедности». Округу на жизнь в год надо было в пределах двух с половиной миллиардов рублей, получали же что-то в пределах миллиарда. Но и эти деньги давали обычно с большим опозданием, и их ни на что не хватало. Для нормальной жизнедеятельности округа главным было — закупить в необходимом количестве уголь, солярку и масло, бензин, сырую нефть для дизельных электростанций и завезти всё это добро по воде в весенне-летнюю навигацию, для того чтобы перезимовать в тепле и со светом.

У Боковикова, как он ни изворачивался, денег не хватило ни на закупку горючего и топлива в нужных объёмах, ни на своевременную их доставку в округ. Вернее будет сказать — в Туру, наиболее зависимую, по сравнению с Ванаварой и Байkitом, от водной навигации. Того, что было припасено на зиму, катастрофически не хватало до прихода очередного каравана.

И буквально в ночь с тридцать первого декабря 1999 года на первое января 2000 года Тура погрузилась во тьму: в целях экономии солярки было решено до весны прекратить подачу света в жилые массивы столицы Эвенкии, резко ограничить — для учреждений и организаций. В том числе и для администрации округа. Я, к тому времени ставший редактором окружной газеты, брал интервью у губернатора самостоятельного субъекта Российской Федерации, члена Совета Федерации Боковикова в его кабинете при свете... керосиновой лампы, при зыбком свете этой же коптилки по сумрачным утрам у него проводились и планёрки.

Котельные также работали в режиме экономии, из-за чего температура в коммуникациях была ниже требуемой, и в ту зиму в Туре были разморожены несколько зданий, в том числе и жильё. Некоторые туринцы перешли жить в собственные бани, в свои рабочие кабинеты, в котельные. У нас в редакции поселилась семья бывшего директора типографии Феликса Буйновского (их двухэтажный многоквартирный дом сгорел — пожары в ту зиму были частыми из-за неосторожного обращения людей с огнём), они же были и сторожами. Я написал фельетон на эту тему «На работе как дома», хотя газета с ним вышла, по-моему, лишь через пару недель, когда удалось выловить запившего в очередной раз печатника и поставить его к машине.

Обедали мы на работе — супы забирали с собой утром из дома, разогревали в кабинете на плитке. Как никогда поднялся спрос на дрова, цена на них тут же резко подскочила, но, несмотря на это, кучи дров выросли во всех дворах. Их разворовывали все кому не лень. Купили полмашины дров и мы со Светкой. Я их колол, жена носила в дом и складывала в поленницу... в прихожей (благо она у нас огромная). Пример подала соседка, Аня Саливончик. Ей надоело наблюдать, как её поленница день ото дня «худеет», и она перенесла все до одного полена в дом.

В красноярских газетах, программах краевого телевидения одна за другой стали появляться злорадные и во многом путанные, лживые публикации (делались туманные намёки на криминальную подоплёку всей этой истории: «А куда девались деньги на северный завоз?»). Боковиков судорожно метался в поисках выхода из этой чудовищной ситуации. Здорово помогли якуты: Сан Саныч договорился с Вячеславом Штыровым, хозяином всесильной алмазной компании «Алроса», на товарный кредит, и солярку в Туру стали возить авиацией из Мирного, что довело многие российские и краевые газеты до истерики. А губернатор Красноярского края Лебедь молчал — он уже тогда задумал вернуть Эвенкию обратно в лоно края и ждал, когда Боковиков сам к нему обратится за помощью, чтобы потом сказать: «Вот видите, они без нас ничего не могут». Боковиков к нему не шёл. Потом к спасению Эвенкии подключился и министр по делам ГО и ЧС Сергей Шойгу (почему-то все СМИ края и страны трубили о том,

что вымерзает и голодает именно весь округ, хотя острый дефицит топлива был только в Туре).

Как-то ближе к весне у нас в квартире неожиданно загорелся свет. Господи, неужели конец нашим мукам? Хотя я и знал, что этого не должно быть до прихода первых судов с горючим, но затеплилась надежда: может быть, произошло какое-то чудо, и солярки навозили по зимникам и авиацией столько, что теперь её хватает? Или энергетики по каким-то стратегическим соображениям решили давать свет в наш микрорайон? На всякий случай позвонил на центральную ДЭС и поинтересовался:

— Мужики, у меня дома свет загорелся. Это как, насовсем или временно?

— По какому адресу? — насторожились на том конце провода.

Я добросовестно ответил.

— Ошибочка произошла. Сейчас исправим, — сказали мне.

И через несколько минут свет в нашем доме погас. До июня.

— Зачем ты им позвонил? — заплакала измученная этой беспросветной жизнью Светланка. — Пусть бы горел, я бы хоть нормально постиралась!

Бедному Боковикову в эти дни должно было икаться со страшной силой. Ладно, что его ругали газеты, — он, да и мы все в округе к этому уже привыкли. К тому времени в Красноярске образовалась мощная оппозиционная группа, поставившая перед собой цель «сковырнуть» Боковикова.

Для Сан Саныча куда страшнее было, что в нём разочаровались его земляки. И как ни пыталась пресс-служба разъяснить населению, что энергетический кризис возник по объективным причинам, недовольство людей росло.

Да это и понятно: ты шёл во власть, чтобы обеспечить людям нормальную жизнь, а коль её нет, то виноват во всём только ты, поскольку ты — власть. И хотя Боковиков и его семья первое время также сидели без света (это уже к концу зимы 1999–2000 года к его дому открыто протянули «аварийку» — отдельный электрокабель, а до него тайно пробросили к себе эти «аварийки» многие ушлые туринцы), на заборах в Туре стали появляться оскорбительные для Боковикова надписи. Его отлавливали на улицах, в магазинах, в порту и высказывали в лицо всё, что о нём думали: кто — интеллигентно, а кто и по-свойски. Дошло до оскорбления его дочерей в школе, а дом его однажды «атаковали»: во двор к Боковикувым, пробив забор, въехал тяжёлый грузовик. Правда, дело это замяли, квалифицировав как обычное дорожное происшествие: мол, пьяный водитель просто не справился с управлением.

КАК ШУМЕЙКО «ПРОЛЕТЕЛ»

В ту пору по Эвенкии прокатилась череда скандалов, прогремевших на всю страну. И одним из таких инцидентов (скорее из разряда

курьёзных), стала попытка бывшего председателя Совета Федерации (1994–1996 годов) Владимира Филипповича Шумейко избраться в... Законодательное собрание (Суглан) Эвенкийского автономного округа.

Спрашивается: что здесь потеряла птица столь высокого полёта, какие цели она преследовала, пытаясь угнездиться за тридевять земель от первопрестольной? Чтобы понять суть происходящего, придётся сделать небольшой экскурс в богатую событиями биографию известного в своё время политика.

Владимир Филиппович окончил Краснодарский политехнический институт, защитил степень кандидата, затем доктора экономических наук, стал профессором. Работал во ВНИИ электроизмерительных приборов, был генеральным директором ПО «Краснодарский завод измерительных приборов»; в 1990 году был избран народным депутатом РФ, членом Верховного Совета РФ, являлся заместителем председателя Комитета Верховного Совета по вопросам экономической реформы и собственности и председателем Комиссии Совета Национальностей Верховного Совета по культурному и природному наследию народов РСФСР.

В 1994–1996 годах — председатель Совета Федерации; был председателем Совета межпарламентской ассамблеи Содружества независимых государств, членом Совета безопасности РФ; за его плечами также исполнение обязанностей президента Конфедерации предпринимателей России, председателя совета Лиги мира, председателя правления Ассоциации городов юга России.

После изменения в конце 1995 года принципов формирования Совета Федерации (который стал состоять из губернаторов и председателей региональных дум) Шумейко перестал быть его членом и сложил председательские полномочия. Кроме того, оказался вдруг замешан в крупном коррупционном скандале, из которого вышел почти сухим, но всё же с подмоченной репутацией. Это основательно мешало ему вернуться в большую политику, и Владимиру Филипповичу пришла в голову идея «зайти с тыла». То есть избраться в законодательный орган одной из автономных территорий, подвинуть там кого-либо из первых лиц (того же председателя Заксобрания) и таким образом автоматически стать членом Совета Федерации. А там, чем чёрт не шутит, вновь вернуться на первые роли!

Таким плацдармом для прыжка наверх была избрана Эвенкия, и не без помощи тогдашнего губернатора А. А. Боковикова, которому Владимир Шумейко, имевший огромные связи в Москве со многими влиятельными структурами и ведомствами, оказал некоторые услуги как руководителю территории.

В благодарность за это и с дальним прицелом иметь в Совете Федерации в последующем «своего» влиятельного человека, Боковиков поспособствовал тому, чтобы Шумейко прилетел в июне 1999 года

в Эвенкию и зарегистрировался одним из кандидатов в депутаты окружного Законодательного собрания (Суглана), возглавляемого в то время Анатолием Егоровичем Амосовым. Причём от одного из немногочисленных избирательных округов — Тутончанского, № 11, в котором было всего 396 избирателей. Для того чтобы зарегистрироваться в окружной избирательной комиссии, Шумейко было достаточно собрать всего восемь (!) подписей избирателей, а чтобы перейти из разряда кандидатов в полноценные депутаты, хватило бы всего 180 голосов. С учётом предполагаемых затрат на избирательную кампанию, она должна была стать одной из самых малозатратных.

И вроде всё складывалось в пользу залётного кандидата: и зарегистрировался без проблем, и времени на общение с четырьмя сотнями (без малого) гипотетических избирателей хватало, так как летал Шумейко к ним на вертолёте, пожал почти всем руки в трёх сёлах, ну и подарки вручались от его имени. А как без них? Казалось, вот оно, депутатство, в кармане, а там спустя какое-то время остаётся лишь «поработать» с остальными депутатами, чтобы убедить их избрать его своим спикером, и — здравствуй, Совет Федерации! Не ждали? А я тут как тут...

Но чужаков, тем более таких бесцеремонных и считающих, что деньги и влияние решают всё, не любят нигде. Не понравилась закулисная возня с Шумейко и эвенкийцам. Особенно вроде бы таким же кандидатам в депутаты, как он, но заведомо поставленным в неравные условия. Именно об этом и написала с возмущением в своём исковом заявлении в Эвенкийский окружной суд кандидат в депутаты от того же Тутончанского избирательного округа, руководитель Ассоциации коренных малочисленных народов Севера «Арун» («Возрождение») Марина Смирнова.

Она сообщала в суд, что находится в неравных условиях с кандидатом из Москвы и, в частности, указывала на то, что один из благотворительных фондов Красноярска бесплатно передавал избирателям в Эвенкии гуманитарный груз от имени Шумейко, и её аргументация убедила суд. Шумейко на выездном заседании суда в Тутончанах был лишён кандидатской регистрации — главным образом, за подкуп избирателей (при этом другие приведённые аргументы — о том, что Шумейко не является жителем Эвенкии и в своей избирательной кампании явно пользуется административным ресурсом, — во внимание взяты не были).

Не ожидавший такого поворота событий Шумейко пытался опротестовать решение Эвенкийского окружного суда в Москве, даже ходили слухи, что эвенкийского судью пытались подкупить, чтобы он отменил своё решение. Но всё было безрезультатным, решение окружного суда осталось неизменным, и Шумейко пришлось вернуться в Москву, что называется, не солоно хлебавши...

И на этот скандал в июле 1999 года многие издания, от краевых до столичных, отзывались очень ехидными статьями и комментариями,

смысл которых сводился к тому, что даже такой небольшой субъект федерации, как мало кому тогда известная Эвенкия, «прокатил» такое влиятельное лицо, как Шумейко, когда он попытался использовать его как трамплин для возвращения в большую политику.

СКАЖИ МНЕ, КТО ТВОЙ ВРАГ...

Но вернёмся к основной теме нашего рассказа. Кончилась, наконец, и эта чудовищная зима 1999–2000 года. В начале июня победно затрубили подошедшие к причалам окружного центра первые танкеры с соляркой, и в квартирах туринцев наконец загорелся свет, заурчали холодильники, забормотали телевизоры.

Жизнь как будто пошла своим чередом. На самом деле это означало, что ситуация в округе оставалась прежней: денег ни на что не хватало. А впереди была следующая зима, и опять надо было закупать и завозить уголь, солярку, бензин, маслѧ. Трансферты по-прежнему приходили с большим опозданием. И совсем не в том объѧме, какие нужны были для обеспечения нормальной жизни. Оставались проблемы с выплатой зарплаты, опять округ не мог вовремя рассчитаться за покупку и вывоз нефтепродуктов. Красноярское речное пароходство приступило к навигации в Эвенкии, ещё не до конца получив заработанные средства за прошлый завоз. Когда суда уже были на подходе к Нижней Тунгуске, начальник пароходства Иван Булава останавливал флот и периодически угрожал Боковикову, что повернѧт нефтеналивы обратно, если округ не расплатится.

В Эвенкию зачастили «сборные» комиссии, в которые входили чиновники министерства финансов, института полномочного представителя президента в Красноярском крае, Эвенкии и Таймыре, чины из МЧС, пароходства, администрации Красноярского края. Обычно комиссии эти сопровождали целые бригады наших коллег из московских, краевых газет, телевидения, после отъезда которых на свет появлялись репортажи, комментарии явно заказного характера — Боковикова продолжали «топить». И было это несложно.

В округ снова было завезено недостаточно топлива, и ближе к весне 2001 года в Туре опять пошли веерные отключения. Туринцы, наученные горьким опытом прошлой зимы, к этой подошли во всеоружии: все с дровами, лампами, какими-то керогазами, газовыми печками. Я купил аккумуляторы к маленькому кухонному телевизору, раздобыл самодельное зарядное устройство, и когда периодически гас свет (обычно на пару часов), их энергии хватало, чтобы посмотреть выпуски новостей и даже часть какого-нибудь фильма.

А сосед снизу где-то раздобыл громоздкую полевую дизельную электростанцию (в Туре кое у кого появились даже миниатюрные японские, американские бензиновые движки) и запихал её в контейнер, стоящий под окнами дома. И как только гас свет, Олег выходил на улицу, с грохотом открывал контейнер и, светя себе фонариком,

с полчаса возился в нём, гремя ключами и шипя паяльной лампой. Наконец движок благодарно чихал и начинал громко тарыхтеть и вонять на всю округу отработанной соляркой. Зато семья Олега час-полтора сидела со своим светом, пока в дом не возвращалась большая электроэнергия.

«Эвенкийская жизнь» в те дни, когда регулярно ломавшуюся офсетную печатную машину отечественного производства удавалось вновь запустить, из номера в номер рассказывала, сколько подвезли нефти и солярки из Байкита и Ванавары, Усть-Кута по автозимникам (всё это буквально с колёс сжигалось на дизельных электростанциях, в топках котельных), какой запас ГСМ ещё есть на нефтебазе и хватит ли его до весеннего каравана, ругалась по поводу того, что энергетики никак не борются с ловкачами, крадущими электроэнергию путём несанкционированного подключения так называемых «авариек» к магистральным сетям (ещё бы они боролись — многие энергетики сами воровали ток таким образом, существовала даже негласная такса на проброску кабелей от линий электропередач к отдельным квартирам или частным домам).

И тут пришёл ЮКОС

Сан Санычу, как и его предшественнику, весьма озабоченному поисками инвесторов, удалось заинтересовать богатейшей и перспективнейшей группой нефтяных месторождений, известных под названием Юрубчено-Тохомская зона (ЮТЗ), НК ЮКОС, находившуюся в то время в расцвете своих сил и возможностей. Основные работы ЮКОС вёл в Западной Сибири, но, как утверждали аналитики в области нефтяной промышленности, за десятилетия эксплуатации тамошние запасы нефти сильно истощились. А поскольку ресурсы эти невозобновляемые, то компании, естественно, надо было приращивать запасы углеводородов. И владелец ЮКОСа Михаил Ходорковский обратил свой молодой и цепкий взор на Эвенкию. Я бы на его месте сделал то же самое. Эвенкия была самостоятельным субъектом федерации, населения в ней — кот наплакал, меньше двадцати тысяч, полезных ископаемых в недрах — каких хочешь: нефть, уголь, газ, рассолы тяжёлых металлов, предполагаемые алмазные кимберлитовые трубки, редкоземельные металлы. И всё это — в таёжной глуши, при полном отсутствии инфраструктуры, куда обнищавшее государство не сунется ещё не один десяток лет. Чем не стратегический резерв, причём измеряемый астрономическими цифрами? Если речь о газе — то миллиарды кубических метров, если о нефти — то миллионы тонн. И ЮКОС решил «посадить» сюда своего губернатора.

На эту ответственную роль выдвинули одного из ведущих топ-менеджеров компании, харизматичного Бориса Золотарёва. Умный, фотогеничный, спортивного телосложения, с красивой сединой, он сразу «глянулся» многим эвенкийцам, особенно, конечно, женщинам.

В округ Золотарёв приехал за несколько месяцев до начала выборной кампании, ещё в начале зимы, сколотил свой штаб, обосновавшийся в двухэтажном здании напротив редакции. Боковиков, имевший неплохие шансы вновь стать губернатором (несмотря на всё вышесказанное) по той простой причине, что многие эвенкийцы не хотели пускать к себе «варягов», а Сан Саныч был свой и ему многое прощалось, вдруг открыто заявил, что сходит с выборной дистанции и просит свой электорат голосовать за Бориса Золотарёва.

Своё решение он объяснял тем, что государство не в состоянии содержать северные окраины, в том числе, если не в первую очередь, Эвенкию, не имеющую собственной доходной базы. И ситуация, сходная с зимой 1999–2000 года, может повториться ещё не раз. А ЮКОС заинтересован в Эвенкии и намерен всерьёз обосноваться здесь, и потому будет оказывать всяческое содействие своему ставленнику, то бишь Золотарёву. Боковиков вызывал к себе руководителей предприятий и организаций по одному и просил понять и поддержать его решение. Разговаривал он на эту тему и со мной.

Мы все понимали, что у округа просто нет будущего без развития экономической базы, а ЮКОС сможет это сделать.

Ясно было и то, что Сан Саныч уступает своё место Золотарёву не бесплатно, наверняка ЮКОС дал ему хорошего отступного. Но, положив руку на сердце, кто бы в этой ситуации поступил иначе? Васильев же многим не нравился потому, что, став губернатором, тут же развернул бы кипучую деятельность по переподчинению округа краю.

А нам уже пришлось по душе быть хоть и бедными, но самостоятельными — со своим парламентом, своими законами, своими гербом и гимном, далеко простирающимися амбициями. Ладно бы край жил богато. Но он сам из донорского региона превратился в дотационный. С нами граничил Туруханский район, так вот он жил в десять раз хуже нашего, хотя, казалось бы, куда ещё хуже. А ЮКОС был самым настоящим государством в государстве, у него была своя столица, он строил города, на него работали сотни тысяч людей, обеспечивая компании многомиллиардные доходы. Так, может, он и нас «поднимет?»

В округ приехал сам Ходорковский. Молодой, симпатичный, очень демократично ведущий себя, он на встречах с жителями округа буквально очаровывал их, рисуя в выступлениях точными мазками недалёкое будущее Эвенкии: в 2008 году будет добыто столько-то нефти, в окружной бюджет попадёт столько-то сотен тысяч долларов, в 2014-м — нефти будет уже столько, а счёт доходам пойдёт на миллионы долларов. Разумеется, и ЮКОСу от этого будет хорошо, а иначе какой смысл братья за доразведку и эксплуатацию наших труднодоступных месторождений?

Михаил Борисович, стоя на сцене окружного Дома культуры в потёртых джинсах и изредка поматывая головой в такт своим словам

(есть у него такая особенность), водил лазерной указкой по экрану, проецирующему все эти цифры, диаграммы, а у слушателей перед глазами вставали новые дома, Дворцы спорта, заасфальтированные улицы Туры... Каждый уже считал себя акционером ЮКОСа. Мы поверили, что компании, имеющей козырный интерес в округе, ничего не стоит осчастливить несчастные два десятка тысяч человек.

Ближе к весне мы получили и установили ризограф в бывшем линотипном цехе, стали выпускать газету форматом А4 на восьми полосах и не могли нарадоваться. В соседнем помещении молча стояла холодная капризная машина весом в несколько тонн, скреплённая многими сотнями болтов, гаек, валов и валиков, в которую было вбухано несметное количество денег, но так и не оправдавшая наших надежд и проевшая мне всю плешь, и вот эта покрытая пластиком малютка весом всего в центнер, управляемая тремя-четырьмя кнопками, безотказная, печатающая с прекрасным качеством на любой задаваемой скорости,— они олицетворяли собой уходящую и наступающую эпохи.

Ризографу можно было дать задание — скажем, напечатать 1238 экземпляров,— и смело идти заниматься другим делом, машина дальше трудилась сама. Мы купили этот множительный аппарат без всяких «наворотов», а если бы обзавелись и различными приставками, то шла бы ещё и автоматическая фальцовка, брошюровка. Можно было прикупить дополнительные барабаны и печатать газету в два, в три цвета. Но мы поскромничали, когда просили денег на эту умную машину.

Впрочем, в наших условиях больше ничего и не надо было. На печатание газеты — тираж её к тому времени был установлен в пределах двух тысяч экземпляров — уходило не более часа. Всё остальное время можно было выполнять иные заказы — с ресурсом ризографа в восемь миллионов экземпляров округ можно было завалить печатной продукцией вдоль и поперёк. И заказы пошли — на самые разные бланки. На доходы от них мы купили факс, ксерокс, радиотелефон с несколькими трубками, позже — цифровые диктофон и фотоаппарат, в кассе у нас теперь всегда водилась наличность, и не надо было писать заявки в управление финансов, чтобы покупать ручки, блокноты, скрепки, клей, конверты, прочую канцелярскую мелочь. Ах, если бы этот ризограф был рассчитан на формат А2, который затем фальцевался (перегибался пополам после печати) на формат нашей газеты, то есть А3, ему бы вовсе цены не было. А так именно это обстоятельство скоро положило конец нашей эйфории. И не только это.

ТАКОГО МЫ ЕЩЁ НЕ ВИДАЛИ...

Борис Золотарёв эти выборы выиграл. Состоялась пышная инаугурация, после неё — фуршет, на который были приглашены те, кто помогал

(или, во всяком, случае, не мешал) Золотарёву стать губернатором. В большом зале для совещаний на втором этаже администрации округа в два длинных ряда были накрыты столы, ломящиеся от различных яств и бутылок со спиртным на любой выбор. За ними стояли десятки людей и так, стоя, выпивали и закусывали — дело совсем новое для Эвенкии, мы-то привыкли пьянствовать сидя. Деликатесы подносили и меняли пустые тарелки молоденькие длинноногие официантки — за столами почтительным шёпотом говорили, что их, как и невиданные закуски, специально привезли из Москвы («Что вы хотите: это же ЮКОС!»).

Ещё один ряд столов был накрыт на возвышении для президиума, где толклась группа высоких гостей и уже приближённых к новому губернатору местных чиновников. Были там сотрудники аппарата полномочного представителя президента, администрации и Законодательного собрания Красноярского края, ведущих ресурсодобывающих компаний. После официальных тостов Золотарёв и Ходорковский с бокалами в руках и в окружении небольшой свиты стали обходить столы в общем зале, что-то говорили «фуршетящимся», тем им что-то отвечали, потом звучало «Ура!», и они двигались дальше. Играла живая музыка — фуршет обслуживал привезённый откуда-то камерный оркестр. В общем, настоящий светский раут. Когда мне захотелось плакать от счастья, Светлана меня тут же увезла домой. А фуршет, говорят, закончился далеко за полночь.

Начались будни. После того как в офсетной машине в очередной раз полетело что-то из электроники, мы окончательно отказались ремонтировать её и стали печатать газету только на ризографе. И хотя газета была маленькая, но за счёт уменьшения шрифта вмещала в себя практически тот же объём материалов, что и при формате А3. Своим небольшим творческим коллективом — я, ответственный секретарь Светлана Романовская (Валеева), выпускающая эвенкийской страницы Диана Щапова, работавшая у нас по договору, заведующая отделом социальных проблем Валентина Львова, фотокор Владимир Грошев, собкоры в Тунгусско-Чунском районе Нина Крюкова, Байкиском — Татьяна Панова, — мы заполняли газету материалами, которые считали нужными.

Мы привыкли к тому, что при любом руководителе учредительной организации, содержащей газету (сама газета выжить в здешних условиях никогда не могла: подписной тираж даже при пике населённости округа в двадцать пять тысяч человек не превышал трёх тысяч экземпляров, доход от которых составлял считанные проценты в доле расходов редакции) — будь это секретарь окружкома партии Владимир Увачан, а затем главы администрации Анатолий Якимов, Александр Боковиков — нам позволяли работать на основе профессиональной самостоятельности.

Газета, конечно, была сугубо провинциальной, поднимала и обсуждала темы, которые для журналистов крупных газет могли показаться

никчёмными, смешными, но она такой и была нужна здесь — «в доску своя». При случае мы могли и «лягнуть» власти предрержащие, но только за дело и только при соблюдении определённого такта. В «Советской Эвенкии», а затем и в «Эвенкийской жизни» были свои традиции, преемственность, сложившиеся за десятилетия; её всегда делали крепкие журналисты, приезжающие сюда работать по договорам со всех уголков страны; у газеты был, есть и, надеюсь, останется хороший литературный язык.

Точно так же мы продолжили работу и при первых днях влостования Бориса Золотарёва. Появилось много новых тем. Свои выборные обязательства новоиспечённый губернатор тут же начал выполнять, что было и немудрено: у него под рукой была бездонная касса ЮКОСа, из которой он в любое время брал любую нужную ему сумму. И впервые за последние годы чётко, без сучка и задоринки, был проведён северный завоз, и в зиму 2001–2002 года округ вошёл с избыточным запасом топлива, продовольствия.

Вскоре Золотарёв выкинул такой финт, что все СМИ края и страны просто захлебнулись от восторга: он две зимы подряд закупал на Ямале и перебрасывал по воздуху в Эвенкию сотни оленей для реанимации оленеводства (когда-то здешние стада насчитывали до шестидесяти тысяч голов домашних оленей, к началу девяностых их было уже не более тридцати тысяч, а к приходу Золотарёва — в пределах двух-трёх тысяч).

Он просто подсчитал, что если гнать оленей своим ходом сотни и сотни километров, их за время пути погибнет и отобьётся столько, что сумма ущерба, вместе с командировочными расходами пастухов, будет примерно одинаковой с затратами на воздушные перевозки. То есть — деньги те же, но в первом случае потрачены совершенно напрасно, а во втором — достигшие своей цели. Золотарёв этим неординарным ходом пропиарил себя как прагматичный хозяйственник и как озабоченный возрождением традиционной северной отрасли руководитель автономного округа.

В Эвенкию также буквально посыпались компьютеры, и по обеспеченности ими на душу населения округ вышел на первое место в стране. Начало разворачиваться строительство. Первым значимым объектом стал ввод к новому, 2002 году «Гостиного дома» — современной гостиницы, построенной... турецкими рабочими. Золотарёв просто не доверял нашим строителям и открыто говорил, что они ни на что не способны. Впрочем, такую нелестную характеристику в округе от губернатора получали многие. Борис Золотарёв к месту и не к месту любил повторять, что мы, эвенкийцы, привыкли здесь бездельничать, «захребетничать», то есть жить за счёт государства, что среди нас мало профессионалов.

Конечно, где-то он был и прав. Наши строители и в самом деле строили сикось-накось, оленеводы, вместо того чтобы разводить

олений, взяли да и съели их, коммунальщики производили самые дорогие в стране электроэнергию и тепло, столица округа была вся в помойках и следах бывших пожарищ. Когда Золотарёва «заносило» по этой теме на каких-то совещаниях, сессиях Суглана в присутствии Боковикова, тот обижался и начинал возражать... И его можно было понять: ведь беды эти во многом происходили по объективным причинам. Округ находился в таком неудобном и отдалённом месте, с таким суровым климатом, что затраты на обеспечение жизнедеятельности его населённых пунктов составляли просто фантастические суммы, и потому бюджетобеспеченность одного эвенкийца в десятки раз превышала затраты на содержание одного жителя средней полосы России.

В советские времена государство не скупилось, и «северá» получали столько средств, сколько было нужно (впрочем, их и тогда всё время не хватало). Но в рыночную эпоху страна уже была не в силах нести такие расходы. А без нужного финансирования, когда людям нечем платить, какую работу от них можно требовать, каких специалистов можно пригласить с материка, когда разъезжались последние, какую современную технологию можно внедрить, когда разваливалось всё, что осталось ещё от советских времён? Если бы те же Якимов, Боковиков могли ворочать такими же деньжищами, какие вваливал ЮКОС в округ, они, может, ещё и не то бы здесь понастроили, организовали... Но, как любил говорить покойный Александр Иванович Лебедь, «если бы у бабушки была борода, она была бы дедушкой». Деньги пришли в округ с Золотарёвым, и все это хорошо понимали и принимали.

А вместе с ними в округ пришли перемены и приметы, характерные для корпоративного стиля ЮКОСа. Это жёсткость, граничащая с жестокостью, со стороны руководства, беспрекословность со стороны подчинённых, подозрительность во взаимоотношениях. Золотарёв переломал в здании администрации все стены, оставив отдельные кабинеты только для своих заместителей, а сотрудников всех управлений усадил в огромные общие залы, заставленные столами с компьютерами.

Все сидели как в аквариуме, тут уже не поболтаешь лишний раз, не попьёшь кофе с коньяком, не поторчишь с сигаретой на лестничной площадке — всех курильщиков Золотарёв повыгонял сначала на крыльцо администрации, а потом и вообще на улицу, под пожарный щит.

Очень большое значение губернатор придавал обеспечению своего положительного имиджа — впереди ведь были очередные выборы. Практически с первых дней работы администрации он создал крепкую пресс-службу. Сначала в ней работали всего три человека — начальник управления Василий Бондаренко, немногим старше меня, начальник отдела Алексей Немков и пресс-секретарь Ольга Мирошниченко, обоим не более тридцати, все — приезжие. Они писали славословные

пресс-релизы, статьи о работе новой администрации во главе с Золотарёвым, часто мне не нравившиеся, но менять что-либо в них я не имел права, и я помещал их в газете как есть.

«ХОЧУ НАСТОЯЩУЮ ГАЗЕТУ!»

Прошло ещё какое-то время, и меня в конце лета 2001 года вдруг приглашают к губернатору. У Золотарёва в кабинете, кроме него самого, находились вице-губернатор Борис Байдаков и пресс-секретарь Ольга Мирошниченко. Для приличия расспросив, как идут дела в газете, губернатор вдруг резко поменял тон и сказал, что газета ему не нравится — маленькая, с мелким шрифтом, не всё ему нравится и в содержании. Он понимает, что у газеты есть проблемы и с кадрами (где их взять посреди тайги?), и с полиграфической базой. А потому он, как учредитель, принимает решение усилить её, переведя вёрстку и печать в Красноярск, для чего там создаётся дополнительное бюро с набором в него высокопрофессиональных журналистов. Мне же надо подготовить расчёты, во что это обойдётся. Насчёт кадров для красноярского бюро беспокоиться не стоит — есть уже кандидатура на должность его шеф-редактора, это некий Владимир Пантелеев, он-то и подберёт среди красноярских журналистов новых сотрудников для бюро. Ну а в Туре, соответственно, надо провести сокращение штатов на то количество сотрудников, какое будет содержаться в красноярском бюро...

А мне и возразить было нечего: газета у нас в самом деле была маленькой, вёрстка её при этом была далека от совершенства, и уж точно профессиональных журналистов у меня в штате было — раз-два и обчёлся.

Пантелеев, оказавшийся сыном известного красноярского детского писателя Ивана Пантелеева, кандидатом исторических наук, имел достаточный опыт работы в региональных СМИ. Получив приказ о своём назначении, Пантелеев вернулся в Красноярск и развернул там кипучую деятельность — губернатор торопил нас с выходом газеты в новом виде.

К тому времени администрация округа открыла своё представительство в Красноярске, для чего в двенадцатиэтажном здании на улице Республики, 51, где ещё с советских времён размещались редакции основных краевых изданий, у ПИК «Офсет» был арендован целый этаж. Под бюро временно выделили один из кабинетов с телефоном и компьютером (везде шёл евроремонт), где и обосновался Пантелеев.

Вскоре он нашёл верстальщика Владимира Солдатову и корректора Елену Ломанову — они до этого работали в какой-то... тюремной газете, и Елена приходила на вычитку нашей «Эвенкийки» в форме с лейтенантскими погонами.

Я познакомился с членами своего красноярского бюро в один из ноябрьских дней — специально ездил в командировку, чтобы

посмотреть, что у нас там будет и как. Там же заключил договора с названными сотрудниками, а также с известным эвенкийским писателем Немтушкиным (к тому времени Алитет Николаевич оказался без работы, а «чистая» литература в наши дни способна прокормить лишь единицы писателей) — он взялся делать страницу на эвенкийском языке.

КОНЕЦ ИМПЕРИИ ЮКОС

Уже с конца 2002 года газета стала выходить на шестнадцать страницах. Конечно, она стала интересней, насыщенней, потому как в заполнении её участвовали как редакционные журналисты, её нештатные авторы, так и сотрудники пресс-службы во главе с Майей Соколовой — они работали по вахтенному методу, и каждую неделю две какой-либо из журналистов находился в командировке в округе и собирал материалы для дальнейшего использования как в нашей газете, так и в иных средствах массовой информации.

Я с благодарностью вспоминаю сотрудничество с Анастасией Попковой, Ириной Новиковой, Машей Браун, Натальей Герасименко, готовивших интересные, «читабельные» материалы.

Жить становилось чем дальше, тем интереснее. Особенно захватывающие события произошли в Эвенкии в 2004 году — у нас разразился такой скандалище, что за развитием его стала следить вся страна. Совершающий свой очередной вояж по Сибири глава империи ЮКОС Михаил Ходорковский неожиданно был снят в Новосибирске с самолёта и арестован Генеральной прокуратурой.

Как выяснилось, он должен был прилететь в Туру, а здесь на сессии Законодательного собрания (Суглана) его уже ждало выдвижение на пост сенатора от Эвенкийского автономного округа — во всяком случае, мне известна именно такая версия событий. Говорили, что этот «зонтик» Михаилу Борисовичу был нужен в связи с тем, что в последнее время он развил очень бурную политическую деятельность, готовил себе почву и электорат для участия в будущих президентских выборах. Мало человеку было того, чем он владел.

Эти-то амбиции и погубили нашего благодетеля (не свои же деньги Борис Золотарёв инвестировал во все эти бурные преобразования, происходящие в Эвенкии) и чуть было не всю верхушку нашего округа.

От вожделенного кресла Ходорковского отделяли всего несколько часов — сессия уже работала. Правда, при этом существовала одна очень небольшая, но крайне занозистая проблема: в этом кресле уже сидел сенатор от Эвенкии, бывший депутат Суглана Николай Анисимов.

То, как его пытались выковырнуть из Совета Федерации, чтобы освободить место для главы ЮКОСа, — целая история. Анисимова пытались подкупить, предлагая ему и денег, и непильную работу, и запугивали его — во всяком случае, именно так он рассказывал на специально раздаваемых по этому поводу интервью многим СМИ.

Но Анисимов упёрся на своём: не уйду, и всё тут! И тогда окружному парламенту ничего не оставалось делать, как отозвать своего представителя в Совете Федерации, вменив ему в вину профнепригодность. Анисимов пытался опротестовать это решение в суде, но безуспешно.

Ходорковский оказался в «Бутырке». И наша политическая верхушка, чтобы сохранить лицо, предложила занять место в сенате другому одиозному представителю ЮКОСа — Василию Шахновскому, тоже, кстати, находившемуся под следствием. Это страшно разозлило руководство страны (не скажу, что самого Путина, но администрацию президента — точно!). ЮКОС к тому времени уже начали буквально «перепаживать».

Его, возможно, не трогали бы и до сих пор, если бы Ходорковский не возомнил себя Наполеоном и не стал вынашивать крайне высокие честолюбивые замыслы. Ну а раз так — получи! И «выяснилось» вдруг, что и налоги-то компания не выплачивала в миллиардных размерах, и убирала со своего пути, даже пользуясь услугами киллеров, неудобных людей. А тут какая-то Эвенкия пытается спрятать от уголовного преследования сначала Ходорковского, а затем Шахновского.

Шахновский, не будь дурак, отказался от сенаторства, чем и обезопасил себя. А вот наших первых лиц стали таскать на допросы в прокуратуру по СФО в Новосибирск. Побывали там и губернатор Борис Золотарёв, и председатель Законодательного собрания (Суглана) Анатолий Амосов, и некоторые другие должностные лица и депутаты.

Этот скандал буквально «взорвал» средства массовой информации страны. Какую газету ни откроешь, на какой новостной сайт ни заглянешь — везде красной строкой проходят: Эвенкия, Ходорковский, Шахновский, Золотарёв, Амосов, Анисимов...

Много было и вранья. Запустили, например, «утку», что наш губернатор, не дожидаясь, пока его отправят вслед за Ходорковским, поехал в Англию во время отпуска, да и остался там. Округ жил в эти дни, затаив дыхание: чем же всё кончится? А завершилось тем, что просто «кончился» ЮКОС, а у округа, естественно, кончились его деньги.

Никого из нашего руководства не посадили и даже не сняли с должностей — к разочарованию одних и радости других. Но все мы понимали, что теперь Эвенкия и её руководство всегда будут находиться под пристальным вниманием центра, как нашкодившие пацаны: ведь попытка поспособствовать укрывательству главных фигурантов ЮКОСа была, что выглядело как прямой вызов Кремлю.

Нетрудно было понять, что теперь с руководством округа, бывшим подотчётным главным образом избравшему его населению, Москве будет сладить не просто, а очень даже просто. Тем более что Эвенкия вернулась в обычное своё состояние, когда ей реально начало грозить безденежье. Доходная база бюджета снизилась в разы — она ведь подпитывалась преимущественно кредитными ресурсами и отчислениями из юкосовских структур.

Всё, чего округ достиг при этих нескольких годах руководства Бориса Золотарёва: сплошная компьютеризация, масштабное строительство и капитальный ремонт жилья, школ, клубов, библиотек и прочего, реконструкция объектов ЖКХ, асфальтирование улиц окружного центра, финансирование десятков социально-экономических программ,— всё это делалось на деньги ЮКОСа. Потому как предполагалось, что пришёл он сюда надолго, если не навсегда. Ну а повернулось всё вон как.

Очень многие эвенкийцы костерили на чём свет стоит Ходорковского: ну за каким чёртом полез туда, куда его не просили? А теперь и сам на нарах баланду хлебает, и все радужные перспективные округа, связанные с ЮКОСом, рухнули в одночасье.

ВПЕРЁД, ОБРАТНО В КРАЙ!

Тема возвращения блудной Эвенкии обратно в лоно Красноярского края поднималась ещё при покойном губернаторе Александре Лебеде. Но встречала ожесточённое сопротивление как так называемой элиты округа, так и большинства эвенкийцев — уж очень всем по вкусу пришлось самостоятельное плавание. Хотя иногда при этом корабль под именем «Эвенкия» нередко оказывался на грани крушения: то топливо у него кончалось, то зарплату экипажу нечем было платить, а пассажиров приходилось сажать на голодный паёк.

При Золотарёве, за спиной которого был могучий ЮКОС, Эвенкия держалась всё увереннее и увереннее. И когда вопрос воссоединения края с пустившимися в автономное плавание территориями вновь стал будироваться уже при другом губернаторе Красноярья — Александре Хлопонине (кстати, считавшемся другом нашего губернатора), Борис Золотарёв с присущей ему категоричностью раз за разом отметал все объединительные инициативы.

И в качестве одного из самых убедительных мотивов нецелесообразности объединения приводил финансовую самодостаточность Эвенкии. Дескать, мы и так проживём, зачем нам вливаться в край, который давно уже из региона-донора превратился в получателя дотаций? Причём дефицит бюджета края как раз составлял ту сумму, которая нужна Эвенкии для нормального существования.

Арифметика тут была простая: если мы вернёмся в край, то окажемся в состоянии конца девяностых — начала двухтысячных годов, поскольку у края не хватит средств на содержание округа. Об этом писала регулярно и наша газета, и говорили во всех своих интервью различным СМИ Борис Золотарёв, Анатолий Амосов и их соратники. Большинство людей верило им, поскольку подкреплялись слова наших лидеров теми многими достижениями, которые были свершены за годы, особенно последние, самостоятельного существования Эвенкии.

Но у инициаторов и сторонников объединения были свои, не менее убедительные мотивы. Во-первых, в Эвенкии, как нигде в другом

регионе, был раздут до чудовищных размеров чиновный аппарат. При населении округа менее двадцати тысяч бюрократов насчитывалось около трёх тысяч! Ну вот прямо бери этот аппарат и сажай на любую область с населением в несколько сот тысяч человек — как раз хватит.

Во-вторых, у этой инициативы был такой могущественный сторонник, как президент России Владимир Путин. Вернее даже будет сказать, это он, по сути, выступил «сбирателем» земель российских, которые в начале девяностых наделил суверенитетом его предшественник Борис Ельцин и которые в итоге стали просто-напросто выходить из-под влияния Кремля, а руководители регионов — превращаться в удельных князьков.

Наверное, немало насмешило сотрудников администрации президента обращение глав местного самоуправления округа, направленное В. В. Путину весной 2004 года, с просьбой не трогать Эвенкию и оставить им губернатора, к которому они привыкли «как дети».

Из Москвы на имя Бориса Золотарёва пришёл ответ на это обращение, в котором не без ехидства говорилось буквально следующее (текст его был напечатан в газете): «Поскольку обращение отправлено администрацией Эвенкийского автономного округа, а также учитывая, что главы МСУ пишут, что они «как дети привыкли к своему губернатору», просим вас организовать доведение содержания настоящего письма до сведения глав МСУ, подписавших обращение...»

И дальше сообщалось, что никто не собирается «уничтожать Эвенкию» и объединение с краем может произойти только при изъявлении желания самих эвенкийцев. А Золотарёв и «его дети» пока такого желания не изъявляли.

Наш губернатор везде и всюду последовательно отстаивал свою точку зрения, и когда Красноярский край посетил Владимир Путин с кучей министров, Борис Золотарёв не побоялся озадачить в его присутствии министра финансов Леонида Кудрина жёстким вопросом, смысл которого сводился к следующему: сможет ли Москва дать гарантии, что после объединения люди в Эвенкии, на Таймыре не станут жить хуже, чем сейчас?

Захваченный врасплох Кудрин промямлил что-то невразумительное, и тогда Путин вынужден был сказать, что, конечно же, объединение должно прежде всего иметь социально-экономическую целесообразность, что люди ни в коем случае не должны быть ни в чём обделены.

Эта сценка с совещания в Красноярске глав сибирских регионов была показана практически по всем телевизионным каналам, описана во многих газетах и электронных средствах массовой информации. Борис Золотарёв был, что называется, «на коне», и на какое-то время возникло ощущение, что Эвенкию оставят в покое.

Как бы не так. Первыми в стране объединились Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ, на очереди были мы, и стало понятно, что маховик процедуры сбирания земель раскручен и его

уже никто не сможет остановить — реализовывалась государственная задача, мешать которой, мягко говоря, не рекомендовалось. В край, в округ зачастил полномочный представитель президента Квашнин, Бориса Золотарёва несколько раз приглашали в администрацию президента, велась соответствующая обработка и спикера окружного парламента Анатолия Амосова.

И, похоже, в Москве к нашим лидерам сумели подобрать соответствующие «ключики»: они вдруг резко, можно сказать, на все сто восемьдесят градусов, сменили свои позиции и с такой силой же силой, как раньше противились этому, стали ратовать за объединение.

Эти метаморфозы очень хорошо прослеживаются по заголовкам статей в нашей газете: до октября 2004 года — «Севера не готовы к объединению», «Единый край парадоксов», «Обделяй и властвуй», «Сохраним Эвенкию», «Зачем ухудшать нашу жизнь?» и в том же духе; и начиная с октября 2004 года — «Нас спасёт единство», «Плюсов в объединении много» и так далее.

Главные приводимые при убеждении эвенкийцев в необходимости объединения мотивы: округ после известных событий с ЮКОСом утратил свою финансовую самостоятельность и без посторонней поддержки не выживет. Наши неисчислимые природные богатства так и продолжали лежать нетронутыми под земной толщей: по-настоящему приступить к разработке и эксплуатации месторождений из-за огромной затратной составляющей пока не смогла ни одна компания, в том числе и ЮКОС. А значит, и мечта эвенкийцев жить не на дотации, а на собственные доходы так и оставалась мечтой. Москва же обещала выделять Красноярскому краю недостающие средства на дотирование Эвенкии и Таймыра в тех объёмах, которые позволят им чувствовать себя в объединённом крае достаточно комфортно.

И на семнадцатое апреля 2005 года был назначен референдум, на котором всем жителям Красноярского края, Эвенкии и Таймыра предстояло ответить на вопрос, хотят ли они объединения наших территорий.

К тому времени, в рамках реализации закона о местном самоуправлении, в Эвенкии были уже упразднены все три района — Илимпийский, Байкитский и Тунгусско-Чунский. Эвенкийский автономный округ стал муниципальным районом, который возглавил руководитель Байкитского жилищно-коммунального предприятия, депутат окружного Суглана Ярослав Малаший. Он стал главой администрации, а главой района — председателем районного совета депутатов — был избран бывший глава посёлка Тура Пётр Суворов. При этом параллельно продолжали функционировать администрация округа и Суглан — их оставляли до конца 2006 года.

Борис Золотарёв и члены его команды развернули кипучую деятельность по разъяснению населению Эвенкии необходимости принятия участия в референдуме и правильному голосованию на нём по вопросу объединения.

Губернатор облетал все посёлки до одного, общался практически со всеми коллективами. Побывал он и у нас в редакции. Но нас убеждать в необходимости объединения и не требовалось: газета регулярно печатала материалы в пользу объединения, и мы давно уже поняли, что хотим мы того или не хотим, но объединение в любом случае состоится. Референдум прошёл «на ура», жители всех трёх территорий сказали «да» объединению, и особенно громко это «да» прозвучало в Эвенкии, где и явка избирателей, и процент положительно проголосовавших были самыми высокими.

Это означало и конец тринадцатилетнему существованию Эвенкии в качестве самостоятельного субъекта федерации, и завершение шестилетней бурной эпохи, если можно так сказать, Бориса Золотарёва. И надо признать, что как губернатор он оставил в истории Эвенкии яркий, заметный след.

Связанные с ним скандалы, какие-то неприятные истории (а их в «эвенкийской» части биографии Золотарёва тоже достаточно) рано или поздно уйдут в небытие, а вот всё хорошее, полезное, материально осязаемое, всё, что служит эвенкийцам сейчас и ещё будет служить долго,— новые благоустроенные дома, школы, современные средства связи, асфальтированные улицы, православный храм «с иголочки»,— всё это связано с именем второго и последнего губернатора Эвенкии Бориса Золотарёва и всегда будет напоминать о нём...

Юрий Татаренко

Молодость. Поэзия. Сибирь

Победитель Всероссийского литературного конкурса
имени Игнатия Рождественского в номинации «Критика»

Трудно сказать, одина ли территория поэтической Сибири — особенно если речь идёт об авторской возрастной категории «тридцать плюс». Данный материал — попытка исследовать, чем живёт и дышит «племя младое» и уже хорошо знакомое редакторам региональных литературных журналов. Объектом моего внимания стало творчество трёх стихотворцев, стремительно ставших ключевыми фигурами поэтического ландшафта Кемерово, Барнаула, Новосибирска.

Я БЫ В СТАЛКЕРЫ ПОШЁЛ...

Тридцатистраничный сборник кемеровчанки Агаты Рыжовой заинтересовал меня уже одним своим названием — «Путеводитель для сталкера». Авторский посыл не требует особых разъяснений: настоящий поэт всегда уводит читателя в свои бескрайние, таинственные, им самим не до конца изученные миры. Приглашение Агаты Рыжовой зайти на новую территорию я принял без раздумий — и теперь рекомендую данный «Путеводитель» всем своим знакомым: путешествие оказалось весьма увлекательным.

Открывает книгу программное заявление: *«Так и бродишь по миру, вещей не касаясь рукой, проходя сквозь витрины, доктрины, людей, облака. Сочиняешь карманное счастье, фантомную боль...»* Идёшь вслед за поэтом, не заметив острого угла неточной рифмы «рукой — боль» — такова сила экспрессии нахлынувшего на тебя мира без границ. Это ли не цель желанная:

Безутешно сгорая, чадить разных чуд,
Примеряя лицо то христа, то иуд —
Выбирать наудачу.
Не ходить на поклон к пустозвонным рублям.
Потерявши царя, по чужим королям —
Никогда не заплачу.

Рубли-пустозвоны — это находка. Сулящая удачу сталкеру. Надо только не терять головы, здесь сплошь и рядом происходят внутренние катастрофы такой силы, что стёкла бьются: *«Витринами брызжет сердечная Хиросима!»* И смешиваются звуки и краски: *«Обмакнулись*

деревья в капельный звон», а «Буква кровавым побегом растёт на бумаге»...

Кредо сталкера не ново: ты должен начать всё с чистого листа. Он говорит тебе: *«Я не помню значения слов, не пойму, что такое успех»*. И вы понимаете оба: мир предстоит создать заново. И совсем не страшно, если это будет мир тишины. Покой и воля, как все мы помним, есть замена счастью.

Сталкер Агата Рыжова — повелитель времени. Один поворот головы — и ночь исчезает бесследно:

Разливает закат свой малиновый сок по стеклу.

Начинается день.

Я проснусь от мобильной икоты...

Небесспорный поэтический тезис: *«Тишина — это траур по времени. Тишина — это лучшее в нас»*, — в стихах Агаты Рыжовой находит своё лирическое продолжение: *«А давай помолчим искренне — может, хватит смотреть искоса?»* Отрадно, что молчание это — наполненное.

Придумать бы такое слово,
чтоб сочетать в одном флаконе
две жидкости несовместимых,
две стороны одной луны.

Кто же уходит в сталкеры? Как становятся ими? Ясное дело, не с бухты-баракты. *«Я себя искричала»*, *«я сама себе праздник, снегурочка и оливе»*, *«всё, что я знаю о жизни, — шрамами в теле моём»*, — и этого признания двадцатипятилетней Агаты Рыжовой — предостаточно. А сколько в поэте жизненной силы — дух захватывает: *«Я обнимаю планету — некуда деть свои руки»*...

Путеводитель для сталкера — несколько общих фраз:

Что не убьёт, то фатально изменит нас.

Поступь моя легка, надменность в разрезе глаз.

Гибкими станем мы, как вода, и вечными, как алмаз.

Всё, что я знаю о жизни: больше не будет нас...

Не будет нас прежних — это же здорово! Стихотворение написано — перерождение состоялось. Страдания, разочарования, поиски смыслов — плодятся и множатся отчаянно, не ведая стыда. Вот и ещё одна разлука будет без печали: *«Так что иди себе, милый, — я тебе не по словам»*. Какое счастье, что это напутствие — не тебе! А что же звучит в твой адрес? *«Ступай нежнее, вообще — ступай!»* Хорошо сказано. Будет исполнено!

Пройти можно любой лабиринт, тем более когда впереди — уверенный в себе сталкер. Это только *«любовь к человеку, как небо, — вовек не проходит»*. А имя человека, которого любишь, называть вслух вовсе необязательно. Даже для сталкеров есть свои заповедные места — в сердце, между строчек, под облаками...

И вот что ещё не может не радовать: прощальный монолог сталкера и поэта Агаты Рыжовой — «*обещает встречу впереди*»:

Ничего мне, Господи, не давай — ни мужчин, ни денег.
Пропadaешь в них, будто в шахте гниёшь рабочим.
Мне так нравится слово модное — «неврастеник».
А с деньгами я буду плохим неврастеником, Отче.
Так что, Господи, ничего — ни фольги, ни фальши.
А дорогу — дай поизвилистей, о Верховный Зодчий!
Я в пути разберусь, непременно пойму — как дальше...
Я когда-нибудь всё пойму —
И вернусь к Тебе, светлый Отче.

Прошедший хоть немного вместе со знающим путь и цель — сам становится чуточку сталкером. И с этой дороги тебе уже не сбиться. Спасибо за науку, Агата!

ПОЭМА ЭКСТАЗА ОТЧАЯНИЯ

А в Барнауле в серии «От имени моего» вышел сборник стихов Александры Вайс «Ветер за воротом». Книга небольшая, на тридцати двух страницах уместились сорок четыре стихотворения с предисловием Михаила Гундарина. Соответственно, свои впечатления о творчестве двадцатипятилетней поэтессы я тоже постараюсь изложить не слишком длинно.

Если припомнить несколько подзабытый, полустёртый постмиллениумской бравадой тезис: «Поэт — это судьба», — имея в виду стихи как результат осмысления отболевшего, то, безусловно, Александра Вайс — поэт. И так же, как в своё время Марина Цветаева, Вайс пишет с чутким, трепетным отношением к событиям личной жизни. Но перед читателем не половодье чувств, не гамма эмоций, нет, — в стихах Вайс сплошь отчаянье, неизбывная горечь разлюбленной. И это своё отчаянье поэт возводит в крайнюю степень, впадая в экстаз от неосуществимости такой простой, казалось бы, мечты: быть рядом со своим избранником — как водится, единственным и самым лучшим. Дымящееся поле проигранного сражения за право оставить всё, как было прежде, — вот что обнаруживает Вайс под закопчённой вывеской «Комсомольский, 77». Именно так и называется первая часть книги, состоящая из двадцати семи свидетельств о разрыве как полном крахе.

Марина Цветаева в «Поэме Конца» старательно фиксирует:

Расставаться — ведь это вниз,
Под гору... Двух подошв пудовых
Вздох... Ладонь, наконец, и гвоздь!

Александра Вайс пишет о внезапном одиночестве без лишней экзальтации: «*Земля против смысла вертится*». Что ж, у поэта свои

представления о науках — и жить ему отныне предстоит по собственным законам: «Я не раз выключала солнце в своих глазах». И сразу верится, что и это — очень больно.

Но Вайс тут же, ничего не откладывая на постскрипtum, являет свой сильный характер: «Было — забыли. Теперь — вперёд». При этом в строчке, полной решимости: «Я дальше еду одна. Так надо», — обнаруживается изящная анаграмма: «одна» и «надо».

Всплывший в гудящей голове тезис «жизнь продолжается» требует подкрепления — пусть и вербального. И повторяющееся наречие «теперь» — как запасные спасательные круги: а вдруг один из них подведёт, указав губительную дорогу на дно?

Теперь развожу цветы на линии фронта.
И теперь мы по разным клеткам,
Задышаемся друг без друга.
А теперь остаётся маяться,
Но не каяться, не зализывать...

Нет ни времени, ни сил уточнить, что именно зализывать поэту не подобает — и с ним соглашаешься: мотив отрицания важнее. Пока важнее. Но важнее всего.

Когда же «настанет свой черёд» «остановиться, оглянуться», Вайс продолжает оставаться в парадигме протеста:

Что остаётся? Пить, писать на чеках,
Переправлять на точки запятые,
Забеливать круги на тонких веках.
Писать стихи — да не свои, чужие.

Универсален ли цветаевский рецепт: «Значит, не надо. Плакать не надо»? Врачу, исцелился сам... И снова включается рефрен «теперь»:

Мне теперь тоже знакомо
Жгучее чувство,
Когда не хватает рифм.

Не страшно совсем, «и это пройдёт», и верлибр не отменяет метафоры:

Гадкий утёнок так и остался гадким —
Селезень выше других теперь,
Он не спустит обид.

Речь не о прошлых обидах и не о мести — спуску не будет новым обидчикам, если рискнут объявиться. Так будущее время становится настоящим — и только поэзия способна на подобные чудеса грамматики!

А вот ещё одна находка Александры Вайс: «И если согласен идти, то путь готов».

Какой роскошный каламбур! Поэт, оживая сам, оживляет и призыв из далёкого советского прошлого: «Будь готов!» И как не оценить

ловкой подмены понятий, когда, соглашаясь с тем, что «цель — ничто, путь — всё», читатель вынужден также признать и то, что никакой не лирический герой, а именно пути-дороги должны быть готовы к первому решительному шагу одинокого путника!

А что это там, впереди? Отнюдь не призрачные надежды на возрождение! Поэтом выработан план конкретных действий. В первую очередь необходимо сменить систему координат. Комсомольский, 77,— это адрес, который забыть невозможно. Но вот больше не появляться там — это вполне реально.

«Чужая квартира» — вторая и заключительная часть книги. В стихах Вайс никак не идентифицируется ни месторасположение нового пристанища, ни обстановка в жилище. Не это главное. Зато прекрасно прочитывается выстраданное: «Посторонним вход воспрещён!» На уровне контаминации поэтом детерминируются полюса: холодно — горячо, север — юг, небо и земля. Какая уж тут поэтика урбанизма?..

Это в прошлой жизни находилось место ёмкому образу: *«Город закрыл на меня глаза»*. Известное дело, для многих поэтов город — живое существо. Но только в стихах Александры Вайс он за полночь не просто засыпает, погасив свет в окнах домов, нет, он откровенно игнорирует лирическую героиню — и тем самым оставляет её наедине с самой собой.

Город, выстроенный вокруг «Чужой квартиры», всего за семнадцать шагов-стихотворений научил поэта не брести куда глаза глядят, а идти улицей, свыкнувшись со светофорами, чередованием их сигналов. Экстатический хаос отчаяния упорядочивается. В тексте появляется зримое присутствие аэропорта. Героине жизненно необходимо оторваться от земли, от городских реалий, крайне важно взглянуть на проблемы сверху. Смена ракурса произошла — и сразу становится очевидно: *«Гореть согласна, но — не прогорать»*.

Перекрёсток «топос, хронос, эрос и танатос» поэт миновал. Инициация — случилась. Аэропорт, самолёт, уносящий в другой город, в новую любовь, — всё это принадлежит стихии воздуха, Его величеству Ветру. Сдувающему всё, ставшее ненужным, заслоняющее высокие помыслы и чистые горизонты.

«Ветер за воротом» — в названии книги кроется намерение автора оставить читателя наедине со своим воображением. За воротом — где это, с какой стороны? За воротник — это относится вроде как сугубо к внутреннему, скрытому под одеждой, под кожей, за грудиной. Ветер же вне ворота говорит нам о чувстве защищённости главного героя повествования, его неуязвимости, независимости от внешних факторов.

В любом случае поэт Александра Вайс не боится простудиться. Ни хрип, ни сип не имеют никакого значения, если:

С каждым неверным словом
Голос теряем мы.

А голос поэту нужен как воздух:

В поэзии — только право на самогонку,
А я-то, смешная, искала гармонию в ней.

В полное горечи признание Вайс умудряется вкраплять игру слов. Да, тут не поспоришь: опьяняет не только алкоголь, но ещё и право гнать свою строку — то есть высказываться.

Смешна ли в этом лирическая героиня? Отнюдь. Хотя, безусловно, Александра Вайс не чужда самоиронии. Например, в ситуации, когда «всё не то и всё не так»:

А к супу не подали ложку,
А к супу не подали супа.

Юмор привычно используется поэтом как защитная реакция:

Сердце осталось в Питере,
Я улетела в Сибирь.
Водочки не хотите ли
И от простуды имбирь?

Классные рифмы окрыляют. Но это ещё не всё. В предвкушении долгожданной встречи с любимым человека любящего просто-напросто распирает: он чувствует в себе силы вылечить от чего угодно каждого встречного!

Сильная натура не гарантирует отсутствие слабых мест. Об этом поэт говорит открыто:

Господи, если Ты есть,
Убереги
От бессонных ночей.

А вот это уже не личная драма, это — катастрофа:

Обернулось консервной банкой
То, что раньше всем миром было.

Чёрт возьми — вот он, текст для скрябинской «Поэмы экстаза»! Но где же собственная музыка стиха? *«Боль обретения себя — увы, с годами, не проходит»*. Вайс пытается укутать эту боль строчками, и совершенно очевидно: чем их будет больше, тем лучше. Тот самый случай, когда поэзия становится рифмотерапией. Оттого и стихотворения Александры Вайс не длинные — адекватные тычкам и толчкам, исходящим из самого ближнего окружения, потому в большинстве своём и не имеют названия. Едва ли не единственный текст в этой книге озаглавлен — и вновь автор прячет свой кровавый след в неологизм: «Постлетнее на выдохе». Постигнутое лето ощущается как последнее.

Переусложнённая метафорика, в которой ищет спасения поэт Александра Вайс, не всегда выручает. Сразу и не определишь, к примеру,

в строке «в лёгком бреду подпитии» — какие здесь части речи? Читательское внимание рассеивается, когда смыслом управляет подобного рода «играмматика». Порой молодой поэт грешит и рваным размером, и неточными рифмами: «порыв — открыт», «мне — свет». Трудно разделить с Александрой и её увлечение глагольными рифмами. Хотя, похоже, глагол для Вайс — любимая часть речи.

Подведу итог. Поэту Александре Вайс предстоит смелое освоение поэтической аранжировки, азартное постижение динамики смысловой игры. Её исповедальные тексты, напрочь лишённые эстрадного напора — а Вера Полозкова, но подкупающие схожей силой намагниченности строк, пока немного неровны — именно поэтому я и не привёл в этом отзыве ни одного стихотворения целиком. Да, на сегодняшний день Вайс пишет строчками — и многие из них запоминаются. Так не забудешь женскую пощёчину — которую получил или свидетелем которой стал. А всё потому, что дана она — в экстазе отчаяния.

СТИХИ НАД ВОЛНАМИ ОБИ

И немного о сборнике стихов тридцатилетнего новосибирского поэта Антона Метелькова «Футляр». Пятидесятишестистраничную дебютную книгу составили чуть больше сотни стихотворений, написанных в разные годы.

Лирический герой Метелькова — интроверт. Даже если проигнорировать название книги, история пристального взгляда внутрь, самопознание как движущая сила встречаются уже на первых страницах: «ключ в замке заблудился / карандаш не вернулся из боя». А в завершении сборника (другими словами, на дне «Футляра») мы находим оригинальное подтверждение того, что поэзия — вселенского масштаба: «внутри тебя Бог, / в кармане которого небо».

Ирония и каламбур — верные спутники поэта, среди которых то «невольник челси», то «раскрепощённые селяне», позвавшие «негра на обед». При этом Метельков никогда не переходит в сарказм, поэт всякий раз приглашает к разговору о «полной гибели всерьёз», задавая зримые смысловые вертикали стихотворения: «чтобы припасть к груди мироздания / я мастерю табурет», «солнце под рубашкой / месяц над башкой», «стремительная рубашка / пропуск в неведомый дом», «в мышинной норке живёт медведь / не встать не выйти лежать и петь».

Вообще, Антон нередко весьма причудливо переплетает время и место: «руки сами тянутся за спину / чтоб нащупать завтрашний шрам». Стремление поэта к парадоксу очевидно: «а сколько раз ты видел апрель / а сколько не видел апрелей». Но это не отменяет регулярности вкраплений афористичности: «выбор это шаг влево / выбор это шаг вправо».

Чёткостью ритмического рисунка Метельков порой пренебрегает, но точностью рифм в лабиринте звукописи — никогда:

...вот и гордись до пенсии
что ты — по-прежнему ты
вот и считай считалочки
как вышел иванушка погулять
как барабан без палочки
как молоко по углям...

Одно из самых первых метельковских признаний, «*душа моталась от века к веку*», не производит впечатления декларации. К читательскому удовольствию, реминисценций долго ждать не приходится. Переключка молодого новосибирского поэта с Маяковским — один из самых интересных моментов в книге:

нарезать сыра поставить кофе
поставить крест на своей голгофе
поставить кофе порезать рыбы
а вы могли бы? а мы — могли бы...

А. Фролова в послесловии «Поэзия Антона Метелькова: штрихи к портрету» указывает: «Среди фигур литературного сообщества, принятых поэтом за достойные ориентиры, отчётливо угадываются зачинатели отечественных и зарубежных авангардных поэтических школ и традиций: русские „футуристы“ (В. В. Хлебников, А. Е. Кручёных) и „обэриуты“ (А. И. Введенский, Даниил Хармс и проч.), *poble* Жак Превер, сюрреалисты, виртуозы эпатажа и папы дадаизма Тристан Тцара и Филипп Супо. К когорте „повлиявших“ причислим также лучших представителей современной русской некоммерческой музыкальной сцены — Егора Летова и Александра Башлачёва. Некоторыми строчками автор прямо намекает на кровное родство своих поэтических опусов с текстами череповчанина: „как в минном поле душа гуляла“ ср. с башлачёвским „как в чистом поле душа гуляла“ („Ванюша“), или „как вышел Иванушка погулять“ с его же „как ходил Ванюша бережком“ (там же), или „но понимает все слова / и в том и в этом мире“ с репликой Башлачёва „он показал бы большинству / и в том и в этом мире“ („Случай в Сибири“) и др.».

Нельзя не согласиться с А. Фроловой и в том, что Метельков «свободно демонстрирует нам владение искусством словотворчества („сияневый бал“, „обеспочвенные ноги“, „дева ашдваока / слезорука / влажнонога“, „незаштоп“), навыками языковой игры („не оборщай, не оборщайся“, „[комендант] бородант и чемодант“, „рука — левочка, рука — правочка“ и др.)... Стихотворение Метелькова в процессуально-повествовательном измерении представляет собой последовательную смену — иногда без очевидной связи — художественных образов: один следует за другим; в выборе такого подхода можно усмотреть мощное влияние кинематографического искусства, пополнившего

арсенал изобразительных средств современной изящной словесности приёмом монтажа».

Умение Метелькова комбинировать эмоцию с метафорой отмечает известный новосибирский поэт Борис Гринберг: «Благодаря игровым элементам синтаксиса и тотальной парадоксальности эти стихи необычайно легки для восприятия. О чём бы ни говорил Антон, сколь грустна, сложна или даже страшна ни была тема его речи, читателя ждёт главное — удивление. Удивление светлое и радостное».

На мой взгляд, наиболее силён и мастеровит Антон Метельков в миниатюрах. Читатель без труда разглядит «в малом большое», к примеру, в таких поэтических наблюдениях, как *«горячая вода была холодной / наташина беда была Володиной»* или же *«дети и старики / волны одной реки»*.

Живущего в большом городе на берегу Оби поэта Метелькова, громко заявившего о себе первой книгой, с полным правом можно именовать «не мальчиком, но мужем» в современной сибирской литературе. Сборник стихов «Футляр» возвышается над рекой жизни — и помогает читателю стать ещё чуточку возвышеннее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хочется верить, поэты Рыжова, Вайс, Метельков ещё немало удивят коллег по творческому цеху. А героями следующего критического исследования предлагаю сделать ещё одну троицу ярких и при этом не успевших «забронозовать» поэтов. Это Светлана Михеева из Иркутска, Екатерина Сердюк из Томска, Иван Клиновой из Красноярска. Господа, увидите книги этих авторов — не проходите мимо: праздник поэтического общения вам гарантирован.

Чемпионат мира по русской поэзии

Редакция альманаха «Енисей» продолжает строго, бескомпромиссно и доброжелательно оценивать участников поэтических соревнований мирового масштаба. Весной прошлого года в Риге проходил 9-й открытый чемпионат Балтии по русской поэзии. В №2 за 2020 год мы опубликовали поэтические подборки авторов, вызвавших особые симпатии редакции.

В ноябре 2020-го рижские подвижники русской литературы провели чемпионат мира по русской поэзии. Попробовать свои силы в нелёгкой борьбе отважились четыреста сорок четыре автора (от каждого принималось одно стихотворение). Строгое отборочное жюри допустило до дальнейшей битвы тридцать семь произведений и предложило судьям следующего этапа, в состав которых входила и наша редакция, выбрать лучших.

Пожалуй, единственный континент, на котором постоянно не обитает русский стихотворец,— Антарктида. Красота и мощь родного нашего слова заполняет и по мере сил преобразует к лучшему всю планету.

Задача не из лёгких. Нашей симпатии, точнее сказать — особой симпатии, удостоены четыре автора: *Елена Уварова, Елена Скачко, Петра Калугина, Инга Даугавiete*. Надеемся, наш выбор не разочарует читателей.

Многих любителей поэзии несколько смущает сам факт проведения подобных конкурсов. Поэзия — не спортивные состязания, где объективные показатели (очки, голы, килограммы, сантиметры, секунды) выявляют победителей. Возможно, правильнее сказать не «этот поэт лучше того», а «этот поэт ближе моему душевному складу, он больше других волнует меня и заставляет задуматься». И такое мнение имеет полное право на жизнь.

Елена Уварова

Свекровь

Старый двор в затерянной станице.
Гладит небеса уставший взгляд
женщины, с которой породниться
выпало мне много лет назад.
Вот она скрутила листик мяты
и, о чём-то мирно тарахтя,
села. И на лавочке дощатой
вытянула ножки, как дитя.
Личико — мочёная грушовка,
лисий нос, в глазах тепло и дым.

Помнится, меня колола ловко
словом, будто гвоздиком стальным.
Зной кружил над крышами уныло,
и пока в кастрюле грелись щи,
сыну между делом говорила:
«Ты, родной, другую поищи».
Сын смущался, я кривила губы
и крутила пальцем у виска,
слыша, как гудят недружелюбно
сонные мушинные войска.

Но остыла прежняя гордыня,
словно уголь в глиняной печи.
Между нами стол, тарелка с дыней
прямо со свекровиной бахчи.
Злость ушла и больше не тревожит,
сгинула моя дурная прыть.
Я гляжу на сухонькие ножки
той, с которой нечего делить,
на закат, где небо безмятежно
греется и греет до зимы.
Чувствую, как в душу лезет нежность,
и не отмахнуться, чёрт возьми.

Елена Скачко

Клавкина высота

Боялась Клава высоты, а угодила в крановщицы.
 Ребёнок, бабка и коты хотели есть. Пришлось решиться.
 Пришлось карабкаться наверх в прямом — не переносном — смысле
 и матом крыть попутно всех на одноруком коромысле.
 Ползла наверх, глотала страх, дрожала — вниз не посмотреть бы,
 как воробей на проводах, боялась ветра пуще смерти,
 кусала губы: «Клавка, лезь, закажешь шмотки из Китая,
 мышей летучих нету здесь, они сюда не долетают...»
 Ещё здесь можно громко петь и даже запросто фальшивить,
 с семи зарплат купить мопед, да не какой-нибудь паршивый.
 А кресло — просто царский трон, как сядешь — гордость распирает!
 Всё лучше, чем полы в метро полночи за копейки драить...
 А воздух здесь тугой-тугой — хоть ковыряй его, как масло!
 И ни одной души кругом, и небо ласково-атласно,
 и солнца спелый колобок — туда-сюда над златоглавой,
 и рядышком, под боком, Бог — Он иногда ей шепчет: «Клава!
 Держаться надо, я с тобой, не дрейфь, ты скоро встретишь счастье...»
 И исчезает до того, как Клава глупо скажет: «Здрасьте!»

Привыкла Клава свысока смотреть на осени и зимы,
 катать на стрелке облака...
 И стало вдруг невыносимо
 по вечерам спускаться вниз, вжиматься в потную маршрутку
 и знать, что здесь они — одни: и сын, и кот, и баба Шурка...
 И бывший муж, и новый друг, и старый враг, и хам-начальник —
 все беззащитны, хоть и врут...
 А по утрам, включая чайник,
 безмолвно матом кроют всех, пока бурлит в кастрюле каша.
 Им просто хочется наверх.
 Но страшно...

Петра Калугина

Скажи ему

Не разбирай кладовку в детской —
Там тихий маленький двойник,
Как мальчик умерший соседский,
Как гуманоид не из книг,

А из рисунка на обоях.
Потом ты вырос и ушёл,
А он остался за обоих,
Надвинув глубже капюшон,

Вобравшись в хлам и в тени хлама,
В душок лежалого тряпья.
К нему тайком приходит мама
Небесконечная твоя,

И, с ним шушукаясь в обнимку,
Она не помнит, кто есть кто
На тех линиялых фотоснимках,
Что ловят время в решето.

Ракетка замерла на взмахе,
А с нею летняя листва.
Скажи ему: всё это страхи,
Ночные страхи-острова.

Скажи, скажи ему хоть что-то.
Не говори ему о том,
Что ты искал его на фото
И не нашёл ни на одном.

Не обрекай его ничтоже
Сумняшеся на свет и смерть.
Вы не похожи, не похожи.
Не надо на него смотреть

Инга Даугавиете

Остаться в живых

* * *

«Потому что немцы — народ послушный,
Точно клуши за кочетом, шли покорно».
Мы сидим в ресторане (одном из лучших),
Пианист лениво берёт аккорды.
Развалившись в кресле, он продолжает:
«Но зато — попробуй! — какое пиво!..»
И ещё (разумеется!) про державу.
Пропадает звук, как в паршивом фильме.

От столиц до самых глухих провинций
Догорают храмы (ломать — не строить).
Как легко людей приучить к убийству,
А потом убийц превратить в героев!
А у пули — ни языка, ни воли.
Сапоги. Винтовка. Команда «целься!».
Над глухой Европой плывёт Бетховен,
И молчит, как рыба, любая церковь...

* * *

А над Гранадой — звёзд виноград,
Запах вина и слив.
Священник старенький до утра
Мусолит слова молитв.
Торговцы спешно прячут товар,
Скрывает шлюха лицо.
Для иноверцев — рассвет кровав,
Словно гранатовый сок.
Им в католическом этом раю
Дрожать, словно мышь в норе.
Скажи, что достойней — за веру свою —
Убить или умереть?

* * *

Ходит у моря, камешки собирает,
Складывает в карманы. Который год...
А мудрецы продолжают идти с дарами
Мимо святыниц, пагод и синагог.
Он повторяет: ну почему оставил?
Мальчик смеётся, женщина пьёт вино.
Каждое утро купец отпирает ставни,
Молится — о божественном и земном.
Небо — смотри! — расчерчено птичьим клином,
Листья олив без усталости шелестят...

Спит Мариам в осеннем Иерусалиме,
Знает, что отмолила своё дитя.

Анатолий Вершинский

Сонеты земляка

* * *

Воспитанник владимирского края,
 Андрей Дубенский¹ попросту не мог
 не вспомнить милый с детства уголок,
 причал на Енисее выбирая.

Где Кача с ним слилась — и встал острог
 как страж среди сибирского раздрая...
 Речная дымка, стылая, сырая,
 редела, и зарёй пылал восток.

Вот так же он мальчишкой ждал рассвета
 в слиянье Клязьмы с Лыбедью. И *эта*
 речная стрелка *той* была под стать...
 Спустя века истории бунтарской
 владимирскую землю с красноярской
 за названных сестёр прошу считать.

* * *

Крутой левобережный холм над Качей
 исхожен и любим с давнишних пор.
 Венчает кручу Троицкий собор,
 чья летопись иных легенд богаче.

И кладбище вокруг известно паче
 некрополей других на склонах гор,
 которыми стеснён речной простор,
 открытый только в небо, не иначе.

Здесь командор Резанов погребён;
 здесь родственникам Сурикова сон
 дарован — вечный, как земная слава
 великого художника; и, право,
 немало прочих значимых имён
 прочтёте здесь под колокольный звон.

1. Основатель Красноярского острога
 Андрей Ануфриевич Дубенский (1588–ок. 1640).

* * *

На рубленный из лиственницы терем,
что в центре Красноярска возведён,
гляжу с особой радостью, ведь он —
живой противовес моим потерям.

Потерям знаков прожитых времён.
Коль с их зарубками свой путь не сверим,
рискует мир оборотиться зверем,
утратив совесть — нравственный закон.

Банально? Виноват... Вхожу, робея,
под сень Литературного музея,
который в дивном тереме живёт;
смотрю, шепча слова благодаренья,
на книги земляков — на те творенья,
что собраны в один правдивый свод.

* * *

На правом енисейском берегу
ветвится сад, и редкостные звери,
и чудо-птицы, стройные, как пери,
живут в его магическом кругу.

Нечасто в этот круг войти могу,
хотя для гостя не закрыты двери.
Но трудно замечать свои потери,
когда вся жизнь проходит на бегу.

И всё ж мечта выигрывает: бинго!
И вновь передо мною двор фламинго,
насест орлов и лебединый пруд.
И как из камня вытесаны зубры,
и царственно-осанисты изюбры,
которых здесь маралами зовут...

* * *

Для гостя «Красноярские Столбы» —
туристская экзотика, где гиды
покажут вам открыточные виды.
Для здешнего «Столбы» — кусок судьбы.

Я мог бы стать столбистом, если бы...
Ах, это «бы»! — то с привкусом обиды,
то с искренним приятием планиды,
чьи доводы бывают и грубы.

В стенах общаги, временного дома,
меня ждала повестка военкома.
А после службы — новые края...
Но чувства, от восторга до испуга,
на вздыбленной скале и руку друга,
не давшую свалиться, помню я.

* * *

В родной приенисейской стороне
за гранью городской — песчаный взлобок.
Здесь мать с отцом лежат в земле бок о бок,
как подobaет мужу и жене.

Сиротство — чувство, ведомое мне...
Оставленный меж каменных коробок,
зовёт малец больших, но голос робок:
его не слышно в горней вышине.

За лёгкими, как дымка, облаками
поблёскивают звёзды угольками,
плывёт луна, как шарик надувной.
Ночные небеса многоочиты.
Но вправе ли я ждать у них защиты?
Не ангел — дрон витает надо мной.

* * *

Стенами краевой библиотеки
укрытый от житейской суеты,
искал я в книгах верные черты
эпохи, в Лету канувшей навеки.

За полтысячелетья даже реки
сменили русло. Вряд ли с высоты
плотин и эстакад увидишь ты
прибрежные остроги и засеки.

И только с книжных выцветших страниц
былой простор, не знающий границ,
глазам предстанет словно бы вживую...
Читальный зал. Тепло настольных ламп.
Старинный текст и редкостный эстамп...
Люблю библиотеку краевую!

* * *

С проспекта Мира к памятнику «Детям
войны» свернём и несколько минут
в молчанье постоим, побудем тут;
детей войны почтим хотя бы этим.

Но чем, помимо памяти, отметим
их быт сиротский и недетский труд?
Быть может, многолетье им споют
по всем церквам, дацанам и мечетям?

Тем временем законники страны
уважили уже детей войны
пособием ценой в четыре сотни.
Достанет тех дарованных рублей
на булки для бездомных голубей
и кости для дворняги в подворотне.

* * *

Мой край — на Енисее, не на Рейне,
но мне со школы памятна скала,
где многих на погибель обрекла
певунья-фея, героиня Гейне...

О Мерлине, Моргане, Франкенштейне
повсюду, от столицы до села,
за что кинематографу хвала,
судачим и на кухне, и в кофейне.

А помним ли сказания свои?
О том, как слить волнистые струи
случилось Ангаре и Енисею;
о том, как в Ергаках уснул Саян...
У каждого народа — свой Боян,
но слушаем охотней Лорелею.

* * *

Ничем не примечательный квартал,
застроенный панельными домами.
Я шёл сюда к живым отцу и маме,
когда из Подмосковья прилетал.

Подъезд хрущёвки (тот ещё портал!)
в былое возвращал, и я часами
беседовал с родными стариками,
уже и сам немолод и устал...

И вот он, дом, что издавна знаком,
и те же тополя стоят кругом,
и так же, как положено, округла
хоккейная коробка в стороне —
всё это вижу въявь, и надо мне...
масштаб лишь укрупнить на карте «Гугла».

Ольга Немежикова

Предлетье

Национальный парк «Красноярские Столбы»

Наш постоянный автор Ольга Немежикова любит и хорошо знает природу родного края. В «Енисее» №1 за 2018 год был опубликован её очерк «Зелёная весна. Заповедник „Столбы“». В №1 за 2019-й читателей порадовало продолжение темы: «Голая весна. Заповедник „Столбы“». Надеемся, что нынешняя публикация не станет заключительной в этой серии.

Фенологическую весну в наших краях завершает период предлетья, который длится двадцать дней — с третьего по двадцать третье июня. Лишь после летнего солнцестояния — самой короткой ночи и самого длинного дня — наступает настоящее сибирское лето. За предлетье в саянской тайге прекращаются снегопады, но ещё возможны значительные перепады температур, и жаркие дни чередуются с дождливыми холодными.

Предлетье — наиболее деятельный период в жизни флоры и фауны. Лес шумит свежей листвой, с восходом солнца звучит птичьим многоголосьем, пылят хвойные, расцветают самые яркие цветы, отцветают кустарники. Всюду обилие всевозможных насекомых. Возвращаются поздние перелётные птицы. У животных и оседлых боровых птиц появляется потомство.

Предлагаю любителям природы совершить шесть увлекательных прогулок в таёжное предлетье. Наблюдения велись в 2017 году, до постройки в долине Лалетины пешеходной тропы имени И. С. Ярыгина.

СКАЗКА ЦВЕТУЩЕЙ ДОЛИНЫ

07.06.2017. У скал высоко в логах доцветает черёмуха, а в долине Лалетины её кисточки уже унизились плодиками оливкового цвета.

С парадной лестницы Центрального входа Лалетины не видать — речка укрыта резным пологом дягиля. На приволье стебли этой гигантской травы распухли едва не с руку толщиной; листья, вволю напитанные теплом и влагой, раскинулись с тропическим размахом. Сегодня жаркий день, и большая поляна кажется облитой солнцем от обильного блеска лютиков, среди которых сияют удивительным серебристо-белым светом облетающие головки мать-и-мачехи. Порхают бабочки. Переливаются, переплетаются речные и птичьи коленца, наполняя долину желанием жизни и радости!

Иду по лесной тропинке у склона, замирая от восторга: именно в этот период тайга достигает апогея великолепия. Прелая подстилка ушла под зелень. Деревья развернули листву. Всюду бабочки, птицы, цветы. Куда ни глянь, можно писать картину, сочинять музыку и стихи, предаваться вдохновению: природа обращает к самому прекрасному, что есть в человеке, — к его любви ко всему доверчивому и живому.

Обочины тропинки щедро обрызганы жёлтыми лютиками. Над ними снежная кипень таволожника с резковатым приятным запахом, напоминающим свежий мёд.

Чем дальше в лес, тем пестрее, наряднее. Удивительно, но нынче склоны усыпаны несметным количеством цветущего марьяна корня — не каждый год случается такое обилие. Кажется, вокруг не тайга, а чудесный пионовый сад! Десятки, сотни пионов, разбросанные поодиночке, по пять, десять, пятнадцать штук в одной куртине. Их огромные нежные лепестки напоминают розовые паруса — вот-вот сорвутся и полетят... Завязались первые звёздочки-кошельки с будущими «гранатовыми» зёрнами пионов.

Марьян корень прекрасен не только ароматными цветами и узорными листьями, но и окраской зелени. Ранней весной — вишнёвого цвета, летом — тёмно-изумрудного, к осени она становится розово-золотой. Именно осенний наряд отличает марьян корень от других пионов — эта особенность отражена в видовом названии травы: пион уклоняющийся (неправильный, необычный).

Шурсть! Из-под ног юркнула к склону ящерка: грелась на камушке тропинки, пока не услышала мои шаги; часто зашуршала сухой травой у земли... И стихла. Мне, конечно, захотелось разглядеть ящерку, да куда там! Зато разглядела первые лютики. Они отцвели и попрятались среди трав и высоких собратьев, сеют свои семена: плод на тонком стебельке напоминает шипастую булаву из зелёных шариков, каждый с полумягкой иголочкой на верхушке — уколоться не уколешься, но стоит задеть иголочку, скользкое семечко тут же отскакивает и теряется среди подстилки.

Поднимаю голову: молодые сосёнки склона унижены канделябрами желтоватых крепеньких побегов, длинных, до полуметра. Их вершинки мягко склонились на одну сторону, будто дует по склону ветер — однако в долине ни ветерка. Специально отыскала невысокую сосёнку и рассмотрела поросль — это смолистые «свечки», утыканные, как ежи, короткими ещё иголочками, попарно обёрнутыми тонкой плёнкой в одну трубочку-двухвостку. Растут, торопятся.

А вдоль тропинки спешат в рост невеликие «сосёнки» хвоща — ярко-зелёные, пушистые, «членистоногие»! «Хвоинки» хвощика, как и его стебелёк, словно бы сложены из многих сегментов — необычное и нарядное растение.

Незаметно добралась до Чёртова пальца. Под ним, у подножия склона, зацвёл чистотел: округлые жёлтые крестики кажутся бархатистыми,

настолько глубок их матовый цвет в тени деревьев и зарослей родной зелени салатового оттенка.

Поодаль отцветает куст акации — успел развесить плоские стручки. Немного грустно становится: как быстро, стремительна наша весна, мчится, словно в ускоренной съёмке, в каждом кадре меняя цвет... Но зато есть у нас и лето, и осень: пускай не длинные, не короткие — какие есть! И много-много зимы — быть может, для того, чтобы вспоминать и желать весны, лета и осени.

В пронзительно-голубое небо вздымается розоватый утёс, покрашенный охристыми лишайниками и сизыми травами на обрывах. Вокруг покачиваются полупрозрачные волны ковыля перистого — метёлки его покамест не распушились. В синеве парит чёрный коршун, то появляясь, то исчезая за склоном.

А у подножия среди зелени пестрят цветущий таволжник и чистотел, аметистовые пионы склоняют головки, вспыхивают жарки́. В нескольких шагах за спиной торопится, булькает по камням говорливая Лалетина. Посвистывают вокруг, заливаются птицы — не время ещё кузнечикам и цикадам. Оглядываюсь: в горячем воздухе лес серебрится зелёным — листва зеркалами отражает ослепительный свет.

Длится таёжная весна, и каждый день что-то в ней прирастает, привлекают внимание новые травы. Беловатым маревом крапчатых зонтиков заklubилась высокая «петрушка» купыря лесного — душистого мягкого растения с пряным приятным запахом, особенно сильным, если растереть зелень между ладонями. Розовеет «свечками» горец змеиный, он же змеевик большой, тоже ароматное растение. Оттенок его цвета особенный: восковой, прохладно-голубоватый, нежнейший. Встречается более скромный горец перечный, цветущий рассыпчатыми кистями поникающих белых соцветий.

По пути пригляделась к таволжнику: рассыпчатые соцветия оторочены побегами — восстанавливаются хрупкие веточки, повреждённые за зиму.

Расцветает бело-оранжевыми кистями высокая чина Гмелина. С ней всплывает воспоминание: заповедник «Столбы», Советский Союз, живой уголок Елены Александровны Крутовской. Мы, столбисты, частые гости кордона Нарым (восьмидесятые годы) и расположенного в нём живого уголка, заготавливаем «чинные» веники для зимней подкормки маралов. С тех пор запомнилось: чина — оленьё лакомство. Действительно, её крючковатые на концах сочные побеги имеют сладковатый вкус и полезны всем как весенняя зелень.

Жарков по пути встречается больше и больше: на одном стебле полыхает нередко по нескольку розочек. Их так много, словно иду по саду жарков. Над ними вьются мухи и бабочки. Неожиданно следом за бабочкой... вспорхнули лепестки цветка! Это взлетела бабочка-зорька, по краям беловатых крылышек украшенная будто бы лепестками жарков — цвет удивительно совпадает. Вернее, не взлетела,

а взлетел, потому что зорька с оранжевыми краями — это самец. Он взлетел, ненадолго закружился в танце с пролетающей белой бабочкой, тут же метнулся к другой. Самки зорьки скромно окрашены, вокруг много схожих белянок, и ему предстоит отыскать единственно свою. Незабываемое зрелище — полёт зорьки над жаркáми.

Тут же летают маленькие пушистые толстоголовки, тоже огненные, с чёрным кружевом по краям крылышек и крапом по всему полю. На корнях и влажной земле собираются группами небольшие бабочки в белых кружевах по тёмным крылышкам — пяденицы. Один мотылёк особенно заворожил: белоснежный маленький ангел с пушистыми крылышками, тельцем, лапками и усиками.

Доцветает яблонька — тропинка под деревцами усыпана белым. К поздним цветам постоянно навешиваются пчёлы: надо спешить, ведь на ветках уже румянятся грушевидные плодики в присыпках рыжих, сгоревших на солнце лепестков.

Лесная герань набрала полный рост, разголубилась нежно-фиолетовыми цветками с чернильными прожилками «кровеносных сосудов» на лепестках. Шиповник оделся листвой, ни сном ни духом пока о цветах — дикая роза цвести не торопится. Среди трав тут и там крап незабудок, белой герани и нежных звездчаток.

Иду, никуда не спешу, поминутно любуюсь на многоцветье тайги, как вдруг... Так и остановилась, присела на упавшую поперёк тропинки берёзу, заворожённо гляжу на открывшуюся картину. Вдоль вильнувшей в заросли земляной тропинки раскинулся праздничный ковёр, затканый сплошь жаркáми и лютиками! Оранжевое с жёлтым по изумрудно-зелёному... Заросли хвоща воздушно взбивают травы, из них, восходя, сияют берёзы. Непрозрачным янтарём светятся стройные сосны, устремляясь в зелёную светотень с лазурной мозаикой неба. Над тропинкой аркой (последствия снеголома) согнулась молодая берёзка, свесив густые пряди. Перевожу взгляд: под деревьями склона среди пышной пены таволожника розовеют крупные чаши марьяна корня. Белое с аметистовым по изумрудно-зелёному...

Справа за осинами, ольхой и черёмухой журчит Лалетина. Мелкие птицы заливаются, радуясь солнцу. Бабочки, словно феи, порхают среди изобилия расцветших красот...

Боже мой! И кто сказал, что нет на земле рая?! Немудрено, что этот совсем короткий участок лесной тропинки от начала пути до экологической тропы, что начинается перед Лалетинским кордоном, я иду, забыв о часах...

Далее тропинка ныряет в таинственный папоротниковый лес, раскинувшийся над стеблями хвоща зимующего. Его кремнистые голые стволы теряются среди раскидистых тенисто-солнечных воронок страусника — в благодатных угодьях эти гиганты могут скрыть всадников. Кончики декоративных листьев страусника ещё свёрнуты спиральками.

Папоротник орляк любит расти на склонах. В этот период его густые завитки расправляются в опахала, которые вскоре укроют сплошь негустые в местах его произрастания травы. Над кочками корневищ папоротника кочедыжника зеленеют чешуйчатые поросли.

Калужница отцвела. Лишь в тёмных логох можно встретить измелъчавшие жёлтые цветочки, зато прикорневые листья калужницы вымахали в полный рост. Лаковые, сердцевидные, теперь они не особо заметны, но всё равно очень красивы.

Нет-нет да встретится на лужках доцветающая медуница. Среди активных зарослей крапивы двудомной прячется совершенно не жгучая, но листьями схожая с ней яснотка белая (глухая крапива). Она уже цветёт белыми браслетиками над черешками листьев.

Куда ни глянь, всюду картины, достойные созерцания! Даже обычный ползучий пырей в это время филигранно красив. Вот он, тут и там ломится дружными семьями, вклиниваясь среди валежин, камней, мхов и растений. У воды на чернозёме пырей вымахал в пояс, тянется узловатыми стволиками с островерхими колосками, изящно изгибая поникающие ленты листьев.

Среди приземистых трав необыкновенно пахуча будра плющевидная (она же собачья мята), цветущая мелкими лиловыми «собачками» в пазухах округлых листьев. Запах её приятный, специфический и бодрящий настолько, что эту траву используют для ароматизации тонирующих напитков. Для чая он, пожалуй, чересчур резковат. Но здесь, во влажной тени, вдыхаешь его с наслаждением, и, стоя на тропе, можно попробовать сосредоточиться и различить аромат будры среди шлейфов таёжных духов.

Иду по тропинке, периодически сбрасываю с себя клещей: в предлетней лепестково-мотыльковой лепоте — самое их время. Пару десятков, наверное, я отловила, но один таки оказался проворнее прочих и успел впилиться. Именно впилиться, потому что хоботок клеща «в работе» напоминает пилу, чтобы животное, к которому он присосался, не могло его скинуть. Недавно присосавшегося клеща вытащить довольно легко — укрепляется он не сразу, как и почувствовать — свежий укус сопровождается некоторым зудом. Но если обнаружить «подвеску» только под утро (клещи быстро обезболивают место укуса), то придётся проделать поистине медицинские манипуляции по извлечению упрянца. Впрочем, манипуляции несложны, если не придавать им значения больше, чем они того стоят. Но после ранку необходимо обработать — клещи вызывают длительное раздражение повреждённого участка. Вот она, вторая сторона очарования. Не так страшен медведь в сибирской тайге, который к контакту с человеком не шибко стремится, как вездесущий клещ, поджидающий всюду. А потому лучше не забывать о ревакцинации, чтобы очередные три года о встречах с клещами не беспокоиться.

Удивительно, но до сих пор на тенистых склонах в укромных местах встречаются нежные ключики-первоцветы. Неброские на фоне ярких цветов, они очень пригожи.

Расцвёл красноствольный кустарник свидина. Кончики молодых оливковых веток осыпаны белыми скоплениями мелких крестообразных звёздочек с высокими, как струи фонтанов, тычинками. Аромат свидины тонкий, приятный и людям, и насекомым.

Приглядевшись к многоцветью, всюду — в траве, на кустарниках, особенно среди таволожника, — вдруг является взору таёжная лиана — княжик сибирский. Его повисающие четырёхлепестковые колокольчики, жемчужные, длинные, как музыкальные пальцы, всякий раз поражают воображение! Они выглядят развешенными сами собой, настолько незаметны длинные цветоносы и лазающие стебельки. Тоненький ствол таёжной лианы покрывается корой, потому изящный княжик относится к кустарникам.

Всюду цветёт таволожник, всюду жаркí. Белое с оранжевым по изумрудно-зелёному...

Над экологической тропой «Книга природы» цветов обычно немного — склон крутой и тенистый, супротивный солнечному собрату, большую часть дня прогреваемому лучами. Зато именно здесь, на тенистом склоне, я встретила свои первые в этом сезоне венерины башмачки!

Встреча с орхидеями всегда наполняет восторгом, настолько завораживают необычайные формы цветка. Башмачок пятнистый — невысокая орхидея. Её лапоточек с лесной орех, пурпуровый в белый крап, прикрыт белым лепестком, изнутри таким же крапчатым. По краям башмачка топорщатся крапчатые «усы». Цветок прикрыт травами, запросто можно пройти, но стоит его заметить, внимательно приглядеться, как башмачки появляются, словно заговорённые! Этот цветок, как и другие виды башмачков, подлежит охране, на него можно лишь любоваться, ни в коем случае не срывать. Тут же, на склоне, порадовали касатики — невеликие лиловые ирисы, расцветшие у самой земли среди остренёжных листьев — не вытянулись ещё цветоножки касатиков.

На обратном пути специально прошла мимо кордона — здесь, на краю площадки снесённых изб, растёт раскидистая рябина. Снизу доверху усыпанная пышнейшими корзинками — нет, лукошками (!) соцветий тёплого сливочного цвета, она удивительно скромна в своём наряде в лучах заходящего солнца...

Улыбка «Столбов». Первые лилии

11.06.2017. В этот день пара свободных часов выдалась лишь под вечер, и мы с мужем решили сходить на Чёртов палец — полюбоваться заходящим солнцем и поискать эдельвейсы.

От остановки «Турбаза» до Чёртова пальца расстояние недалёкое — минут двадцать неспешной ходьбы. Надо подняться мимо

коттеджей и выйти на тропинку, что вьётся вдоль границы леса и степи с живописными скалами.

И вот мы стоим на одном из утёсов. Отсюда прекрасно видна долина Енисея в обрамлении классических таёжных хребтов — такими пишут их на полотнах. Посреди серебристого от заката Енисея светится зелёный остров.

Внизу крайним по правую руку выступает тот самый останец Чёртов палец, что виден с лесной тропинки вдоль Лалетины. Повыше ниспадают два скальных гребешка, подкрашенных рыжими накипными лишайниками. Гребешки, как и остальные скалки, с лалетинской тропы видны только сбоку, на подходах к Чёртову пальцу. Сам же скалистый склон хорошо открыт обзору с центральной дороги.

Я обернулась, и взгляд, пробежав вверх по степи, остановился на выпуклой скалке в обрамлении неба. Наверное, скальные выходы единой толщи осадочного происхождения правильнее было бы объединить под общим названием Чёртовы пальцы — они действительно отдалённо напоминают окаменевшие пальцы старого чёрта, торчащие из земли.

Наверху тропинка огибает степь над первым притоком Лалетины — ручьём с романтическим названием Змеиный Лог, он же — чёткая граница степи и леса. На хребте путь теряется в тайге, зато отсюда открыта величественная панорама долины Енисея, но с трёх сторон к этой видовке подступает лес, за которым, кроме сосен, берёз и лиственниц, ничего не увидишь. А с нашего утёса можно окрест любоваться.

По левую руку видна таёжная долина Лалетины с громадами скал. Это Перья, Дед и огромный двугорбый массив слившихся очертаний Первого и Второго Столбов. Отсюда пейзажем с далёкими скалами можно любоваться в любую погоду, даже в снегопад и в туманы, когда Столбы исчезают и вновь появляются на горизонте. Не верится, что до этих синих скал можно добраться всего за час с небольшим энергичной ходьбы.

Внизу, на фоне хребта, что перед нами, вдруг появились, выплыв из темноты, два коршуна. Медным блеском в свете заходящего солнца отливают их оперение, выглядит светлым над густой тенью чернеющего хребта. Коршуны описали круг и, ни разу не взмахнув крыльями, молча скользнули за солнцем за хребет, в сторону зоопарка «Роев ручей». Величественные птицы...

Флора Чёртова пальца совершенно иная, чем в долине, — степная. Взгляд первым делом выхватывает ковыль перистый. Его шелковистые нити тянутся конским волосом, ниспадая к земле. Скоро ковыль распушится, станет ещё воздушнее и поплывёт седоватыми волнами, среди которых, как русалки, будут наивно выглядывать жёлтые лилии красоднева, видные издали, даже с центральной дороги, настолько густ и ярк их матовый цвет. Стоило лишь приглядеться, как среди ковыля показались крепкие стрелки красоднева с тугими бутонами

в окружении зарождающихся. А вот и граммофончик первой лилии! Хотя цветок раскрывается только на один день, бутонов на стрелке завязывается до девяти штук, и красоднев долго радует любителей природы дивным обликом в роскошных ковыльных «водах».

Походила по склону, отыскала множество прошлогодних «бокальчиков» на длинных стебельках — раскрытых плодиков лилий. Винтажно выглядят, завораживая старинным обликом. Любуясь этими неожиданными древностями, отыскала ещё одну свежую красавицу, миниатюрную на фоне жёлтой своей сестры, — красно-оранжевую лилию карликовую, она же саранка степная. И хотя цвет её неистово огненный, издали она не видна — уж больно невысока, теряется в травах и довольно редка.

Сейчас окружающий лес необыкновенно наряден — над травами дружными белыми цветами буйно раскинулся ветреник косматый. Встречать его в самом заповеднике мне ни разу не доводилось: не видела с троп, а здесь, в лесу, граничащем со степью, среди зелёных сейчас таволжника и кизильника, ветреники белеют повсюду!

По всей степи на вытянувшихся стебельках топорщатся «шапочки-растрёпки» отцветших прострелов, он же сон-трава, или подснежник. А сколько степных трав ещё предстоит узнать! Вот так всегда... Сначала просто любишь картину, потом замечаешь детали, и в каждой из них — огромный неведомый мир! Так, начав описывать впечатления от природы, я незаметно увлеклась ботаникой и даже представить не могла, сколько радости и неожиданных открытий это подарит! Новичку в ботанике разобраться непросто: пока растение не зацветёт, его зачастую и узнать-то по фотографиям и рисункам нет никакой возможности, а многие травы надёжно различимы лишь по плодам.

И вдруг в этих мыслях, улетевших в библиотеки за учёными книжками и на просторы Интернета, до меня донёсся призывный голос мужа: «Нашёл!» Эдельвейсы нашёл, опомнилась я, потому что сама их так и не обнаружила.

Это была небольшая куртинка низенькой голубоватой войлочной травки, незаметной среди степной растительности. Но главное, они, эдельвейсы, продолжают здесь появляться! Летом, работая в поле в Туве, мы в геологических маршрутах постоянно встречали эдельвейсы. Но там не приметить их сложно: крупные бархатистые звёзды, созвездия! В Туве — поля эдельвейсов! А наши эдельвейсы — бледные крошки, малозаметные на фоне лесного мусора, камушков и травинок. Но всё равно — эдельвейсы.

Наглядевшись благоговейно на пушистую поросль, мы отправились обратно. Дошли до сворота к дачной дороге, оглянулись... И обомлели! Скальные гребешки в заходящем солнце светились, светились настолько, что, казалось, свет приподнял их от земли, и камни стали лёгкими — воспарили! Улыбаются скалы!

У нас это явление называется улыбка «Столбов» — когда на рассвете или в заходящем солнце скалы вдруг ненадолго начинают терять свою каменность и кажутся воздушными зámками и миражами. Однажды мы с мужем на осеннем закате попали на феерическое явление светящихся скал. Это было что-то совсем ирреальное — сиениты светились янтарно и... изнутри! К сожалению, такое встретилось только однажды и длилось не более нескольких минут. Счастье, что в эти минуты мы как раз оказались под Первым Столбом.

...Когда гребешки опустились на землю, я посмотрела в небо: там зигзагами, словно выписывая послание иероглифами, размывался след самолёта. На него наплывала огромная, с полнеба, полупрозрачная птица — перистокрылое облако...

КАЛИНА ЦВЕТЁТ! БАЛ ОРХИДЕЙ

14.06.2017. Наблюдения природы неизменно приносят радость, особенно когда знаешь, куда смотреть, чтобы видеть. А если внезапно увидела то, что раньше замечать и в голову не приходило, охватывает чувство, что природа рада твоему присутствию, ты в своём доме, где тебя любят и ждут. Вот оно — единение, гармония, цельность, медитация, счастье, свобода, спасение, вера в жизнь... Желание жить! Природа — самый совершенный и доступный целитель для всех.

Удлинённые сосновые побеги выпрямились и заметно позеленели: хвоинки освободились от обволакивающих плёнок и наконец разлепляются. Спешат, тянутся сосны к небу, пока стоят жаркие длинные дни. На ветках взрослых деревьев, перед приростом текущего года, хорошо видны свисающие салатные конусы годовалых шишек. Ближе к стволу на мутовку чернеют прошлогодние шишки. Ещё не опавшие, они заметны издали и очень декоративны.

В предлетье, когда дневной воздух прогрелся до двадцати градусов, самое время полюбоваться цветением сосны. Высоко над землёй на кончиках одних веток матово розовеют зародыши шишек, на других ветках солнечно светятся мужские колоски. Сосна — дерево однодомное. Внимательно присмотревшись, несложно убедиться, что мужские цветы обильно усыпают деревья только с мощным мужским началом. На женских соснах мужских «колосков» немного.

Цветение сосны я наблюдаю у лесной полосы возле шоссе перед парадной лестницей Центрального входа — колоски и шишки здесь как на ладони. Отсюда, с солнечного пригорка перед лестницей, вообще «всё начинается»: и весна, и дорога на «Столбы». Здесь вдосталь тепла и света. Под навесом высокой берёзы доцветает лесная клубника, завязались первые ягодки.

Зацвёл клён татарский. В отличие от клёна американского, выгодно растущего в Красноярске и пригородах, клён татарский у нас редок. Тем интереснее наблюдать за диковинным деревом, что обосновалось как раз напротив третьего поворота парадной лестницы.

У него крупные листья пальчатой формы, однако не такой «кленовой», какую рисуют в букварях. Пучки мелких белёсых цветков растут из пазух листьев вдоль кроны. На цветках много пчёл: клён татарский — превосходный медонос.

Яблоньки сверкают чистыми, без чашелистиков, ягодками, которые едва уловимо пахнут зелёными яблоками. Чашечка цветка яблони ягодной всегда опадает, этим дичка отличается от культурных «сестёр», потому её плоды — именно ягоды, а на привычных нам яблоках непременно сохраняются чашелистики.

Наливаются плоды черёмухи, набирают объём. Таволжник кропит лепестки на листья лопухов, что взбитыми бархатными покрывалами расположились у свай.

Лестницу сейчас украшает калина. В этот период её кружевной белоснежный наряд и сравнить-то не с чем!

Во время цветения калины видно издалека, насколько этот кустарник распространён в округе. Любит она долины, особенно много её произрастает от остановки «Турбаза» до кордона «Лалетино».

Большая дорога во время цветения калины нарядна необыкновенно! Зелень калины темна от густоты, а «салфетки-фриволите», горизонтально усыпающие крону, прямо-таки сияют. Снизу доверху пышно цветёт калина, обликом напоминая хлебосольную русскую барыню. На кордоне «Лалетино» под огромной берёзой растёт высокая рябина, под ней — раскидистый калиновый куст. Рябина отцвела, и куст калины сразу принарядился.

Соцветия калины в стадии начала цветения необычайны. Середина соцветий словно вышита снежным бисером плодущих бутонов в обрамлении венка крупных «цельнокроеных», со сросшимися основаниями, плоских, будто бумажных, пятилепестковых цветков без тычинок и пестиков. Это стерильные декоративные цветки. Красотой и приятным ароматом они привлекают насекомых. Сюда уже навевается множество пчёл, мух и рыжих рабочих шмелей: ждут не дождутся «настоящих» цветочков, потому что калина — прекрасный медонос.

О шмелях. Я не веду системных фенологических наблюдений, но пишу обо всём, что привлекает моё внимание за несколько часов прогулки. Даже с тропинки, не заходя в охраняемую тайгу, можно увидеть очень и очень многое. Двадцатого апреля мимо меня пролетел ранний бомбус (так ласково называют шмелей любители этих замечательных насекомых; бомбус — от латинского *Bombus*, родового названия перепончатокрылых семейства пчелиных). Седьмого мая я встретила на первоцветах крупных полосатых шмелих без обножек (мешочки пыльцы на задних лапках) — значит, они только подкармливались после зимы. Обычно от пробуждения до закладки гнёзд шмелихам требуется полторы недели, далее проходит около месяца до вылета первых рабочих шмелей. Выходит, наступило самое время им появиться. Шмелихи больше не покинут своих норок, они заняты

исключительно потомством. Однако не все шмелихи приступают к размножению ранней весной. Часть из них продолжает вольно кормиться, в своё время они проникают в готовое гнездо и умертвляют уставшую матку. Заняв её место, откладывают яйца и выращивают личинки. Замены обычны в жизни шмелиных семей и за лето случаются многократно.

На большой поляне лютики из свежих бутонов распускаются и распускаются. Заметно, как то одна, то другая чашечка на длинном стебельке вдруг начинает клониться среди спокойных своих собратьев: шмелёк подлетел.

Стеной вымахала крапива двудомная, вот-вот погонит метёлки зелёных цветов. «Под ногами» жгучей родственницы белеет ароматными браслетиками «безобидная» яснотка.

Парашютики мать-и-мачехи унесены ветром — теперь шарами одуванчиков, крупными, мутными, словно газовыми, густо убранным тенистым окаём великолепной поляны.

Дягиль жирует над водой, разворачивая несравненные по величине резные листья. Среди его непролазных зарослей пробиваются, находят окна соцветия нежно-фиалковых цветов. Это сердечник крупнолистный, влаголюбивое растение из семейства крестоцветных — ароматный цветок сердечника сложен четырьмя лепестками.

По берегам кисейными облаками цветёт высокий, в человеческий рост, купырь.

И над всем этим благоуханием мельтешат бабочки, витают мелодичные звуки птиц и журчание Лалетины, сливаясь в единый поток солнечного воздуха! Над поляной шумит шоссе, но красота захватывает настолько, что на грохот дороги не обращаешь внимания.

Налюбовавшись на большую поляну, перевожу взгляд на лесную тропинку: только что на неё слетела и быстро побежала, покачивая длинным хвостиком, маскированная трясогузка. Насекомыша на бегу клюнуть успела, ещё какую-то мошку словила и порхнула над тропинкой вверх по долине. Я шагнула следом за птичкой.

С таволожника, растущего у самой тропы, ветерок только что сбил крошечные лепестки — трогательно лежат, белые, на тёмной земле... По обочине среди свежих трав примеряют первый красновато-оранжевый наряд одиночные, без цветоносных стеблей, «кленовые» листья герани. Очень нарядны воздушные шиньоны хвощей.

Иду не спеша, люблюсь, вокруг посматриваю: что в тайге нового?

Завидя меня, с отрывистым криком метнулся из чащи большой пёстрый дятел, перелетел на дородную сухую берёзу, утыканную серыми блинами-трутовиками. Под берёзой тлеют мшелые сучья. Дятел деловито поскакал вверх, по пути что-то поклёвывая в ошмётках коры, то и дело скрываясь из виду, осторожно выглядывая из-за ствола: видно, хотел убедиться, не пытаюсь ли обнаружить дупло с птенчиками. Маячил, старался, что есть сил отвлекал.

И вдруг... Травянистый склон, под которым сохнет эта берёза, оказался... густо усыпан огромными, чуть не с кулак величиной, пурпурными венериными башмачками! Их так много — десятки цветов, словно собрались они на бал орхидей!

Венерин башмачок крупноцветковый — самая крупная орхидея тайги. Несказанно прекрасный цветок, глядя на который, забываешь дышать: башмачок напоминает мешочек, надутый фантазиями и мечтами... Завязанный великолепным, таким же пурпурным бантом, он благоухает тонким ароматом с ореховой нотой. Башмачок крупноцветковый во всём мире занесён в Красную книгу. Цветёт он достаточно редко, а потому встречу с ним можно считать удачей. Видимо, нынче год орхидей, потому что далее на своём пути я не раз встречала это яркое чудо, но в скромных количествах — один или два-три рядом растущих цветка. Нынче тайга щедро красуется пурпурным цветом: отцвёл марьин корень — явился башмачок крупноцветковый!

Восхищённая, незаметно я подошла к Чёртову пальцу. Ай да трясогузка! Как призывно она махала тоненьким хвостиком! Я ведь вполне могла отправиться вверх по центральной дороге... А дятел, что с криком вылетел из лесу, приглашая остановиться?! Взгляд на склон, в этом месте степной, заставил вновь взволноваться: среди ковыля и степных трав ярко желтеют великолепные лилии — много! Красоднев — жёлтый лилейник — тоже редкое растение, но нам, красноярцам, с ним повезло: в степи Чёртова пальца он цветёт ежегодно и довольно обильно.

Начал цвести шиповник — розовеет в тени дикая роза. Как хорошо остановиться и попробовать уловить её состояние, своё состояние рядом с ней. Здесь и шипы, и изящные востроносые кулёчки тугих бутонов в цепкой оправе, и изысканный оттенок лепестков, чарующих вечным на все времена ароматом.

Ряские заросли чистотела под Чёртовым пальцем отцвели первой волной, появились первые стручковидные плоды, но бутонов видимо-невидимо — хватит до холодов! Чем дальше в тайгу, тем чаще встречаются яркие цветущие купы чистотела. Жарков на этом участке тропинки днём с огнём не сыскать — осыпались огоньки, отцвели. Теперь на высоких стебельках красивой травы купальницы зреют плодики — зелёные листовки с семенами внутри.

Воздух, пока не разгулялись грозы, не пролили как следует дожди, чист от комаров-пискунов — сухая жара не позволяет им размножиться массово. Эта благодать ненадолго; впрочем, иногда её нарушают первые слепни. К счастью, стай этих злыдней, заслоняющих солнце, у нас не водится. И хотя тайга — оазис для кровососущих ушкуйников, до наступления маковки лета летучих вампиров настолько чуть-чуть, что о них можно не вспоминать.

Повсюду, куда ни глянь, пересыпь незабудок. Это незабудка болотная, она любит влажные места и в долине Лалетины встречается

повсеместно. Незабудка — одна из немногих долгоцветущих трав. На протяжении всего лета радует этот символ юности, нежности, верности. Незабудку часто сопровождают, создавая ансамбль, снежинки звездчатки.

В тени беловатыми кулонами унизалась изящно изогнутая купена — растение из семейства спаржевых, подсемейства ландышевых. Её колокольчики с шестью крошечными зеленоватыми зубцами поочерёдно свисают по одному, по парочке из пазух красивых ребристых листьев.

Пионы отцвели, жаркий повыше вот-вот отойдут — вместе с ними отцветает молочай желтеющий. Его крупные лимонные соцветия понемногу разрыхляются, распадаясь на отдельные «островки» с чечевичками завязей, необычный цвет растворяется, приобретает характерный для листьев оттенок. Орхидеи, за редким исключением, прячутся подальше от человеческого взора. На лютиках давно больше плодов, чем бутонов. Не столь великолепные, как предлетние, летние цветы ещё не вошли в пору — самое время обратить внимание на скромно цветущие травы: купена — одна из них. Изящно склонёнными пёрышками поднимаются от земли её стебли, украшенные цветами-кулонами и листьями-лодочками с продольными жилками.

В сумраке ельников расцвела приземистая ароматная травка — майник двулистный: над парой сердцевидных листьев опушённой стрелой возвышается беловатый цветонос в окружении... звёзд из мультфильма?! или бисеринок, обросших игольчатым инеем?! Лепестков в привычном понимании у цветков майника нет, его украшают крупные белые тычинки с хорошо различимыми пыльниками, лучами расходящиеся вокруг мясистого пестика. Майник тоже относится к семейству спаржевых, плод которых — ягода, её с удовольствием поедают олени и рябчики.

Среди трав встречаются отдельные кустики цветущей клубники, синие ирисы-касатики. Невдалеке от воды на темноватых бархатных стебельках повисли цветки элегантного гравилата речного. Необычные мохнатые шарики тщательно обёрнуты кремовыми лепестками, стянуты синева-бордовыми чашелистиками. Повсюду над травами красуются пастельно-розовые голубовато-воскового оттенка плотные колоски змеевика — горца змеиноного. Ароматное растение, оно манит к себе всех насекомых, особенно много на нём блестящих жуков.

Чудесная пора! Всякая травинка свежа, всякая превосходна! Лес полон птичьими посвистами, но самих птах почти не видать — прячутся в кронах. Но вот порхнула на тропинку серо-жёлтая птичка — горная трясогузка. Белыми пятнами на боках она хорошо отличается от жёлтой трясогузки, также обитающей в заповеднике. Покачивая хвостиком, горная трясогузка проворно бежит по тропинке, окружённой страусниками, по ходу ловко хватая мошек.

Сегодня я вышла на прогулку под вечер, солнце уже коснулось хребта, сияет сквозь кроны огненной вспышкой, протыкая хвою и листья мириадами невесомых лучей. Кажется, стволы сосен за день прогрелись до медного блеска, берёзы добела раскалились, осины рассеребрились, и теперь под вечер кипящую пенную зелень осторожно охолоняет прохладное небо. Заливисто кличет парящий коршун. Под ним, далеко внизу, вьётся лесная тропинка, вдоль склонов теряется...

Пересыпанный тенью, таинственно светится кружевной страусник. Развернул великолепные вайи-листоветви, раскрутил «барашки» кончиков, конусами распахнулся. Глядя на это ажурное чудо, как не поверить в цветок папоротника?! Ну быть не может, чтобы такая трава не одарила невиданным цветком! Она и одаривает — именно невиданным, сказочным, волшебным, приворотным цветком, живущим в верованиях славянских народов.

Под светящимся страусником сохнут, чернеют прошлогодние дудки хвоща зимующего, необычного растения, состоящего исключительно из побегов. Это он, хвощ зимующий, по весне, сразу после схода снегов, дивит экзотическим видом: словно иглами дикобраза топорщится над землёй.

Углубляясь по тропинке, отмечаю одиночные жарки. Чем выше в долину, тем чаще они встречаются — здесь цветение началось позднее. Там, где неделю назад я любовалась пламенеющим ковром сотен жарков, сегодня насчитала едва пяток головок. Больше нет лужаек, сплошь усыпанных оранжевым крошевом, как выше по тропе почти нет и самих лужаек: купальницы любят свет и воду, а тайга, считай, дремучая пустыня — в ней не так много воды, как можно подумать. Правильнее сказать, в тайге воды практически нет — летом родники нередко пересыхают. Потому тайга без сверхусилий и необыкновенной удачи непроходима.

Роскошно расцвела крупными, заметными издали бело-рыжими кистями чина Гмелина. Удивительно, насколько лёгким, чётким, утончённым ароматом обладает этот непритязательный цветок, названный в честь выдающегося немецкого естествоиспытателя восемнадцатого столетия Иоганна Георга Гмелина (1709–1755). Энциклопедист, талантливый рисовальщик и литератор, И.Г. Гмелин, будучи на службе русского правительства, десять лет путешествовал по Сибири, преодолел многие тысячи километров, изучая минеральные и биологические ресурсы. Обработав коллекции и дневники, Гмелин составил для Петербургской академии наук многотомный труд «Флора Сибири», а по личной инициативе опубликовал в Германии интереснейшее четырёхтомное «Путешествие по Сибири», частично переведённое на русский язык лишь в 2012 году. В царской России перевод был запрещён по цензурным соображениям. Личность легендарная и многогранная, человек, интересовавшийся всем, что

видел вокруг себя, три раза во время своих странствий Иоганн Георг Гмелин останавливался в Красноярске.

Неожиданно на склоне в тени таволожника заметила приподнявшийся цветок марьяна корня, прощально кивающий — до будущей весны...

Очень жаль, но приходится констатировать, что клещей вокруг великое множество. По тропинке меня обогнали шесть человек, наверняка много клещей нацепляли, тем не менее я непрерывно скидываю с одежды плоских членистоногих — не убывают, ползут и ползут.

Зато тут и там на склоне видны дружные семьи пятнистых венериных башмачков — белеют маячками их белые «шапочки».

А сколько вокруг бабочек! Пеструшки темнокрылые — среднего размера бабочки с белыми пятнистыми лентами по тёмно-шоколадному фону — роем вспархивают с влажной земли, где, тесно собравшись, пополняли запасы минеральных веществ. Повсюду мелтешение мотыльков, крупных белых боярышниц. Стайки кружевных пядениц облепляют стволы у земли, порхают над травами.

На кормушке встретила белочка: ярко-рыжие лапки, искрасна-бурая спинка, белоснежные грудка и брюшко подбиты рыжим, рыжий пушистый хвост и кисточки на ушках — самый летний беличий наряд! Белка грызла прошлогодние кедровые орешки, не обращая на меня внимания. Среди угощения вынюхивала целые, хватала зубами, усаживалась, устраивала орешек между запястьями и с хрустом щёлкала.

Лалетинских криков давненько не видно: улетели линять и гнездиться.

Дождь выпадает немного, но на тенистых склонах в изобилии появились монетки — светлые ломкие грибки на тонюсеньких ножках. Они украшают лесную подстилку и пахнут очень приятно — настоящими летними грибами!

ЛАЗОРЕВАЯ СИНЮХА. ЛЕНТОЧНИК ТОПОЛЁВЫЙ

18.06.2017. Пёкло... Тайга в раскалённом солнце серебристо-зелёная. Листва по-весеннему свежа и смолиста — мириадами крошечных зеркал отражает свет либо прозрачно сияет, в тених сгущаясь до углистой зелени. Растворились, смешались полутона, и кроны деревьев различаются больше фактурой, нежели цветом.

Калина цветёт — заметна издали. На жаре белоснежные её веночки, кажется, веют прохладой. В укромных местах ещё роняет пенные хлопья доцветающий таволожник. Продолжает цвести дикая роза. Склоны Чёртова пальца усыпаны жёлтыми лилиями.

Над запашистыми долинными травами стелется бело-красчатое марево цветущего купыря, расписанное куртинками светло-лиловых сердечников: белое и сиреневое на зелёном, подбитое понизу

брызгами незабудок, звездчаток и облетающих лютиков. Золотые их лепестки подсыпают земляную тропинку.

А вот и новый цветок! Раскрылись первые бутоны ароматной синюхи, высинили зелень — синей не бывает — цветами с рассыпчатыми ярко-жёлтыми «пирожками» пыльников на длинных тычинках. Это синюха голубая, она же синюха лазоревая, или лазурная.

Расцвели первые саранки царские кудри, по-научному — лилия кудреватая, или лесная. Дивно хороши: сочно-мякотные, прозрачные в солнечных лучах цветки со свисающими бархатными ярко-рыжими пыльниками. Над распутившимися цветами тянутся молодые бутоны.

Под пышными бело-оранжевыми кистями чины Гмелина саблями повисли первые, пока плоские, плодики. Колосья змеевика понемногу выпцвetaют, подсыхают и рассыпаются. Ни одного жаркá... Нет! Встретила купальницу азиатскую с облетающими ноготками лепестков. Зато на лесных склонах множество крапчатых венериных башмачков — выглядывают из-под травы, прикрыв крохотные башмачки беловатыми платочками.

Из далёкого лога день напролёт слышно уханье глухой кукушки — настолько густое и гулкое, что кажется, звуки издаёт не птичка размером с дрозда, а бұхает филин.

В долине обилие бабочек: среди белянок мелькают оранжевыми оборками зорьки, встретила одна лимонница, повсюду видны пеструшки с белыми пятнистыми лентами на буром фоне.

И вдруг навстречу выпорхнул... ленточник тополёвый — бабочка едва не с ладошку величиной! Вальяжный полёт позволяет сопровождать бабочку по тропинке или асфальтовой дороге, дожидаться скорого приземления и как следует рассмотреть. Эта великолепная бабочка любит подолгу отдыхать, расправив, будто для обозрения, роскошные тёмно-шоколадные крылья с белыми пятнами и лентами, оттенёнными на нижних крылышках рыжими и синими переливами. Словно белым карандашом подведены тёмные края её крыльев. Сегодня ленточник тополёвый затмевает красотой всех порхающих фей. Как хорошо, что в заповеднике много осин: именно на осине кормятся гусеницы этой бабочки.

Наглядевшись на чешуекрылое чудо, продолжаю путь.

Разрастается папоротниковый лес — в человеческий рост вымахал страусник. Слепни — крупные кусачие мухи — начали совершать налёты, пока одиночные. Огромная эта зверюга (крупнее рабочего шмеля) летит, свирепо жужжит, конечно, к тебе направляется. Спасение одно: дожидаться посадки и крепко прихлопнуть. Адепты буддизма могут быть спокойны: навряд ли удастся агрессивную тварь раздавить — здоровяк неожиданно крепок, лишь отпадёт, в траве отлежится, придёт потихоньку в себя, поднимется и продолжит охоту.

В темнохвое среди мхов и корней словно снегом присыпано — нежно сияют россыпи майника. Майник не любит зарослей, и там, где преет лесная подстилка, в изобилии белеют удивительные его цветки.

Зацветает малина, по одному разворачивая бутоны. Цветёт костяника. Её скромные цветки надо ещё отыскать — укрылись под широкими листьями. Зато черничник не первый день наливает ягодки: кустики усыпаны пузатенькими зелёными горшочками с плотно запечатанными широкими горлышками. На красной смородине повисли зелёные грозди непрозрачных пока плодов.

Ура! Ни одного клеща! Я обрадовалась — вот она, примета народная: жаркий отцвели — и клещи пропали. Однако стоило устроиться с чаем на Нелидовских камнях, как я подверглась активной атаке не менее чем десятка вампиров.

Нелидовские камни расположены невдалеке от Четвёртого Столба и хороши тем, что обычно безлюдны, хотя ниже идёт развилка на популярные тропы к Манской стенке и Королевской калитке. Интерес для лазания Нелидовские камни не представляют, но именно отсюда, через долину Столбовского Калтата, небольшого болотистого ручья, между кедрами открывается, я бы сказала, камерный вид на Второй Столб. В пронзительном солнце его внушительный силуэт кажется бурым. Слева виднеется Митра, между ними за вершинами деревьев проглядывает Водораздел. Вокруг темнохвойная тайга: пихты, кедры, лиственницы и сосны. Здесь же укрылись берёзы с осинами, но среди хвойных они лишь осенью покажутся во всей прелести солнечных красок. А вот что действительно огорчает, так это острые пики багряных пихт, убитых короедом полиграфом, нападшим на сибирскую тайгу с 2009 года. Ещё несколько лет назад красные пихты так не выделялись в массиве леса, а теперь колют глаза повсюду. Если тайга не найдёт способ борьбы с этим вредителем из Приморья, не имеющим в Сибири естественных врагов, то уже при нашей жизни мы увидим экспансию пихтовой чумы.

Вокруг Нелидовских камней — густой сосновый лес с кедрами. Во мху брусника цветёт! По хребтам вдоль лесных тропинок встречаются розовые головки клеверов лугового и люпинового, белые «кашки» клевера ползучего, жёлтая ястребинка — растение, похожее на одуванчик. На солнечных пригорках красуются лиловые ирисы-касатики. Стоит им вытянуться над веерами листьев, как цветки начинают увядать, но бутонов у оснований зелёных пучков ещё много.

Княжик отцвёл. Нынче эта красивейшая лиана не увивала кусты каскадами колокольчиков, не струилась по травам удивительными венками — скудно цвела. Не княжиков нынче год.

Здесь, среди центральных Столбов, встретила летняя белка — наконец белочки и в тёмном лесу освободились от очёсов зимнего меха.

Спускаясь по крутой тропинке, ухватилась за молодую пихту — все пальцы в ароматной смоле! Её можно растереть ладонями: через

некоторое время пихтовая смола впитается в кожу, липкость исчезнет, оставив свежайший пихтовый запах.

Уходить в город всегда немного грустно. Беглый взгляд напоследок. На большой поляне дягиль надул мясистые кулаки соцветий, плотно упакованные в беловатые обёртки. Самые ранние из них, словно цыплята из яиц, начали вылупляться, разрывая скорлупы, выпрастывая «головы» — первые зонтики светло-зелёных соцветий. Вся вода Лалетины плотно укрыта огромными листьями дягиля.

Над лестницей под берёзой клубника полностью отцвела — наливаются ягодки... Лето...

ТРАВЫ ЛЕТНЕГО ЦВЕТЕНИЯ

20.06.2017. На пригорке перед лестницей сосновый прирост выдаёт лишь светлая кора побегов: иголки выпростались из стягивающих оболочек, вытянулись; на кончиках веток, в смолистой росе, топорщатся зародыши шишек. По одной, по две, по три почкуются, напоминая обликом крючками подвёрнутые «веретёнца». Осыпаются мужские цветки-колоски, оставляя чешуйчатые хвостики. Годовалые зелёные шишки успели потемнеть, слиться цветом с хвоей — молодые побеги полностью их затушевали.

У клубники под большой берёзой на каждом стебельке зреют по пять-шесть ягодок, плотно обёрнутых чашелистиками. Ни один цветок не усох — такое благодатное случилось нынче предлетье.

Ветки акаций густо усыпаны толстеющими стручками. У боярышника крупные зелёные ягоды. Доцветает клён татарский. Калина роняет белоснежные «цельнокроенные» цветочки на сочную зелень крапив и лопухов — очень красиво.

Парадная лестница потонула в зелени! Пышной, густой, по-летнему непролазной! Пичужки заливаются вместе с Лалетиной на все лады... Синее-синее небо... Дыхание перехватывает, когда выходишь из автобуса и шагаешь навстречу... себе?!

Дородный дягиль, преодолевший отметку в два метра, начал стремительно выпрастывать один за другим зелёные соцветия. За несколько дней они успевают развернуться величиной с футбольный мяч! Верхушки стеблей усыпаны «мячиками» всех размеров и оттенков зелёного! В это время наглядны все стадии роста необычных шаров. Сначала, прорывая беловатую оболочку, выбирается из теснины верхняя часть, тягуче вытягивая зонтики, и тут же во все стороны тянется равномерно лучами-радиусами — шар как изнутри надувается, пока не вырастет во всю мощь и не зацветёт. Запах у дягиля приятный, он знатный медонос и непрерывно посещается разными насекомыми. Здесь же паучки ловят добычу.

На большой поляне пополнение: рядом с лестницей среди злаков и лиловатых горошков синей куртинкой расцвела вероника дубравная — цветок чуть поболее незабудки, но цветом лазурнее. Отнесено

это скромное растение к семейству подорожниковых, хотя на подорожник, неподалёку сиятельно цветущий махровыми султанами, вероника дубравная обликом совсем не похожа. Родство установлено по сходству цветков, но подобные тонкости больше интересны узким специалистам. Впрочем, цветок вероники на самом деле необычен и одарит внимательных любителей природы приятным открытием. У вероники дубравной венчик из четырёх лепестков, нижний из которых, если приглядеться к точёной крохе, заметно отличается от собратьев меньшим размером и выпуклостью форм — он совершенно другой, словно вывернут наизнанку! Аромат цветка ценителей лесных запахов тоже не разочарует.

Вокруг синего островка вероники желтеют лютики, по краям поляны тускнеют шарики одуванчиков, среди зелени дягиля красуется душистый пурпурно-розовый сердечник. Его вытянувшиеся стебли снизу уже утыканы стручками, но бутонов ещё не счесть.

На цветах сердечника — жуки и мухи всевозможной окраски, а также шмели и пчёлы, бабочки подолгу пьют хоботками нектар. Изобилие фауны пополнил неспешно подлётевший жук-бронзовик — бронзовка золотистая. Этот крупный сверкающий изумрудный жук отличается от других собратьев необычной особенностью: его «металлические» надкрылья имеют боковые вырезы, позволяющие выпускать для полёта крылья, не распахивая надкрылий. Бронзовик так и летит «жуком» на темноватых перепончатых крыльях.

Подлетев, бронзовик упаковал летательный аппарат и занялся цветами. Не спеша пополз, подгребая хваткими лапками очередной цветок, планомерно перебираясь по яркому саду, решительно раздвигая сбоку венчики, кратчайшим путём добираясь до сладкой середины. Лишь обойдя всё соцветие, бронзовик, негромко жужжа, перелетел к соседнему «цветнику».

А вот пчёлки к каждому цветку подлетают, даже если до него лишь «пара пчелиных шагов». У всех пчёл на ножках объёмистые корзиночки пыльцы — невозможно без благоговения наблюдать полосатых тружениц в ярких бархатных шароварчиках!

Неподалёку, под черёмухой, спрятался куст красной смородины. На нём рубиново светятся первые спелые ягоды — кислятина... Но какая приятная, свежая!

Насилу оторвалась от паутины тайн большой поляны... Не заметила, как час пролетел, — здесь неисчислимо объектов для наблюдения, но идти вперёд тоже хочется! Снялась с места, вдохнув аромат яснотки белой — пряно-травяной, напоминает свежескошенное сено.

Завязались первые плоды на шиповнике, но всюду ещё красуется, до самой осени будет цвести дикая роза. Возле сухой берёзы продолжают цветение пурпурные крупноцветковые башмачки. Замечательно, что заповедник посещают настоящие любители природы: все орхидеи

на месте, ни одна не сорвана! По травянистым склонам встречаются россыпи пятнистого башмачка.

Доцветает калина — по дороге нашёлся единственный кустик в полном «облачении». Запах плодущих мелких цветков калины придётся по вкусу разве что насекомым — нам не стоит пытаться получить удовольствие. А вот полупрозрачные облачка купыря — словно благоуханные паруса в море тайги! Листва купыря, растёртая в руках, пахнет пряной огородной зеленью. Подходит время василистника, ещё одного ароматного растения летнего крупнотравья, — он уже набрал цвет. Василистник очень наряден пышностью ажурных, будто по трафарету штампованных, мелких листочков.

Надо отметить, что приятных для человека запахов в тайге, особенно во время цветения, на порядки больше, нежели непривлекательных. В преддверье лесной воздух налит густыми, волнующими, настоявшимися запахами. Из зарослей раздаются протяжные «дождливые» песенки бурундуков — на завтра обещана гроза. Именно в такие дни тайга особенно благоуханна.

Среди бабочек долины сейчас преобладают сеницы (глазки) — не крупные бабочки кофейных оттенков с неброскими пятнами по краям крылышек. Сеницы собираются на тропинках, у корней, любят подолгу сидеть на травах со сложенными крылышками — наблюдать их несложно. Вокруг порхают пеструшки, несчётно всяческих мотыльков, несколько раз встречалась нарядная зорька. Над деревьями летят крупные белые боярышницы.

Таволожник завязал зелёные плодики. У оснований его стволов золотятся первые листочки — с наступлением лета появляются первые, пока малозаметные, признаки осеннего увядания.

Пушятся вдоль тропинки шарики гравилата речного. Под солнечными решётами страусника (листья вымахали шириной едва не с полметра!) проведала хвощ зимующий: в густой тени и оранжерейной влажности рядом с чернеющими прошлогодними полуполёжными стеблями тянутся светлые побеги высотой с ладошку. К этому растению, хвощу зимующему, привыкнуть невозможно (дивен как марсианин!): растёт члениками стебля, и нет у него, кроме стебля, ничего — ни листьев, ни тем более цветов. Тут же пучится косматый кочедыжник. Много его на лесистых склонах — кочедыжник отлично держится на крутизне и взбирается по горкам весьма высоко.

Неподалёку от папоротников, поближе к солнышку, радуют глаз заросли хвоща полевого и лесного. Последний чаще встречается у воды, в узких логох, он более пушистый, потому что каждая «хвоинка» хвоща лесного ветвится, словно веточка пихты, — стоит полюбоваться! Всё это милые мелочи, маленькие прелести большого леса, украшающие лесную прогулку.

На лесистых склонах появились первые жёлтые лилии. В степи они цветут раньше. Среди леса лилейник аристократически прекрасен,

в своём роде его даже не с кем сравнить. Лилия кудреватая выглядит куда как проще, потому что не столь яркая и цветы мельче.

Наступило время бобовых — «горошки» цветут! Где россыпью, где куртинками; белые, розоватые, красно-синие, жёлтые; мелкие, крупные; с усами и без усов; высокие и низкие — они своим цветным буйством соперничают с синюхой, которая в самой поре.

Расцвела звездчатка лесная. Над стебельками, словно отлитыми из голубовато-зеленоватого воска, её белый цветок напоминает неглубокий колокольчик с чётко рассечёнными до середины лепестками (или наполовину сросшимися) и выглядит действительно необычно. Лесная звездчатка в два раза крупнее звездчатки дубравной, которая цветёт на пару с незабудками с весны. У дубравной, в отличие от лесной, все пять лепестков звёздочки разделены на две равные доли у основания. Если внимательно присмотреться, станет очевидно, что узенькие её лепестки как бы сближены по двое, они и есть сдвоенные. Стоит ещё добавить, что звездчатки — сёстры гвоздик и относятся к семейству гвоздичных.

Приготовился к цветению реброплодник — зонтичное растение, похожее на купырь, но крепче, мясистее. Сейчас он выделяется дородным, как у дягиля, цветоносом, увенчанным внушительным «пирогом» плотно упакованных бутонов.

Зацвели первые борщевики — наши старые добрые съедобные пучки. По-научному этот замечательный таёжный гигант называется борщевик рассечённый. Однако с дягилем, да ещё произрастающим в воде, ему не сравниться ни толщиной ствола, ни размерами листьев. Различить эти растения легко. Дягиль не опушён, блестит гладкими листьями и цветёт зелёными шарами. Пучка же матовая, бархатистая, с испода белёсая, у неё тёмно-нефритовые листья, светлые стебли и ствол. Цветёт она крупными белыми зонтиками и тоже обладает приятным запахом.

Наступило время трав летнего цветения. Саранка один за другим завивает тугие лепестки. Борец раскинул огромные «гераниевые» листья размером едва не с тазы! Вытянул над ними цветочные стрелки, и уже показались первые серовато-лиловые «клобучки». Скоро на каждой стрелке их появится множество. Пушится белыми «шапочками» валериана — элегантная высокая трава с пикантным запахом.

В тени продолжает цветение белоснежный майник.

Новинка сезона: на травах появились следы пребывания пенницы слюнявой — словно клочки пены развешаны. Эти клочки — домики личинок мелкого прыгучего насекомого. Пена сработана из сока растения, который личинка сначала тянет хоботком, затем выпускает наружу, сбивая сок с воздухом крепкими ногами. В отличие от таёжных клещей, слюнявые пенницы не доставляют хлопот. Одного клеща я, кстати, сегодня смахнула. Справедливости ради надо отметить,

что постоянно заходила в траву — пару недель назад «на таких травах» сняла бы с себя десятки клещей, не менее.

Цветочные стрелки чемерицы набрали бутоны. И здесь задерживаю дыхание, потому что цветы чемерицы стоят того, чтобы замолвить о них словечко. Оказывается, эта многолетняя трава живёт почти полвека (!), зацветает лишь по достижении десятилетнего возраста, при этом цветёт раз в два-пять лет. Всегда удивлялась, почему при обилии растений чемерицы так редко встречаются цветоносные стрелки.

По тропинке носятся слётки зябликов — на мошек охотятся. Завидев меня, убегают, взлетая. Где-то в тайге ухает глухая кукушка.

Цветёт чина Гмелина, красуется бело-оранжевыми гривами. Лес продолжает радовать неожиданностями: справа у лесенки над площадкой Лесного театра имени Михи Тайгиша обнаружила настоящий клубничник! Удивительно, но тенистый пятачок, словно плантация, усыпан сотнями крупных белых цветов на высоких ножках!

Удивляться так удивляться: на исходе экологической тропы пламенеют три жарка! Значит, выше они цвести продолжают — так вот почему клещи ещё «появляются»! Но скоро самки клещей отыщут желанные жертвы, поскольку время не ждёт, им необходимо продолжать род, отложат яйца, после чего погибнут, а кровососущие личинки и нимфы активны лишь осенью и паразитируют обычно на грызунах. Во всяком случае, за десятилетия пребывания в тайге личинки и нимфы клещей нас не донимали. Надо сказать, вокруг этих паукообразных водится много мифов. Один из них — что они не падают с деревьев. Падают, и ещё как! Стоишь под высокой берёзой, вокруг ни куста, только что всех клещей с себя собрали, смотришь — снова ползут по плечу, по руке, за ухо цепляются. Нет, летать они точно не летают, а вот на деревья, как и на скалы (клещей полно на вершинах «Столбов», а это десятки метров высоты), очень даже забираются! Возможно, бурундуки заносят туда личинок и нимф, потому что бурундуков на камнях предостаточно. А на деревьях обитают птицы. Опять же, клещи падают именно с берёз — почему-то берёзы пользуются у них особой популярностью. Не припомню, чтобы с сосны или кедра клещ свалился. Но не под всякую пихту и ёлку подойдёшь — нередко ветки этих деревьев растут от земли. Опять же, не стоит придавать явлению значения больше, нежели оно того стоит. Сотни тысяч людей проживают в сельской местности, ездят на дачи, большинство из них живы-здоровы, при том что ни о каких прививках, считай, не ведают. Тем не менее лучше обезопасить себя заранее и продолжать общение с природой.

ВРЕМЯ САРАНОК. ОРХИДЕЕВЫЙ САД

22.06.2017. Жара и умеренные дожди обиходили всякую зелень. Даже обычные одуванчики выглядят монументально — едва не на метр

подняли полые стебли с воздушными головками. Куртинка вероники на большой поляне синее лесным озерком.

Ночью была гроза. Полдень, а травы влажные, в каплях. Ливень отрепал лютики — тропинка посыпана жёлтыми блёстками. Переливаются птичьи трели. Угомонилась изнуряющая жара: двадцать пять градусов — это не тридцать пять. Напитанная влагой тайга отдаёт травяно-медовые запахи — ради этого благоухания стоит отправиться в лес. Загурлила, пополнилась дождевой водой изрядно обмелевшая в жаркие дни Лалетина. У склонов цветёт высокая, почти в человеческий рост, запашистая валериана. Повсюду белеют зонтики пучки.

А сколько вокруг небесно-голубых миниатюрных бабочек голубянок! И беловатых, и пепельных! Стайками мечутся, теснятся над облюбованными местами. Пядениц тоже много. Глядя на тончайшую роспись их крылышек, вспоминаются старинные кружева из бабушкиных сундуков, в которых собиралось, копилось приданое. Загляделась красавица, тайно открыла сундук — кружева пяденицами и упорхнули...

Бабочки в это время повсюду — на земле, на цветах, над травами и даже над лесом! Много белянок, пеструшек, встречаются зорьки. Сегодня заметила первую чернушку кофейную, она же коричневый сатир. Воистину, демон плодородия объявляется среди плодородия!

Чернушка невелика, размером не больше крапивницы. Крылышки цвета чёрного кофе (бархатность их подчёркнута белой нитью по силуэту) с багряной перевязью, унизированной угольно-чёрными глазками с белыми точками, — таков изысканный вечерний наряд этой дневной бабочки из семейства бархатниц. Чернушка не пуглива, часто отдыхает с расправленными крылышками на травах, ею можно вдоволь налюбоваться.

Доцветают крупноцветковые башмачки на склоне у сухой берёзы, бледнеют, морщатся, подсыхают. Свежих пурпуровых и пяти штук не считаешь.

Зато саранки — лилии кудреватые — аметистово светятся в пронзительном солнце!словно в воздухе повисают чудесные драгоценности, потому что гладкие стволики, с которых они свисают, теряются среди трав. Повсюду, стоит лишь приглядеться, хоть одна саранка, да светится. Оттенок «кудрей» уникален у каждой: от розоватых в тенистых местах до насыщенно-пурпурных в солнечных. Саранки стараются не тесниться — рисуются стройными формами поодиночке. Сегодня саранок такое обилие, что, кажется, больше и представить-то невозможно!

Давненько, увлечённая яркоцветьем тайги, не обращала внимания на молочаи: на блюдечках плоских соцветий завязались светловатые мохнатые плодики, сами молочаи заметно потемнели. У спутников их, жарков, растрескиваются прожаренные солнцем листовки — видны чёрные семена.

Желтеют первые листья борщевика, не выдержавшие жару. Папоротники заполняют низины плоскоцветками-вайями, продолжают тянуться к свету. В благодатные годы они становятся столь высоки, что с головой скрывают идущих по тропинке людей.

С остепнённых склонов сошла волна жёлтого красоднева, лишь ковыль напоминает о лилиях, легчайшим неводом растекаясь над сизоватыми травами.

Первая лосиная муха прыгнула на шею, она же оленья кровососка — цепкое бурое насекомое, небольшое, блестящее. Лосиные мухи на «Столбах» не напасть, хотя питаются кровью. Долетев до цели, муха сбрасывает крылья и ползёт на голову, к волосанному покрову — естественной среде их обитания. Им, плоским, вольготно в маральей, медвежьей шерсти. Обычно в заповеднике эти насекомые заметны к осени, тем не менее даже тогда они так не докучают, как, например, комары, слепни, гнус и белоножки. Лосиная муха кусает обычно не сразу, достаточно ощутимо «топает» по телу, её легко словить, сбросить и забыть, потому что вокруг такая палитра!

Среди лесной зелени лиловым радуют пятнистые башмачки, клеверá, саранки, змеевики, лесная герань, сердечники; жёлтым — лютики, лилии, чистотелы; белеют купырь, зонтики пучки (борщевик рассечённый), горец альпийский свисает рассыпчатыми кораллами, клубника, звездчатки, подмаренники, «косыночки» башмачков, доцветающие майники; синим красуются синюхи, незабудки, горошек однопарный.

Горошек однопарный только расцвёл и сразу сделался декоративен: его густая листва, совершенно не схожая с бобовыми, к семейству которых он относится, щедро усыпана плотными кистями сине-лиловых цветков-мотыльков совершенно бобового облика — задорного, жизнеутверждающего! Горошек однопарный в пору цветения не заметить невозможно — он в это время, можно сказать, повсюду.

Купена завязала плодики-ягоды, плотно обёрнутые кожурой усохших цветков. Колосятся всякие злаки, развесив тычинки, — строги и прекрасны в точёной своей графичности.

После частых гроз со склонов продолжают падать деревья, ослабленные весенними снеголомами последних двух лет. Работники «Столбов» периодически расчищают дорогу, пилят завалы: падая, пострадавшее дерево нередко прихватывает неповреждённых собратьев. На склоне у тропы — выворот мощного корня и совсем свежий спил, обнажающий здоровую древесину ивы. Ствол толщиной сантиметров двадцать торчит двухметровой культёй, половина корней обнажена, но из трещин коры рвётся густейший пучок мягчайших упрямых побегов с задорной листвой. Ливень словно живой водой смочил обрубок, и дерево вновь пробудилось. Будучи наполовину выворочена из земли, опиленная «по колено», ива — жива! Растёт! И обязательно будет жить!

Неподалёку на древней ивовой коряге, поросшей травой, среди мхов что-то рыжеет. Гриб, размером с тарелку. Слюнявый, с краями-воланами, удивительно живописный: паутина-патина белых разводьев-трещин вокруг тёмно-бурой сердёвки пронизывает полосчатую шляпку, светлеющую к краям. Шляпка с пластинчатым тёмным исподом крепко сидит на сливочной ножке. Вырос красавец аккуратно в углублении бывшего сучка, порадовал видом ярким, необычным.

«Бурун-бурун», — поют в завалах бурундуки. Опять будет дождь. Это хорошо — наливаются, зреют плоды, влага тёплому лесу необходима.

Среди кустарника по лесистым склонам виднеются жёлтые лилии. Насколько их меньше, чем цариц сегодняшнего дня — саранок! Но красоднев насколько о том не беспокоится, его лепестки, длинные, нежные, как женские пальцы, источают аромат, который ни с чем не перепутать, тот самый лилейный аромат, что не позволяет уснуть, волнуя неясными далями, жемчугом, морем и парусами... Дыханию саранок с ним никогда не сравниться — с лилиями они могут конкурировать лишь незабываемым обликом.

Глядя по сторонам, случайно попала пяткой в кротовую норку. Неглубокий кормовой ход прошёл у поверхности тропинки и отмечился приподнятой почвой. После ливней на тропинках нередко встречаются кротовины — земля становится податливой. Обычно под тропинками кроты заглубляют ходы сантиметров на двадцать пять — тридцать против обычных двух-трёх из-за уплотнённости верхних слоёв.

Кроты тайге необходимы: активно перекапывая почву, они разрыхляют её, аэрируют, увлажняют. За день энергичные землекопы съедают живности столько, сколько весят сами, а весят они до ста грамм. Ещё им необходимо сделать запасы на зиму, когда насекомые в массе своей гибнут. Это сколько же кроту приходится устроить нор, чтобы собрать пропитание! Образ крота сам по себе наводит на разные философские мысли, начиная от жизни под землёй, кончая одиночеством и непроглядной тьмой... Впрочем, каждому своё; насколько не сомневаюсь, что крот своей судьбой ни с кем не поменяется, иначе в каком бы он месте нарыл для себя столько вкуснейших червей?!

В логу поднялись над травами цветоносы таволги, она же лабазник. Благоуханное растение, одна из ароматнейших таёжных трав, сопоставимая по силе запаха с черёмухой. Всегда жду не дождусь её цветения.

Тенистый «садик» у Лесного театра имени Миши Тайгиша усыпан цветущей клубникой. Наглядевшись на непосредственность словно нарисованных цветочков, я обернулась к лестнице и... заворожённо застыла! Между деревянной тропинкой и Лалетиной, на небольшом клочке берега, переходящего в крутой склон, в количестве, превышающем десяток, расцвели прекрасные розовые орхидеи пальчатокоренники! Ещё недавно их называли ятрышниками, но наука не стоит

на месте, наука кротом роет, и она отрыла на клубеньках именно этой орхидеи наросты, удивительно напоминающие пальцы руки. Итогом дивный цветок обрёл составное название «пальчатокоренник». Впрочем, для любителей природы важно не столько благозвучие...

(Однако нет, нет и нет!!! В этом месте не соглашусь никогда и призываю ботаников обращаться к поэтам для подыскания чарующих имён, тем паче для орхидей!)

...сколько прелесть розовокрапчатых цветков, собранных в широкий колос — в тенистой траве пальчатокоренники кажутся чудесными розовыми свечами! Их удлинённые листья и стебель фиолетово-пятнисты. Среди розовых цветов росли два похожих белых растения без пятен на теле.

Пальчатокоренники, как крапчатые башмачки, не усыпают склон над верхней экологической тропой, но именно здесь нередки.

В конце экологической тропы, возле Ретро-площадки, встретился куст цветущей калины. Неподалёку отгорают запоздалые жарки. Этого и следовало ожидать, потому что в пути смахнула с себя четырёх клещей.

Встретила первый цветущий василистник — над ажурной зеленью раскинулось ароматное золотистое облачко.

Не обошлось в моём маленьком путешествии без неожиданности. Среди медитативной идилии вздрогнул лес от насадного грая: непосредственно надо мной распалились вёроны, как будто сороки они, или сойки, или кедровки. Закинула голову: высоко на соседней сосне пристроились горластые парубки! Сидят два воронёнка на раскидистой ветке, к ним подлетел с кормом родитель, появлением пробудив у отпрысков прямо-таки зверский аппетит, и стал в разверстые клювы подавать еду. Кормит он их по одному, в это время удовлетворённый слёток пищу молча заглатывает, а другой-то не утихает! Наконец кормление окончилось, воронята утихли, родитель слетел и парящим полётом прошёл надо мною, скрывшись в лесу. Огромная птица — ворон, размером с коршуна. Немного понаблюдала за воронятами: они бесшумно, бочком, туда-сюда, как канатоходцы, ходили по ветке, никуда не улетали. На обратном пути через пару часов видела их на том же дереве.

О сольных партиях самое время упомянуть: весь день, как из далёкого лога, басыла глухая кукушка, а под вечер несколько мелодичных арий подарила тайге кукушка «настоящая» — обыкновенная.

Возвращаясь домой, я любовалась тонкорунными облаками с пронзительно-белыми контурами. Гребнем скользили лучи по тучным бокам, серебра и оглаживая всякую прядь и завиток. Освещались лишь гривки хребтов, когда на лесистую кромку наплыл белоснежный край громадного облака. Силуэты раскидистых сосен графитово обрисовались, словно по альпийскому снегу, обрамлённому ослепительной синевой...

Любовь Карзникова

Живущий посередине мира

*Писать о человеке, с которым плотно общались сорок лет, сложно.
Но попробую рассказать о Владлене Николаевиче Белкине.*

«Я САМ ТАКУЮ ВЫБРАЛ ЖИЗНЬ,
ЧТО СОЛОНА, НО БЕЗ ОБМАНА...»

Солёность жизни Владлен познал ещё в военном детстве, когда судьба взялась испытывать его на прочность. В десятилетнем возрасте он встретил войну на Киевском вокзале в Москве, где оказался с мамой, ехавшей по распределению на работу в Луцк, на Западную Украину. Успели добраться только до Киева. И под непрерывными бомбёжками из горящей украинской столицы мать и сын двинулись в эвакуацию. С парой оставшихся на руках чемоданчиков летом 1941-го оказались в донбасском городке Чистякове, у родных. Фронт приближался, и осенью, когда на попутках, когда на открытых железнодорожных платформах, ехали две недели — обратно в Щербакуль. Там будущий поэт и провёл суровые военные годы. Там под дедовским приглядом постигал сложную науку жизни через тяжёлую работу. Время было очень трудное, голодное, и чтобы выжить, детям приходилось наравне со взрослыми заниматься непосильным крестьянским трудом. Тогда научился и сено косить, и землю копать, и дрова заготавливать, и за домашним скотом ухаживать. Об этом времени точно написано в стихах автора «Дедовы жернова» и «Полынь». Особое отношение у Владлена Николаевича было к работе:

От долгого обихода
Обыденное на вид,
Старинное слово — «работа» —
Великую тайну таит...
С пилой и лопатой сводило,
Гоняло по жёсткой стерне,
Морозом и зноем дубило,
Месило, как тесто в квашне.

«Сквозь соль подступающих слёз» у него сложился свой личный фронт — работа. Владлен, упорный мальчишка, принял слово «работа» и пронёс через всю жизнь. Он настойчиво искал настоящего трудного дела. После окончания Ярославского педагогического института в 1952 году успел поработать и сельским учителем, и журналистом

в заводской многотиражке, и клубным работником, и даже инспектором по музеям Ярославля. Служил в армии.

В 1954 году по комсомольской путёвке молодой поэт уехал в Северный Казахстан на освоение целинных земель. Поехал на целину простым рабочим, имея за плечами институт. Работал в совхозе «Москворецкий». Строил, пахал, учил, учился. Это время Владлен Николаевич вспоминал как буйство стихии молодости. За день происходило столько, что, кажется, сутки были вдвое длиннее. А ещё и писались стихи. Это своеобразный дневник первоцелинника, руками которого строилась новая жизнь в Казахстане. Об этом написана документальная поэма «Первоцелинники».

Это желание — сделать, построить своими руками — проявилось и тогда, когда Владлен Николаевич в 1956 году приехал на строительство Красноярской ГЭС. В рабочем посёлке сначала работал учителем в вечерней школе, преподавая сразу несколько предметов. Но вскоре переходит в строительную бригаду, где работали его ученики. Каменщиком. И освоил новую для себя профессию. Он строил Дивногорск: рубил просеки, бетонировал дорогу, возводил школу-интернат. «Бригада была небольшой, человек десять-пятнадцать. Все на виду. Лентяи не задерживались. Работа тяжёлая. Но никто не жаловался. Даже женщины месили бетон, таскали брёвна, кирпичи».

Поэту Белкину интересно, как и в каких условиях складывается и проявляет себя личность. Героем его лирики стал рабочий, рядовой строитель, человек современного мышления. Владлен Николаевич считает, что труд, творчество, красота — понятия, неразрывно связанные друг с другом. Именно труд, утверждает он, — главный и самый оправданный объект творческого воодушевления и сфера проявления подлинной красоты.

Владлену Белкину удалось поздороваться за руку с Юрием Гагариным, который принимал участие в укладке первого кубометра бетона в правобережный котлован ГЭС. Поэту запомнилось крепкое пожатие его руки:

А он уже среди бригады,
в ладонях весело сжимал
обыкновенную лопату
невозмутимо, как штурвал.
И ухнуло со всех сторон
тысячегласно и едино,
и в основание плотины
пошёл гагаринский бетон.

Из дневника поэта: «Вчера читал стихи студентам гидротехникума. На какой-то строчке неожиданно остановился. Гляжу поверх голов на просторное помещение, светлые окна, цветы. Ребята заволновались, думают, забыл свои стихи. А я не забыл, а вспомнил. Вспомнил, как

на этом самом месте, где стою сейчас, два года назад траншею под фундамент готовили» («Дивногория», 15 марта 1969 года).

Поражает работоспособность Владлена Николаевича. В каждую встречу у него были новые стихи. Он всегда был в курсе происходящих событий и остро реагировал на перемены. У него была своя точка зрения на всё, что его окружало.

Рабочая тема — одна из ведущих тем в творчестве поэта. Чёткая определённости позиций, твёрдость убеждений, ответственность за происходящее — всё это основные мотивы поэзии Владлена Николаевича. Романтик по натуре, он рассказывает о великих стройках своего времени, о простых трудовых буднях людей не только с глубокой лиричностью, но и с трудовой гордостью: «Я обрел себя в бригаде», «Таёжная улица», «Глина. Камни. Лопата...» и др.

«ПОКА ЖИВУ — УЧУСЬ...»

Одна из черт, отличающих Владлена Николаевича, — желание учиться. Это желание проявилось в школе. Вспоминая это время, поэт неоднократно говорил о подвиге учителей, которые в холод, полуголодные, учили детей высокому и чистому: «Я до сих пор с благодарностью вспоминаю учительницу русского языка и литературы Александру Александровну Сеславинскую. Шла война. Мы в седьмом классе „проходили“ А. С. Пушкина. Месяца полтора. И нам постоянно надо было заучивать всё новые и новые стихи, отрывки из „Евгения Онегина“. Мы бурчали. И только позже я осознал, насколько мудрый и дальновидный был такой подход нашей учительницы. Прочитайте моё стихотворение „Сочинение“ — и вы поймёте, что значит по-настоящему изучать литературу в школе и почему я благодарю Александру Александровну».

Любимый предмет — литература. «Большое влияние на меня оказала поэзия Пушкина — ещё из школьного курса. Зачитывался Блоком, Есениным, Маяковским», — отметил Владлен Николаевич в одном из интервью.

Учёба в институте стала для поэта открытием не только новых поэтов, но и себя как поэта. Он с такой жадностью стремился узнать что-то неизвестное. Читал много и не очень систематично. Пробовал себя в разных рифмах и формах. Стихи тех лет часто называл «дикими». Улыбаясь, читал стихотворение о конце жизни, которое написал в семнадцать лет.

В институт на студенческие встречи приходили местные поэты. Так произошла встреча со Львом Ошаниным, известным поэтом-песенником. Мэтру понравились стихи Белкина, и он посоветовал набираться опыта.

С этого времени Владлен Николаевич стал уже целенаправленно изучать стихотворчество. Обращаясь к творчеству Пушкина, Фета, Тютчева, открывал для себя целый мир второго плана стихов.

Полюбившиеся строчки знал наизусть и уже в зрелом возрасте поражал молодых чтением отрывков.

Будучи уже достаточно взрослым человеком, Владлен Николаевич начал изучать индийское литературное наследие. Говорил, что много общего вообще у людей, а вот с индийцами есть особое родство. Советовал обращаться к творчеству арабских и европейских поэтов.

Знакомясь с творчеством молодых, учился восприятию молодёжью литературного наследства. Радовался, что есть ростки талантов, и подмечал начинающих поэтов и прозаиков на наших творческих фестивалях. «Для меня очень важно помочь человеку осознать его собственное предназначение, причём не обязательно в творчестве. Среди нынешнего духовного упадка и гниения такая работа является необходимой», — отметил Владлен Николаевич в одном из интервью. Но каждый раз говорил, что такая работа — это взаимное обучение творчеству.

РАДЕТЕЛЬ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Почти в каждом своём выступлении Владлен Николаевич обращался к словам И. С. Тургенева о русском языке: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» (июнь 1882).

Обладая огромными знаниями и харизмой, Белкин завораживал аудиторию строчками из стихов классиков, которые цитировал наизусть.

Однажды попросили Владлена Николаевича написать размышления о русском языке для участников фестиваля «Русский язык — история народа», который проводится в Дивногорске. Я привожу отрывки из этой работы.

«О языке... Тема вечная и безграничная. Язык — это не просто средство устного и письменного общения между людьми. Это хранилище тысячелетнего опыта народа. Это копилка мудрости. Это оружие и... лекарство. Это душа народа.

Возьмите тысячестраничный том Даля, откройте на любой странице, полистайте его, читая и осмысливая, и вам откроется целый мир, порой близкий, порой неведомый, но заставляющий думать. И вы начнёте осознавать, что язык — это самое бесценное, великое наследство, доставшееся нам от наших предков.

А как мы им распорядились? Увы, сегодня русский язык переживает не лучшие времена. В том числе и по нашей вине. Вообще-то, язык — явление постоянно развивающееся. Воздействуют на него разные факторы. Я бы выделил два главных.

Первый — внешний. За двести последних лет наш язык выдержал „атаку“ немецкого, французского, английского. Это жизненно

обоснованно: растёт общение народов, соответственно происходит и языковой обмен. Главное — сохранить основу, чувство меры.

И ещё один момент важен: если раньше словесное заимствование касалось верхних слоёв общества, (крестьянская) масса продолжала жить в своём мире, обходясь русским языком, то сегодня это сказывается на всём обществе. „Спасибо“ прогрессу. В том числе и техническому. Возможности управлять сознанием людей сегодня выросли тысячекратно.

В данной ситуации неизмеримо возрастает роль второго фактора — внутреннего, то есть уровня общего образования, культуры населения, традиций и нравственно-духовной атмосферы общества.

Если русские люди смиренно повторяют лживые байки западной пропаганды, что мы дикари, бездари, бездельники, пьяницы, не способные без заморских благодетелей и шага ступить, это порождает негативные отношения и к нашей истории, нашей культуре, литературе, языку, а в итоге — и к России.

Что же делать?

Прежде всего — осознать серьёзность ситуации. Понять, что невозможно отстаивать суверенитет государства без учёта национальных традиций, своей культуры, литературы и языка.

Признать простую истину: уровень интеллектуального, духовно-нравственного развития человека как частицы нации определяется, прежде всего, словарным запасом (вспомните „людоедку“ Эллочку).

А он формируется с детства. С колыбельной песни, что напевает ребёнку мать, сказок, которые он запомнит на всю жизнь, устной речи родителей. Потом — что ему даёт школа. Особенно на уроках литературы».

Необходимо отметить, что стихи Владлена Николаевича — это самоучитель русского языка для всех, кто хочет слышать чистую русскую речь.

ИМЕЮЩИЙ ДУШУ — УСЛЫШИТ...

Последние двадцать лет Владлен Николаевич упорно искал применение духовным силам. Обращаясь к разным источникам, планомерно и терпеливо изучал всё, что касалось становления души, превращения человека материального в человека духовного. Именно в это время в его творчестве стали появляться стихи о горней философии. Стремление к познанию Вселенной, потребность в общении с Создателем...

В одном из интервью Владлен Николаевич сказал: «Я всегда мыслил себя глобально, что, к слову, является неотъемлемым качеством русского человека. Мы должны чувствовать себя частицами вечности, частицами Вселенной, а не двуногими животными, удовлетворяющими свои потребности. Поэтому я всегда говорил: „Раздвигайте горизонты, пробивайте потолки!“ Имеются в виду потолки, которые мешают человеку постигать бесконечность».

Это осознание себя частицей вечности выражалось в стремлении говорить правду. «Я убеждён, что в жизни всё взаимосвязано и нерасторжимо: прошлое живёт в настоящем, а из них прорастает будущее. И забвение прошлого или его искажение неминуемо бьёт и по настоящему, и по будущему», — написал в предисловии к своей книге Владлен Белкин. Вот почему у него всегда были и есть поклонники, почитатели. Вот почему его никто не упрекает в том, что он молчал, когда нужно было говорить. Он писал просто, ясно, бесхитростно. Многие его стихи — это развёрнутые метафоры, в основу которых положены случаи из жизни.

Владлен Николаевич нёс свою поэзию, своё понимание мира людям. Особенно интересно ему было общаться с молодыми. И молодёжь отвечала ему тем же. Не каждый поэт, общающийся со студентами, может похвастаться тем, что аудитория слушает его внимательно. А вот Владлен Николаевич умел это делать.

Владлен Николаевич иногда называл себя «грустным философом», переживая и описывая происходящие негативные события. Но наряду с этим он всегда давал людям надежду на будущее. Недаром в нашем городе яркими знаками стали баннеры с его словами: «Учитесь улыбаться, люди, тому, что окружает вас». И сразу вспоминаются его открытая улыбка и заразительный смех.

Сын Максим рассказал такую историю: «Однажды по работе познакомился с парнем. Он узнал, что я из Дивногорска и фамилия Белкин. Спросил, знаю ли я поэта Белкина. Я сказал, что его сын. И парень мне рассказал о том, как они после встречи с папой стали читать стихи и прозу классиков, вначале находя те строчки, о которых говорилось на встрече, а потом уже для души».

И таких — услышавших — очень много. Это дивногорцы, это красноярцы, это те студенты, что учились в наших техникумах и разнесли весть о поэте и его книги по России и дальше.

ДИВНОЕ ВРЕМЯ

Становление Белкина-поэта состоялось в Дивногорске. Шестьдесят с лишним лет прожил в нём поэт. За это время его учениками считают себя многие из тех, кто сейчас стал профессиональным писателем, и те, кто пишет для души.

Дивногорск — один из главных героев творчества В. Белкина. Поэтическую летопись родного города Белкин ведёт с той поры, когда ещё «не было... праздничного слова — Дивногорск». Каждый дом, каждая улица здесь напоминают о пути, которым шли и где слились воедино «и дело, и жизнь моя, и стих». В 1961 году выходит первая книга летописи Красноярской ГЭС и города Дивногорска «Потомки Ермака». В неё вошли стихи поэта о городе, людях, стройке. Во всех четырёх книгах — стихи Владлена Белкина о грандиозном строительстве на Енисее, но всё происходящее он воспринимает без пафоса,

а о начале стройки вспоминает с нарочитой обыденностью: «Начало как начало, как тысяча начал. Отчаянье качало палатку по ночам». Позже за подготовку сборников «Потомки Ермака» Владлену Белкину, Олеся Греку, Ивану Казюрину и Петру Ермолаеву, которые были и активными авторами, присвоено звание лауреатов Красноярского комсомола.

В 1975 году поэт принят в члены Союза писателей СССР. С 1979 по 1989 год был ответственным секретарём краевой писательской организации Союза писателей СССР.

В 1973 году удостоен высокой государственной награды — ордена Трудового Красного Знамени — за работу на строительстве Красноярской ГЭС и города Дивногорска. На мемориальном щите Красноярской ГЭС, где названо пятьсот строителей, есть и имя Владлена Белкина.

Именно этот город стал местом представления для читателей его шестнадцати книг и многочисленных публикаций. Здесь много людей, знающих поэта лично, имеющих книги с дарственной надписью поэта. Владлен Николаевич никогда не повторялся в своих пожеланиях. Это могли быть строчки стихов или просто тёплые слова.

Более тридцати лет Владлен Николаевич был руководителем городского литературного объединения «Потомки Ермака». Он был наставником и добрым другом для писателей Дивногорска и Красноярска. Многие поэты и прозаики, члены Союза писателей России, получили от него рекомендации. Ещё больше авторов просили его о предисловии к своим сборникам и книгам.

Дивногорцы трижды избирали Владлена Николаевича депутатом городского совета народных депутатов. В 1996 году ему присвоено звание «Почётный гражданин города Дивногорска». В 2002-м награждён знаком «Почётный работник культуры Красноярского края».

В январе 2021 года литературная общественность города и края планировала отметить 90-летие Владлена Николаевича. Мы прощаемся с прекрасным поэтом, умным наставником, добрым и тактичным человеком — Владленом Николаевичем Белкиным, который 22 августа 2020 года завершил свой земной путь и ушёл в вечный путь за горизонт, завещая нам:

Живите крылато и долго,
Не загасив свечу.
Идите велением долга
По солнечному лучу.

Авторы

БАЛЕЕВ МАРАТ ХАСАНОВИЧ

Много лет проработал в провинциальной печати, в том числе 22 года — на Крайнем Севере, в Эвенкии. На пенсию ушёл с должности главного редактора газеты «Эвенкийская жизнь» в 2011 году. Автор и соавтор более двух десятков сборников прозы и публицистики, изданных в Красноярске, Павлодаре, Кишинёве, Новокузнецке, Южно-Сахалинске, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Москве. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов, в том числе «Золотое перо Руси», Общества любителей русского слова, «Рождественская звезда», имени Виталия Бианки, газет «Советская Россия», «Комсомольская правда». Член Союза российских писателей. Живёт в Красноярске.

ВЕРШИНСКИЙ АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился 6 декабря 1953 года в селе Семёновка Уярского района Красноярского края. Окончил радиотехнический факультет Красноярского политехнического института и заочное отделение Литературного института имени А. М. Горького. Работал в научно-исследовательской лаборатории, в газете, служил на радиолокационной точке в Забайкалье. В 1985-м принят в Союз писателей СССР. Журналистской и издательской деятельностью занимается более 30 лет, сотрудничал в книжных и журнальных редакциях. Награждён дипломом знака отличия «Золотой фонд прессы». Стихи печатались во многих литературно-художественных журналах, альманахах и коллективных сборниках, переводились на английский, болгарский, молдавский, украинский, французский и другие языки. Автор шести поэтических книг, драмы в стихах «Восточный вопрос», книги исторических очерков «Русская Александрия. Средневековая Русь и Александр Невский» (премия «Серебряный крест» по итогам конкурса московских писателей «Лучшая книга 2008–2010») и книгоисследования «Всеволод из рода Мономаха. Византийские уроки Владимирской Руси» («Серебряный крест» по итогам конкурса «Лучшая книга 2012–2014»). Живёт в городе Раменское Московской области. Член Союза писателей России.

ВЕРЯСОВА ДАРЬЯ

Родилась в Норильске, живёт в Абакане. Публиковалась в журналах «День и ночь», «Октябрь», «Волга», «Дружба народов», альманахах «Енисей», «Пятью пять», «Илья». В 2014 году

окончила Литературный институт имени А. М. Горького (семинар поэзии под руководством Олеси Николаевой). Лауреат молодёжной поэтической «Илья-Премии», премии «Пушкин в Британии», Международной литературной премии имени Иннокентия Анненского. По результатам премии «Новый звук» издательства «Русский Гулливер» в 2014 году издана книга стихов «Крапива». В сентябре 2017 года вышла книга стихов «Дом-музей».

Гундарин Михаил Вячеславович

Родился в городе Дзержинске Горьковской области в 1968 году. Окончил факультет журналистики МГУ, преподавал в Алтайском государственном университете. Кандидат философских наук. Член Союза российских писателей.

Даугавиете Инга

Родилась и выросла в Риге, последние 25 лет живёт в Австралии. Стихи публиковались в альманахе «Витражи» (Австралия), «Крещатик» (Украина). Финалист конкурса «Эмигрантская лира».

Кадочников Дмитрий Петрович

Родился 6 декабря 1963 года в посёлке Яшкино Кемеровской области. Окончил Томский политехнический институт. Жил в городе Юрге, работал инженером-электриком в ЮРЭС, вторым секретарём Юргинского райкома комсомола, электриком на Юргинском машиностроительном заводе. В 1990 году семья переехала в Красноярский край, в город Зеленогорск. Работал электриком на заводе «Сиволокно», зам. главного редактора газеты «Панорама». С 1998 года трудовая биография связана с предприятием Росатома — электрохимическим заводом.

Калугина Петра

Поэт, филолог. Родилась в Норильске. Автор трёх стихотворных сборников, поэтических и прозаических публикаций в журналах «Арион», «Знамя», «Новая Юность», «Октябрь», «Нева», Номо Legens, «Литература», «Плавучий мост», «Литературный Иерусалим», «Перископ». Победитель международного поэтического конкурса «Кубок Балтии» в 2016 году, многократный лауреат различных поэтических конкурсов. Автор фантастического романа «Группа» («Эксмо», 2020), автор альманаха современной фантастики «Полдень, XXI век».

Карзникова Любовь Геннадьевна

Родилась в Туве. Окончила Кемеровский государственный институт культуры. Постоянное место работы — центральная библиотека города Дивногорска. Писать начала в школе. Стихи и проза публиковались в газетах «Орджоникидзевский рабочий», «Красноярский комсомолец», «Огни Енисея»,

«Новости Дивногорска», «Светоч», «НТС», альманахе «Енисей», других изданиях. Ежегодно проводит городской литературный фестиваль «Проба пера» для начинающих авторов. Руководит городским литературным объединением «Потомки Ермака». Выпустила три сборника стихов. Член Союза писателей России.

КРЮКОВА ЕЛЕНА

Родилась в Самаре. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт имени А. М. Горького. Член Союза писателей России. Член Творческого союза художников России. Поэт, прозаик, искусствовед. Жила и работала в Сибири (Иркутский оперный театр, Иркутская филармония). Лауреат премии имени М. И. Цветаевой (2010), Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2014, 2016, 2019), международных литературных премий имени И. А. Гончарова (2015), имени А. И. Куприна (2016), имени Э. Хемингуэя (2017, Канада), Южно-Уральской премии (2017), премий имени С. Т. Аксакова (2019), имени Ф. И. Тютчева (2020), имени Н. Н. Благова (2021) и др. Публикуется в литературных журналах России и стран мира (Франция, Германия, Болгария, США, Канада). Создатель авторского «Театра Елены Крюковой».

ЛЕВЧЕНКО АЛЕКСАНДР

Родился в 1966 году и вырос на Кубани, в городе Гулькевичи, родители — школьные учителя. После окончания школы работал художником-оформителем, параллельно готовясь к вступительным экзаменам в художественное училище. В 1987 году поступил в Красноярское художественное училище, в 1991-м по распределению поехал в село Казачинское, где пять лет работал преподавателем в художественной школе. С 1996 года — свободный художник, работает в стиле, который сам определяет как «русский народный реализм». В 2001 году выпустил сборник стихов «Валенки самурая» (издательство «Кларетианум»), через два года сборник был переиздан с дополнениями и новыми иллюстрациями. В 2008 году под редакцией С. А. Марчука вышел пробный тираж книжки «Валенки самурая», где в качестве иллюстраций были использованы живописные работы автора. Стихи из сборника публиковались в журнале поэзии «Арион» (Москва), в альманахах «ДиН» и «Енисей», в польских альманахах Odra и Tenet.

МАКСИМОВ ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ

Родился 29 июня 1948 года в селе Кутулик Иркутской области. Окончил охотоведческий факультет Иркутского сельскохозяйственного института и Литературный институт имени А. М. Горького. Первый рассказ написал в 31 год. Печатался в журналах «Байкал» (Улан-Удэ), «Сибирь» (Иркутск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Физкультура и спорт»,

«Охота и рыбалка», «Юность», «Роман-журнал XXI век», «Наш современник» (все — Москва), «Всерусский собор» (Санкт-Петербург), «Дальний Восток», «Родное Приамурье» (оба — Хабаровск), «Врата Сибири» (Тюмень), «Огни Кузбасса» (Кемерово), Flogus (Флорида, США), «Жемчужинка» (Австралия), «Берега» (Калининград). Учился в аспирантуре Зоологического института в Ленинграде. Работал на биологической станции на Белом море. Участвовал в морских экспедициях в Тихом океане, Японском, Беринговом, Охотском морях. Работал в Лимнологическом институте на Байкале, принимал участие в подводных экспедициях этого института. Член Союза журналистов и Союза писателей России. Автор 17 книг стихов и прозы.

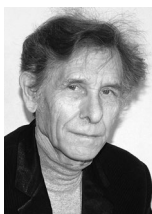
МАМАЕВА АЛЬБИНА РОМАНОВНА

Родилась на Ангаре, в деревне Дворец Кежемского района Красноярского края. Долгое время работала в Туруханске. Живёт в Красноярске.

НЕМЕЖИКОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

Родилась в 1965 году в Красноярске. Окончила с отличием два факультета в КИЦМ (ныне ИЦМиМ СФУ) по специальностям «горный инженер-геолог» (ленинская стипендиатка, 1987), «экономист» (1993). В 2019 году стала лауреатом краевого литературного конкурса имени И. Д. Рождественского в трёх номинациях: I степень — «Драматургия», II степень — «Поэзия», III степень — «Произведения для детей». Публикации: альманах «Енисей», журнал «День и ночь». Живёт в Красноярске.

НЕСТЕРЕНКО ВЛАДИМИР ГЕОРГИЕВИЧ

Родился 15 января 1941 года на Алтае. Член Союза журналистов, член Союза писателей России. Победитель литературно-публицистического конкурса «Национальное возрождение Руси» (2010, повесть «Иван в десятой степени»), лауреат и трёхкратный золотой дипломант национальной премии «Золотое перо Руси» (2010, 2011, 2013), лауреат международных литконкурсов «Серебряный ручеёк» (2011), «Сказки волшебного лотоса» (2015), многократный дипломант конкурсов МТО ДА, альманаха «НЕЛ» в номинации «Мастер литературного слова» (2015). Повесть «Побег из Орды» получила диплом XI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Автор всероссийской газеты «Школьник», журнала «Юный натуралист». Наиболее популярны книги рассказов «Песня марала» (Красноярск, 1991), «Приди, добро!» (Новокузнецк, 2017), таёжная повесть «Вечный двигатель» (Красноярск, 2018), исторический роман «Полководец князь Воротынский» (Красноярск, 2013), трилогия «Перекасти-поле» о судьбе поволжских немцев (в 2008 году издана в Москве и Красноярске, переведена на немецкий язык, издана в Германии), роман-мозаика «Шаги Даллеса. Как ломали Россию» (Красноярск, 2015; Москва, ИСП, 2020),

сборник повестей «Взгляд» (Красноярск, 2018), сборник рассказов и сказок «Песня тайги» (Москва, ИСП, 2019), повесть-сказка «Загадочный сон Энтика» и фантастический роман «Ось Земли новая» (Красноярск, 2019), роман «Обязан побеждать» (Москва, «Вече», 2020). Всего издано 26 романов и повестей, в т. ч. 14 книг для детей. Печатался в ряде коллективных сборников Москвы, Санкт-Петербурга, БСП издательства «Союз писателей» (Новокузнецк), Красноярского края, в журналах «День и ночь», «Енисей», альманахах «Новый Енисейский литератор», «Енисейка». Составитель, главный редактор и автор альманаха «Истоки».

САМУЙЛОВ ВИКТОР ИВАНОВИЧ

Родился 5 января 1951 года в глухом озёрном краю Тверской области. В 1974 году окончил Сызранское военное лётное училище, через 8 лет уволился в запас. Работал 20 лет за полярным кругом, на Таймыре, там и начал писать. Печатался в краевом альманахе «Полярное сияние», в журналах «Природа и человек», «День и ночь», «Уральский следопыт». Издано пять книг. Сейчас в творческой работе временное затишье, связанное с болезнью.

СКАЧКО ЕЛЕНА

Публикуется также под псевдонимом Елена Полеви. Журналист, преподаватель, специалист по коммуникациям, лектор. Пишет стихи и прозу малой формы. Родилась в Азербайджане, высшее филологическое образование получила в Харькове. С 1996 года живёт и работает в Киеве. Более 18 лет была главным редактором женского журнала «Единственная», многолетнего лидера рынка, самого тиражного женского журнала Украины. Стала первым в Украине приглашённым сотрудником крупнейшего швейцарского концерна Edipresse, купившего бренд «Единственная». Участвовала в запуске целого пула популярных женской изданий Edipresse, таких как «Полина», «Леди за рулём», «Юная леди», «Твой малыш», «Твоё здоровье», «Это вкусно!» и др. Редакторскую карьеру продолжила в нишевых глянцевого изданиях VESNA и VESNA.HEALTH. Трёхкратный лауреат Международного литературного конкурса «Золотая роза» в номинации «Короткий рассказ». Двукратный победитель международного сетевого поэтического конкурса «Кубок Поэмбук». Лауреат (лонг-лист) чемпионата Балтии по русской поэзии — 2020, серебряный (по системе топ-10) и бронзовый (по системе плей-офф) призёр международного конкурса «Кубок мира по русской поэзии — 2020». Имеет публикации в коллективных сборниках и книги малой прозы и поэзии, СМИ. Блогер.

ТИМЧЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1950 году в предгорье Саян в Красноярском крае. Окончил Красноярский педагогический институт. Автор трёх поэтических сборников. Проза печаталась в журнале

«День и ночь» (Красноярск), альманахах «Истоки» (Москва, изд. «Перо»), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск). Лауреат премии имени Игнатия Рождественского в номинации «Я себя не мыслю без Сибири» за 2014 год.

УВАРОВА ЕЛЕНА

Родилась в городе Алма-Ата (Казахстан), живёт в России. По образованию юрист. Начиная карьеру со службы в правоохранительных органах, ушла на гражданскую работу в звании старшего лейтенанта. Стихи пишет с 2014 года. Лауреат и финалист литературных конкурсов разных лет: «45-й калибр», поэтический турнир имени Игоря Царёва «ПТИЦА-2018», «Эмигрантская лира» (2020), «Русский Гофман» (2020), «Пятая стихия» (2020), «Витебский листопад» (2020). Бронзовый призёр Международного литературного конкурса «9-й открытый чемпионат Балтии по русской поэзии — 2020», бронзовый призёр Международного литературного конкурса «Кубок мира по русской поэзии — 2020».

УГЛИЦКИХ БОРИС

Родился в Свердловске в 1947 году. Окончил горный техникум, заочно Уральский политехнический институт. Работал помощником машиниста экскаватора, инженером-конструктором, главным конструктором. Отслужив в армии, поступил на службу в подразделение системы ФСИН. 22 года трудился на предприятиях системы исполнения наказаний на руководящих технических должностях. Уйдя на пенсию в звании подполковника МВД, преподавал в колледже, возглавлял медийно-информационную службу Богословского алюминиевого завода. Журналистикой и литературным творчеством занимается всю сознательную жизнь. Издал сборник стихов, две исторические книжки, одну краеведческую, сборник юмора и две детские книжки. Книга «Немцы Поволжья. Реквием по республике» была отмечена руководителями русской диаспоры в Германии.

УСОЛЬЦЕВ ПЁТР ИВАНОВИЧ (1940–1985)

Родился в селе Усольцево Кежемского района Красноярского края. Журналистскую деятельность начал на Камчатке, в городе Елизово. Вернувшись в родные места, работал корреспондентом кежемской, берёзовской районных газет. Наряду со статьями и очерками, писал юмористические рассказы.

ЯРОШ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Окончил физико-технический факультет Уральского политехнического института. Проживает в Красноярске. Публиковался в альманахе «Енисей», в журналах «День и ночь», «Нева», а также в газетах «Вечерний Красноярск», «Полярная звезда» (Чукотка). Финалист национальной литературной премии «Писатель года» за 2019 год.

ISBN 978-5-6044837-6-3

9 785604 483763